

**ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ
ИСТОРИИ
ВОЛГО - КАМЬЯ**

Казань — 2001

ББК

Редколлегия: **Е.П.Казakov, С.И.Валиулина, Р.М.Валеев.**

Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001 г. / Редколлегия Е.П.Казakov и др. — Казань: Изд-во “Мастер-Лайн”, 2001. — с.

Оригинал-макет Журавлев А.А.

© Казанский государственный университет, 2001

© Институт истории АНТ, 2001

ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ Е.А.ХАЛИКОВОЙ

В 2000 году исполнилось 70 лет со дня рождения Елены Александровны Халиковой - одной из немногих женщин-ученых, оставивших заметный след в археологической науке Поволжья и Прикамья в 60-70-е гг. XX в. Ярким метеором прошел ее недолгий путь. Родилась Е.А.Халикова в 1930 г. В 1953-60 гг. работала в Горьковском областном краеведческом музее Татарстана. С 1968 г. она является преподавателем Казанского педагогического института и, одновременно, заведующим археологическим музеем Казанского университета. Здесь Елена Александровна много занималась со студентами, передавая им свой опыт и знания, учила строгому научному подходу для обоснования своих точек зрения. Она подготовила немало учеников. Среди них такие известные исследователи как заведующая музеем средневековой истории и археологии Казанского университета С.И.Валиулина, научный сотрудник Самарского краеведческого музея А.Ф.Кочкина, научный сотрудник Института истории АН РТ Г.И.Дроздова и др.

Словно предчувствуя, что судьба отведет ей немного времени в жизни, Е.А.Халикова с какой-то одержимостью занималась научной работой. Настойчивость, скрупулезность, женскую дотошность проявляла она при археологических раскопках. Начав работать под руководством А.Х.Халикова, в 50-60-е годы в Марийской археологической экспедиции она участвовала в исследовании памятников разных эпох. В 1960 г. в соавторстве с А.Х.Халиковым вышли ее “Материалы к древней истории Поволжья”, изданные в г.Горьком (Нижний Новгород). В них был опубликован материал Веселовского могильника, ставшего одним из опорных памятников для изучения этноса и культуры населения марийского Поволжья и Поволжья в X - XI вв.

Однако в это время исследовательница более интенсивно занималась проблемами эпохи бронзы и раннего железа. На совещании в г.Перми в 1964 г. она принимала активное участие в дискуссии по интерпретации материалов приказанской культуры.

С 1963 г. Е.А.Халикова, ознакомившись с богатыми материалами Танкеевского могильника, проявляет живой интерес к проблемам истории ранней Волжской Болгарии. В течение ряда лет она принимает участие в раскопках этого некрополя. В дискуссии об этнокультурной интерпретации материалов его она поддержала тезис о наличии угорского компонента. Об этом говорят ее статьи, опубликованные в 1970 и 1972 гг.

Итогом такой работы стала публикация в 1977 году в Венгрии на французском языке монографии “Le cimetiére de Tankeevka” (Танкеевский могильник) - единственной в своем роде.

В 1968-69 гг. Е.А.Халикова была одним из руководителей раскопок другого известного языческого некрополя ранней Волжской Болгарии - Тешюнского могильника. В 1970 г. она провела небольшие раскопки Большетарханского могильника, получившего широкую известность еще по публикации его материалов В.Ф.Генингом и А.Х.Халиковым в 1964 г.

Представления о наличии угорского компонента в составе населения Волжской Болгарии получили бесспорное подтверждение после открытия Большетиганского могильника в 1974 г. При раскопках его был получен такой выразительный материал, что Е.А.Халикова вместе с А.Х.Халиковым стали связывать с мадьярами кушнаренковско-караякуповские памятники Урало-Поволжья, и регион их проживания относить к Magna Hungaria - Великой Венгрии. В наиболее обобщенном виде их точки зрения получили свое отражение в изданной в 1981 г. на немецком языке в Будапеште публикации материалов некрополя. Этот труд и сейчас остается чрезвычайно актуальным для ученых.

Много сил и энергии отдала Е.А.Халикова руководя, вместе с А.Х.Халиковым, в 1970-е гг. масштабными раскопками домонгольской столицы Волжской Болгарии - Билярского городища. Широкие исследования позволили ей за короткое время аккумулировать великолепный материал по погребальной, как языческой, так и мусульманской, обрядности волжских болгар. В 1986 году вышла ее книга "Мусульманские некрополи волжских болгар X - начала XIII вв.". Работа эта была посмертной. Умерла Е.А.Халикова в 1977 г., прожив всего 47 лет. Археологической наукой она активно занималась только около двух десятилетий. Мало кто мог бы так много сделать за короткое время. До последних дней, зная о своем близком смертном часе, она продолжала работать. Светлую память о Елене Александровне сохраняют, кто ее знал, с кем она работала.

В данном сборнике представлены статьи как учеников, так и соратников Е.А.Халиковой. В них отражены и многие проблемы, которыми она так интенсивно занималась.

Литература:

1. Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960.
2. Халикова Е.А. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и ранне-родановских памятников Верхнего Прикамья // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970.
3. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские аналогии // ПАДИУ. М., 1972.
4. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА, 1976, №3.
5. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977.
6. Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolshie Tigani). Budapest, 1981.
7. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи волжских болгар X - начала XIII вв. Казань, 1986.

Р.М.Валеев

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН И ТАТАРСКОГО НАРОДА

В Республике Татарстан живут народы с разным историческим прошлым и культурными традициями. Сочетание по крайней мере трех типов культурных влияний определяет уникальность этих мест, своеобразие культуры, а также культурных исторических ценностей.

Культура тюркоязычных народов издревне существовала на земле Татарстана. Волжская Булгария, Золотая Орда и Казанское ханство стали важнейшими этапами государственного строительства, во многом повлияли на формирование культурных и исторических ценностей. До сегодняшнего дня сохранился духовный потенциал этой территории, связанный с почитанием истории и татар, а также значительное наследие, в особенности археологическое и отчасти архитектурное, которое позволяет рассматривать территорию республики как центр татарского народа. Со второй половины XVI века край сыграл важную роль в формировании многонациональной России.

Большой общественный интерес к культурному и историческому наследию многонационального народа нашей республики - одна из наиболее ярких примет сегодняшнего дня.

Сознавая важность и актуальность данной проблемы в республике в последние годы проведена значительная работа по изучению и сохранению памятников истории и культуры Татарстана и татарского народа.

Органами государственной власти и управления принят ряд нормативных документов и крупных программ по обеспечению сохранности, содержания, использования и реставрации памятников истории и культуры. Министерством культуры Республики Татарстан была осуществлена разработка концепции развития культуры и искусства в республике на 1999-2005 гг. Конкретное воплощение она получила в Государственной программе развития культуры в Республике Татарстан до 1995 года. В части, касающейся проблемы исторического и культурного наследия (восстановление исторических городов, сел, старинных усадеб, историко-культурных, природно-ландшафтных, садово-парковых памятников) есть значительные сдвиги. Кроме того, в соответствии с Государственной программой раз-

вития культуры в Республике Татарстан до 1995 года Министерством культуры РТ и Татарским фондом “Мирас” разработан проект “Научной концепции и научно-практической государственной программы по возрождению историко-культурного и духовно-нравственного наследия татарского народа всего мира до 2015 года”. Сложность работы состояла в том, что это была первая программа, охватывающая историю наследия всего татарского народа. Помимо очень скудных наших знаний о татарах ближнего и дальнего зарубежья, имелось немало серьезных “белых пятен” в освящении и татарстанской культуры и наследия татарского народа. В настоящее время Программа завершена и в ближайшее время будет представлена на обсуждение широкой общественности.

И, наконец, впервые в истории Татарстана 2 октября 1996 г. Государственным Советом РТ принят Закон Республики Татарстан “Об охране и использовании культурных и исторических ценностей”.

В соответствии с Постановлением Совета Министров ТАССР №468 от 22.12.87 г. “об организации Свода памятников истории и культуры ТАССР” работа по выявлению, обследованию, фотофиксации и паспортизации недвижимых памятников истории и культуры получила должный размах и масштабность. Ныне обследованы все города и районы республики. Изучены документы из государственных архивов Казани и районных центров Татарстана, Санкт-Петербурга, Москвы, Вятки, Самары, Ульяновска, Уфы, Оренбурга, архивов музеев, религиозных общин и общественных организаций, личных архивов краеведов, опубликованные материалы самого различного рода, хранящиеся в различных библиотеках, учетная документация на охраняемые памятники.

Обследование показало, что во всех без исключения городах и районах республики имеются те или иные категории памятников, причем по своей исторической, научной, художественной или иной культурной ценности не уступающие памятникам состоящим на государственной охране. Прежде всего, это памятники татарского народа. Сюда входят многочисленные культовые здания, а также здания жилой архитектуры в городе и на селе. Всего в республике выявлено более 7,0 тысяч памятников археологии, истории градостроительства и архитектуры, монументального искусства, из них 1052 состоит на государственной охране федерального (общероссийского) и республиканского значения, 120 - на государственной охране местного значения. Более 1,5 тыс. памятников связаны с историей и культурой татарского народа и его предков. Среди них уникальные комплексы историко-архитектурных и археологических памятников X - XVI вв. Болгарского, Билярского и Суварского городищ, памятники национального зодчества “Старо-Татарской слободы” в г.Казани, Заказанья и многие другие. Рассматриваются вопросы о включении наиболее выдающихся памятников истории и культуры в Государственный Свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, в Госу-

дарственный Свод особо ценных объектов культурного наследия Республики Татарстан, в Список всемирного наследия (ЮНЕСКО).

Опубликованы каталог-справочник “Республика Татарстан: памятники истории и культуры”, куда вошли данные о 2759 памятниках как хорошо изученных (в том числе охраняемых государством), так и вновь выявленных в последние годы кроме археологических: книга “Республика Татарстан: памятники истории и культуры татарского народа”. Подготовлена к изданию рукописи каталога-справочника “Республики Татарстан: русские культовые памятники (XVI - XIX вв.)”, первого тома “Свода памятников истории и культуры Республики Татарстан (административные районы)”, готовится рукопись каталога справочника по памятникам истории и культуры финно-угорских народов.

В процессе работы над “Сводом памятников истории и культуры Республики Татарстан” были выявлены новые аспекты и вопросы изучения многовековой истории и наследия народов республики и татарского народа.

В целях сохранения и пропаганды культурных и исторических ценностей, связанных с историей формирования и развития татарского народа в местах его компактного проживания начиная с глубокой древности до настоящего времени, с 1995 г. проводится работа по их выявлению и изучению, которую планируется завершить к 2005 г. изданием “Свода памятников истории и культуры татарского народа”.

В 1991 - 1993 гг. Управлением охраны памятников были собраны данные у госорганов охраны памятников субъектов Российской Федерации (Астраханская, Иркутская, Омская, Оренбургская, Рязанская, Свердловская, Тюменская, Тверская области, Краснодарский и Красноярский края, Мордовская и Чувашская Республики, Северная Осетия, г.Москва) по памятникам истории и культуры татарского народа, находящимся на государственной охране. В 1995 - 98 гг. сотрудниками отдела Свода памятников ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ осуществлены экспедиционные выезды в Чувашскую республику, Республику Марий-Эл, Ульяновскую, Оренбургскую и Кировскую области. Выявлено более 100 объектов (жилые дома, мечети, здания гражданской архитектуры, медресе, мемориальные дома, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся представителей татарского народа). Проведена работа по фиксации этих памятников, собраны краеведческий материал.

В 1990 году утвержден список исторических городов и населенных пунктов Российской Федерации, подлежащих особому режиму при реконструкции и застройке. В него вошли: г.Казань (XI в.), Елабуга (XI, 1780 г.), Билярск (XI - XIII вв., XVII в.), Бугульма (1781 г.), Булгары (X - XV вв., 1781 г.), Мензелинск (1781 г.), Менделеевск (1781 г.), Тетюши (1578 г.), Чистополь (1781 г.), б.г. Свияжск (1551 г.), р.п. Лаишево (1558 г.). Вероятно дальнейшие исследования и изыскания дадут возможность расширить этот спи-

сок, главным образом, за счет исторических сел и деревень, которые пока в этот список не попали. Такая работа проводится в настоящее время.

Продолжена разработка в составе генеральных планов проектов охранных зон, зон регулирования застройки и охранного природного ландшафта для памятников исторических городов и населенных пунктов.

Проводится работа по увековечению памяти видных деятелей татарской науки, культуры и искусства, общественного движения. В последнее время установлены мемориальные доски Баки Урманче, Рашиду Вагапову, А.Ф.Лихачеву, Шамилю Бичурину, Н.В.Никольскому, Гульсум Болгарской, С.Н.Рахманинову, Хасану Туфану, Саре Садыковой, Загиду Хабибуллину, Хуснулле Валиуллину, Мансуру Музаффарову, джалилевцам в тюрьме Плетцензее в Германии и многим другим, барельефы джалилевцам в комплексе памятника М.Джалилю, надгробные памятники Хисматуллиной и Назибу Жиганову. Кроме того, в последнее время приняты решения об увековечении памяти Гаяза Исхаки, Нияза Даутова, Газиза Губайдуллина, рассматривается вопрос об увековечении памяти С.Н.Максуди. Ведется проектирование и изготовление памятников Г.Ибрагимову, К.Фуксу, С.Сайдашеву, Ф.И.Шаляпину, Б.Урманче, Н.Исанбета и М.Султан-Галееву в г.Казани.

В последние годы в республике идет интенсивный процесс возвращения культовых зданий верующим, в чем видится восстановление исторической справедливости, нарушенной в предшествующие этапы развития нашего общества. Этот процесс основывается не только на возрождении нравственных чувств населения республики, но и на документах принятыми органами государственной власти и управления. Начиная с 1988 года религиозным организациям передано более 50 культовых зданий - памятников истории и культуры. По мере возможности органы государственной власти и управления, местные органы государственного управления оказывали помощь религиозным организациям в подготовке научно-проектной документации по реставрации памятников и в реставрации культовых зданий, являющихся памятниками истории и культуры.

На базе археологических, историко-архитектурных и природных комплексов созданы и ведут большую работу:

- Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (1989),
- Иске-Казанский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник в Высокогорском районе (1992),
- Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник в Алексеевском районе (1992),
- Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник "Казанский Кремль" (1994).

Проведена работа по организационному оформлению заповедников. Начаты работы по широкой музеефикации, туристическому показу и благоустройству территории и подъездов к памятникам, укреплению их мате-

риально-технической базы. Реализуется специальная программа "Серебряная дуга" - проекта комплексного сохранения наследия и его использования в туристических целях, аналогичного "Золотому кольцу" России. Этот маршрут предполагается проложить по древнебулгарской земле Закамья от Болгара до Чистополя. Начата разработка госпрограммы по возрождению и социально-экономическому развитию исторического поселения и архитектурно-художественного комплекса памятников XVI - XX вв. острова-града Свяжск.

В организации реставрационных работ наметился комплексный подход к реставрации определенных групп и категорий памятников. Сегодня уже можно говорить об определенных результатах целенаправленного сосредоточения усилий на важнейших комплексах памятников. Предметом постоянной заботы реставраторов являются памятники Казанского Кремля, Свяжска, Елабуги, Чистополя, Болгарского заповедника и др.

Завершена 5-летняя работа по реставрации легендарной башни Сююмбеки. В Констисторской и Юго-Восточной башнях Кремля размещены экспозиции из фондов Госмузея РТ. Музеефицируются культовые здания Свяжска, Болгар. На базе отреставрированных памятников открыты музеи С.Сайдашева в Казани и Высокогорском районе, Ш.Мансура и Ф.Яруллина в Мамадышском районе, Р.Фахрутдинова в Альметьевском районе, Н.Дуровой и И.И.Шишкину в Елабуге, Б.Пастернаку в Чистополе. Начата музеефикация домов К.Насыри в Казани и Зеленодольском районе. Большое внимание уделялось памятникам и памятным местам, связанным с деятельностью Г.Тукая в Казани и Арском районе. Завершена реставрация и сдан в эксплуатацию музей-усадьба семьи Тукаевых в с.Кушлауч Арского района, установлен надгробный памятник отцу поэта. Проведен капитальный ремонт музея Г.Тукая в с.Тукай-Кырлай, отреставрирована и сдана мечеть в с.Учили. Отреставрирован надгробный памятник на могиле поэта на татарском кладбище в г.Казани. Близки к завершению работы на усадьбе в с.Бол.Ачасыры Зеленодольского района и на доме по ул.Парижская коммуна, 35 в г.Казани, связанные с именем татарского просветителя К.Насыри. В настоящее время здесь ведутся работы по благоустройству территорий, инженерные работы и работы по созданию музейных экспозиций. Отреставрирован мемориальный комплекс, посвященный чувашскому просветителю И.Я.Яковлеву в с.Кошки-Новотимбаево Тетюшского района.

В месте с тем в организации охраны, реставрации, содержания и музейного показа памятников имеются серьезные недостатки, не обеспечиваются в полном объеме и по срокам выполнение постановлений Правительства Республики Татарстан, что связано главным образом с ограничением финансирования.

В последнее время участились случаи нарушения порядка и условий использования недвижимых памятников истории и культуры, что ставит

под угрозу их сохранность. Органами Госкомпримущества и Госкомпривата Республики Татарстан на местах памятники предоставляются в пользование юридическим и физическим лицам без соответствующей охранной документации, включаются в Перечни объектов приватизации, изменяется их функциональное (первоначальное) назначение, не учитывается наиболее благоприятный для их сохранности характер использования в современных условиях. Предложения по разграничению государственной собственности, признанной в установленном порядке памятниками истории и культуры, по отчуждению и передаче прав владения, пользования, распоряжения и использования памятников истории и культуры по приватизации недвижимости в зонах охраны объектов культурного наследия, не согласовываются с органами охраны памятников. Для решения этой проблемы Госкомпримущество, Министерство Культуры направило Главам администраций городов и районов, органам по управлению коммунальным имуществом письмо с предложением решать эти вопросы в отношении памятников истории и культуры по согласованию с государственными органами охраны памятников. До настоящего времени Главой администрации Чистопольского района и г.Чистополя не решен вопрос о создании на территории города и района отдела учета, охраны и использования памятников. Зачастую памятники истории и культуры используются для решения политических проблем.

Серьезное внимание уделялось выявлению, изучению и сохранению археологического наследия. Результатом более чем тридцатилетней работы археологов специалистов ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова АНТ и Казанского университета является "Археологическая карта Татарстана" в 6 томах, куда вошло описание более 4 тысяч 300 памятников археологии от эпохи среднего палеолита до позднего средневековья. Авторы этого уникального труда удостоены Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники за 1994 г. Такого количества памятников нет ни в одной из соседних областей и республик. Так об истории татарского народа мы можем узнать по более чем 200 городищам и 800 селищам, относящимся к истории Волжской Булгарии и Казанского ханства. Но и это наследие не ограничивается пределами нашей республики. На территории соседних областей и республик расположено около 300 археологических объектов булгарского и ханского периодов, не считая золотоордынского.

Ежегодно археологическими экспедициями Института истории, Казанского государственного университета, Главного управления охраны и использования памятников истории и культуры проводятся археологические исследования и охранно-спасательные археологические работы.

В настоящее время в целях дальнейшего совершенствования контроля за использованием и приватизацией в республике и недопущения разрушения памятников, обеспечения их сохранности и рационального использования все отводы земель под любые виды хозяйственной деятель-

ности производятся только после проведения органами охраны памятников экспертизы-согласования проектов на предмет наличия в отводимых землях памятников истории и культуры. До 2000 г. планируется завершить составление проектов зон охраны памятников археологии городов и районов республики, установить земли историко-культурного наследия и внести их для включения в земельные кадастры территорий. В 1993 - 1998 гг. проведено обследование (инвентаризация) более 20 районов республики (Муслюмовский, Актанышский, Сабинский, Пестричинский, Тюлячинский, Сармановский, Тукаевский, Дрожжановский, Октябрьский, Алексеевский, Черемшанский, Атнинский, Арский, Кукморский, Балтасинский и др.). За этот период в числе прочих осмотрено состояние свыше 1200 средневековых памятников, включающих 7 разновременных археологических комплексов, в том числе и многослойных, а так же эпиграфические памятники, содержащие около 80 единиц обследования. Из них XII - XIII вв.: около 90; XIII - XIV вв. (археологические и эпиграфические): 23; XV века (эпиграфические): 3; XVI века (эпиграфические): около 38; XVII - XVIII вв. (Эпиграфические): 9. Переведены в земли историко-культурного назначения территории Булгарского, Иске-Казанского, Кремлевского и Елабужского заповедников. К сожалению, не осуществлена эта работа на территории Билярского заповедника.

В целях дальнейшего совершенствования охраны историко-культурного наследия, сохранения уникальных памятников археологии, расположенных в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ и интенсивно разрушающихся водами этих водохранилищ, разработана и утверждена Программа проведения охранно-спасательных археологических работ (на период до 2000 г.). С 1994 г. эти работы проводятся силами Новострочной археологической экспедиции Главного управления госконтроля охраны памятников, Института истории АНТ, Казанского государственного университета.

И, наконец, в соответствии с "Основными направлениями научной концепции сохранения, реставрации и использования ансамбля Казанского Кремля" с III кв. 1993 г. на территории Кремля с целью максимального выявления и музеефикации археологических объектов всех периодов, уточнения даты основания Казани ведутся археологические исследования и охранно-спасательные археологические работы. Все раскопки дали большой керамический материал, предметы из железа, меди, камня, кости, большое количество объектов (жилища, хозяйственные постройки и ямы и др.). Выявлены остатки белокаменной крепостной стены по восточному краю Кремлевского холма. Статистическое и типологическое изучение керамики позволяет представить керамический комплекс каждого исторического периода Кремля. Различные культурные группы керамики отражают этнический состав населения на исследовавшихся участках Кремля. Проанализированные в развитии, они позволяют выявить роль

достижений болгарского гончарства для последующих периодов истории памятника, значение его в формировании керамики периода XV - XVIII вв. Выделен древний слой (V "домонгольский-болгарский"), который отражает древнейший период города, время его возникновения и функционирования в качестве военной крепости и торгового пункта волжских болгар (XI - перв. пол. XIII вв.) в отложениях Казани. Прослежен практически во всех раскопах. На основании полученного материала можно говорить о существовании болгарского поселения на территории нынешнего Кремля по крайней мере со втор. пол. домонгольского времени, т.е. примерно с XI в. Щедрым на находки оказался слой Казанского ханства, накопленный во втор. пол. XV - перв. пол. XVI столетий. Самым загадочным сооружением этого времени являются остатки какого-то довольно крупного каменного здания, к сожалению, полностью разобранного после 1552 года. От зданий сохранились только следы в виде многочисленных ямок от дубовых свай-коротышей, которые были вбиты для уплотнения грунта под фундаментом стены. Это прямоугольное сооружение с мощными каменными стенами занимало площадь более 50 кв. м. По стратиграфическим данным, т.е. по уровню замечания в слое, оно относится к первой половине XVI века. Было разрушено, в дни взятия города войсками Ивана Грозного. В северо-восточном и северо-западном углах этого здания как раз и были найдены клады. Малый клад содержал 456 монет, которые были положены в берестовый туесок, а большой клад был найден в кожаном мешочке и содержал 1449 монет. Находка клада большая удача. Все ответы на вопросы будут найдены в научной публикации.

К сожалению внимание к сохранению памятников археологии со стороны органов госуправления и населения недостаточно. Почему-то укоренилось мнение, что это дело лишь ученых и специалистов. В результате нежелания истинную цену этих ценнейших исторических свидетельств, при проведении хозяйственных работ памятники частично разрушаются, а нередко утрачиваются полностью. Правда, в некоторых районах археологические памятники, особенно кладбища, относящиеся к XIII - XVI вв. окружаются бережной заботой. Так, в Альметьевском районе известное Елховское кладбище с его эпиграфическими памятниками, относящимися к XVII - XVIII вв. обнесено оградой и охраняется местными органами власти. Но, к сожалению, так происходит не везде. Так,

В Муслюмовском районе земляным карьером нарушено Старо-Варяшские II селище и Ново-Мазинский комплекс памятников XV в. до н.э. - XIV в. н.э.; не имеют ограды, повалены на землю надгробные камни на Котмышском кладбище XVI - XVII вв. н.э.

В Пестричинском районе полностью застроено Татходяшевское селище XII - XIV вв. и Янцеварское кладбище с остатками надгробий XVI в.; разбит и не имеет ограды надгробный памятник XV в. у с. Чита (на обращение в администрацию района по поводу охраны этого объекта ответа не по-

ступило). В 1992 г. исчезло, зафиксированное в 1952 г. надгробие XVI в. у с.Кибячи; не имеет ограды надгробие XVI в у с.Пановка (на обращение к Главе администрации района Хабибуллину Ф.Ш. по поводу охраны его ответа не последовало).

В Сабинском районе застроено Измянское селище XII - XIV вв.; в 60-х гг. исчез Старомичанский надгробный камень XV в.; разрушился обломок надгробия XV? в. на кладбище в с. Верхние Кибя-Кози; разрушилась ограда к Кибя-Козинских надгробий XIV в., впрочем, как и сами надгробия. Без ограды были и надгробные камни XIV - XVII вв. у с.Измя (после обращения к главе администрации района Гилмиеву Ф.Г. рассмотреть этот вопрос, установить ограду у камней было поручено общеобразовательной школе. Все эти примеры показывают, что отношение к памятникам археологии далеко не соответствуют общепринятым принципам сохранения культурного наследия.

Развивались международные контакты с государственными органами охраны памятников России, Болгарии, Польши, Германии, Америки и тюркоязычных стран в рамках общетюркской организации ТЮРКСОЙ. Прорабатываются вопросы вхождения республики в международную организацию по сохранению памятников (ИКОМОС) и создания Татарстанского национального комитета ИКОМОС, что позволит войти в систему информационного обеспечения Международного научного центра консервации и реставрации культурных ценностей (Римский центр).

Реализация стратегии сохранения и возрождения нашего историко-культурного наследия возможно только при условии расширения и повышения культурной базы, правового, финансового, научно-технического и организационного обеспечения, и конечно, подключения всех информационных и технических возможностей современного общества.

Сохранить богатое историческое и культурное наследие многонационального народа республики возможно лишь в том случае, когда это будет делом не только специалистов - археологов, историков, архитекторов, краеведов, но и руководителей разного ранга, широких слоев общественности. Нам всегда надо помнить, что памятники легко ранимы. Они разрушаются от наших разногласий и распрей, от нашего равнодушия и невнимания больше, чем от природных бедствий. Поэтому от того, как мы сегодня сохраняем культурные и исторические ценности, о нас и о нашем времени будет судить наши потомки.

С.В. Кузьминых

**О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ПРОБЛЕМАХ
БРОНЗОВОГО ВЕКА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(В СВЯЗИ С РАБОТАМИ 70-90-х гг. XX в.)**

В 50-60-е гг. А.Х. Халиковым была создана целостная концепция древней истории обширнейшего региона Европейского континента - северной лесостепи и южно-таежной зоны Среднего Поволжья (153; 157; 158; 159; 160; 161). Проблемы бронзового века являлись в ней, пожалуй, стержневыми. Сама концепция покоилась на огромной и надежной (с позиции той эпохи) источниковедческой базе (66, с.157-246; 23; 24, с.76-84; 120; 125, с.124-131; 162; 163; 164; 165; 166; 167; 168; 169; 170; 171; 172, с.239-268; 173). В 70-90-е гг. шаг за шагом осуществлялась ревизия халиковского видения бронзового века Среднего Поволжья. В эти годы качественно обновилась источниковая база для целого ряда культур, важную роль сыграло применения статистических и естественнонаучных методов, заметно вырос и исследовательский потенциал нового поколения археологов. В то же время многие проблемы, не нашедшие решения в халиковской концепции, так и остались без ответа. Ряд проблем закономерно встал в связи с новыми исследованиями.

В данном докладе я остановлюсь только на некоторых из них с тем, чтобы наметить возможные пути их решения. Прежде всего, речь идет о проблеме взаимодействия пришельцев скотоводов (в лице самых восточных групп носителей общности культур боевых топоров и шнуровой керамики (балановская-атликасинская, фатьяновская) с местными племенами охотников и рыболовов (волосовская, гаринская и др.) и об исторических судьбах обеих групп населения. Как известно, процессы взаимодействия скотоводов "шнуровиков" с постнеолитическими группами охотников и рыболовов охватили зону широколиственных лесов и южную кромку тайги Восточной Европы. Археологическое выражение этого процесса документируется древностями типа Kiukaiskultuur в Южной Финляндии, древней штрихованной керамики в Северной Белоруссии и в Балтийских странах, т.н. фатьяноидных или галичских в центре Русской равнины и чирковских в Волго-Камье (22, с.72,73; 36; 38; 42, с.101-109; 44, с.122-140-; 52, с.195-199; 54; 78, с.267-272; 88; 89; 95; 96, с.184-212; 97; 98, с.49-141; 99, с.9-23; 104, с.152-158; 122, с.65-72; 128, с.18-25; 130, с.14-21; 131, с.92-95; 132, рис. 7; 134, с.39-64; 135, с.46-82; 145, с.69-112; 162, рис. 131-137; 166, с.182-208; 170, с.36-139). Формирование, разви-

тие и исторических судьбы этих симбиозных этнокультурных образования были различными и определялись спецификой этно- и культурогенеза в том или ином регионе Европы. На западе это привело в конечном итоге к формированию балтских по своей этнической принадлежности культур (36, с.117-129; 99, с.23-26; 131, с.92-95; 145, с.156-189). Роль же так называемых фатьяноидных и чирковских древностей в дальнейших этногенетических процессах бронзового и раннего железного веков еще не до конца ясна, хотя в литературе есть немало суждений на этот счет (10, с.16-18; 22, с.73; 43, с.16; 52, с.119-203; 78, с.270-272; 79, с.75, 76; 101, с.75; 121, с.189; 132, с.23, 110; 145, с.88; 159, с.287-296; 161, с.29, 30; 166, с.205, 206; 170, с.39; 172, с.268;). А.Х. Халиков (а вслед за ним В.С. Патрушев и Г.А. Архипов) смыкали финал чирковской культуры с РЖВ и пытались продемонстрировать чирковский "след" в ананьинском культурогенезе (10, с.16-18; 121, с.188-180; 162, с.126; 166, с.205; 170, с.139), хотя ни стратегических, ни морфологических оснований для этого не было. Б.С. Соловьев, автор монографического исследования чирковской культуры (136), определил ее хронологические рамки концом первой четверти - серединой II тыс. до н.э., т.е. в промежутке между финалом волосова и появлением в той экологической нише, которую занимали чирковские древности, предананьинских атабаевско-"текстильных" памятников. Очевидно, что проблема исторических судеб чирковских древностей требует специального обращения и соответствующих источников, которых, к сожалению, пока что нет. Необходима также корреляции этно- и культурогенетических процессов, исследованных Б.С. Соловьевым (134, с.47-55; 135, с.55-64; 137, с.87-99; 138, с.21-43), с теми, что протекали на северо-западе - на Оке и Верхней Волге. В ранних текстильных древностях этого региона все явственнее прослеживается фатьяноидный "след" (17, с.12-14; 33, с.135-146; 75, с.148; 76, с.78, 154, 160; 77, с.36, 38, 80; 131, с.21, 24; 114, с.148, 155; 144, с.148, 196). Обращают на себя внимание чирковские и фатьяноидные керамические материалы в бассейнах рек Европейского Севера, которые как будто не имеют здесь местных генетических корней. Б.С. Соловьев избавил хронологию и периодизацию чирковской культуры от жесткой связи с этапами развития балановской культуры (136, с.16-20), наметенными О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым (21, с.268-276; 23, 74-82, табл. 52; 24, с.; рис. 37; 172, рис. 16). Эта жесткость была очевидна еще и 20-30 лет тому назад (см. работы П.М. Кожина) (70, с.25-37; 71, с.53-58; 72). Весьма важными являются данные Б.С. Соловьева о синхронизации чирковской и хуласючской посуды (136). В этой связи встает проблема так называемых позднебалановских памятников, которые по Бадеру-Халикову локализируются в конце бронзового века в Нижнем Посурье (23, карта 9; 142, с.124-136; 143, с.68, рис. 30; 162, с.138-142). Проблематичен как позднебронзовый статут древностей типа Хула-Сюч, так и особый хуласючский этап балановской культуры. Очевидным стало несоответствие

хронологии и периодизации баланова (схема Бадера-Халикова) с разработками, полученными в 70-90-е гг. для волосовской, фатьяновской, чирковской и абашевской культур (39, с.22; 47, с.102-142; 78, с.207-238; 79, с.71, 72; 102, с.58-72; 103, с.145-151; 126, с.98-146; 127 с.7-32; 136). Эта схема, несомненно, требует коррекции, причем с учетом всего позитивного, что содержалось в концепции баланова О.Н. Бадера и А.Х.Халикова.

Предложение С.В. Большова (27, с. 17) рассматривать балановские памятники как хронологический этап в развитии фатьяновской культуры является, на мой взгляд, шагом назад. В настоящее время мало кто сомневается в том, что и те и другие древности составляют единую культурно-историческую область/общность. Однако специфика этих древностей слишком очевидна, чтобы рассматривать их как этапы одной культуры. Недавнее исследование технологии и морфологии керамики фатьяновских и балановских племен, предпринятое Е.В. Волковой (39, с.19-32), подтвердило точку зрения тех исследователей (О.Н. Бадер, А.Х. Халиков, П.М. Кожин, П.Н. Третьяков, Д.А. Крайнов), которые доказывали генетическую близость и особые пути развития этих племен. Е.В. Волкова отмечает своеобразие балановских орнаментальных традиций, которые также указывают на особый путь развития баланова. Она считает, что постоянные контакты фатьяновского и балановского населения начались позднее, когда у последнего уже сформировались свои локальные особенности. Продолжает оставаться актуальной проблема появления в лесостепи и таежной зоне восточной Европы носителей западносибирской валиковой керамики (кротовского облика). Роль их в дальнейших процессах этно- и культурогенеза позднего бронзового века еще не совсем ясна. Но вряд ли правомерно прямое отождествление носителей валиковой керамики с сейминско-турбинскими популяциями, как полагал А.Х. Халиков (154, с.44; 161, с.26, 27; 155, с.8, 9; 170, с.136-139), Е.Н.Черных и я не исключали возможности того, что стремительное передвижение сейминско-турбинских групп увлекло за собой население ряда других сибирских культур, что и нашло отражение в чирковских и других восточноевропейских памятниках (147, с.100-105; 148, с.269-277). К такому же выводу пришел Б.С. Соловьев, который впервые реально обратился к изучению взаимодействия валиковых и местных групп населения (136; 137, с.87-99; 138, с.21-43). К сожалению, остаются непонятными посылки гипотезы Е.П. Казакова (64, с.31; 65, с.35-44) о постсрубном возрасте сейминско-турбинских древностей в Закамье. Материалы свиты не стратифицированных могильников у д.Соколовка вряд ли могут убедить кого-нибудь еще в достоверности этой идеи, равно как и в синхронизации балановской и срубной культур.

В связи с сейминско-турбинским феноменом стала активно обсуждаться проблема распространения производящей экономики в мире таежных рыболовов и охотников. Ряд авторов (4, с.32, 33; 19, с.3,4; 20, с.33-35; 46, с.24) некритично воспринял наши с Е.Н. Черных идеи, наделив сейминско-

турбинские группы чертами культуртрегеров, “культурных героев”, передающих новые передовые технологии металлообработки лесным восточноевропейским народам. Однако необходимо сознавать, что постнеолитические охотники и рыболовы (волосовская, гаринская и др. культуры) еще не были готовы к восприятию этих технологий. Кроме того, следует помнить о типе поведения сейминско-турбинских популяций: они активно включали в свою культуру многие чужеродные для себя элементы иных культур, допускали инкорпорацию иноплеменников, но старались ничего или фактически ничего из своих основных достижений (оружие, сплавы, технология) другим не передавать. Мы постарались это показать на примере абашевцев, включенных в структуры сейминско-турбинских групп (147, с.98-101; 148, с.197-208, 218-238, 273-275). Новые технологии укоренятся в таежной зоне лишь спустя одно-два столетия, когда культуры типа приказанской и поздняяковской войдут в систему Евразийской металлургической провинции (148, с.276,277; 149, abb. 4).

В 70-90-е гг. возрос интерес к абашевским древностям Среднего Поволжья (раскопки В.Ф. Каховского, Б.В. Каховского, Б.С. Соловьева, С.В. Большова, О.В. Кузьминой и др.), но он вылился лишь в увеличение источниковой базы (11, с.249-254; 28, с.14-16; 31, с.81-113; 67, с.18-21, 69, с.4-14; 69, с.105-123; 133, с.84-90; 152, с.22-35). Попыты систематизации, предпринятые С.В. Большовым и О.В. Кузьминой (27, с.8-15; 80, с.11-73), являются, безусловно, полезными, но они мало в чем поколебали прежние разработки А.Х. Халикова и А.Д. Пряхина (125, с.124-131; 126, с.98-165; 127, с.7-32; 128, с.116-166; 156, с.66-82; 163, с.207-226; 173, с.6-25). С.В. Большов явно переоценивает некоторые абашевские проявления в балановско-чирковских древностях. Вряд ли следует преувеличивать роль абашевцев в этногенетических процессах южно-таежной зоны и в распространении здесь производящей экономики. Приведенные С.В. Большовым свидетельства ранних контактов волосовцев с абашевцами свидетельствуют как раз об эпизодичности этих контактов и уж ни в коей мере не могут поколебать интенсивный характер волосовско-балансиовских взаимосвязей. Тем более нет оснований для отождествления, абашева и поселений чирковского типа (27, с.16-20; 29, с.163-165; 30, с.141-156). Я не могу также согласиться с реанимацией идеи о перворядстве средневожского абашева (О.В. Кузьмина, В.С. Горбунов) (47, с.152, 153; 48, с.10-11; 80, с.74; 81, с.218, 219). Меня больше убеждают аргументы критиков этой идеи (25, с.14; 26, с.24-27) Речь идет не об отрицании “шнурового” начала в абашеве: оно очевидно (за исключением разве что Е.П. Казакова (64, с.31), который причисляет абашевскую культуру наряду с федоровской, черкаскульской, сейминской и поздняяковской к числу андронидных и видит истоки всех этих культур в энеолите Урала и сопредельных районов Западной Сибири). Однако не стоит усматривать его в балановских древностях: последние демонстрируют определенную линию раз-

вития, направленную на симбиоз с местными волосовскими группами населения. Никаких иных линии развития баланова на Средней Волге мы не знаем. Полагаю, что давняя идея о формировании абашева на основе симбиоза пострепинских и “шнуровых” групп населения в северной лесостепи в центре Русской равнины (47, с.28; 125, с.130; 127, с.19-21) является более обоснованной. Подтверждением тому интереснейшие протоабашевские комплексы в верховьях Дона, выявленные Ю.Г. Акимовым на поселении Мельгуново 3 в Тульской области (55, с.96, 97; 56, с.31-33). Исторические судьбы средневолжского абашева остаются не совсем ясными. Мне представляется перспективным связывать их с сейминско-турбинским транскультурным феноменом. Дисперсное распространение абашевских древностей в лесной полосе Восточной Европы (от Калужской и Московской областей на северо-западе до Вычегды на северо-востоке) (125, карта 23), по всей вероятности, спровоцировано давлением сейминско-турбинских групп, которые отрезали пути движения правобережной абашевской группировки на юг, в лесостепь. Часть абашевцев включается в сейминско-турбинские отряды не только в Приуралье (Турбино), но и на Средней Волге, как о том свидетельствуют окские могильники Сейма и Решное. Отрвавшиеся от основного массива абашевские группировки (вятско-ветлужская, верхневолжская, вычегодская и др.), скорее всего, растворились в среде местных лесных народов. Отражением этого процесса, как считают А.Х. Халиков и А.Д. Пряхин, являются памятники займищенского этапа приказанской культуры (127, с.27; 169, с.52; 171, с.144). Однако, малочисленность и сосредоточие этих памятников лишь на небольшом отрезке казанского течения Волги (157, с.54; 169, карта 2; 171, карта 29) не решают всей проблемы формирования аборигенных образований начала ПБВ.

Наиболее сложные и нерешенные проблемы ПБВ Среднего Поволжья связаны с изучением срубной, приказанской и андронидных культур. Несмотря на монографическое исследование М.Ф. Обыденнова и Г.Т. Обыденновой (111; 112), северная лесостепь остается “белым пятном” на фоне других районов срубной общности. Особенно разительным является контраст с древностями южной лесостепи (бассейны Самары, Сока, Ика, Демы, среднего течения Белой), введенными в научный оборот самарскими и уфимскими археологами (2, рис. 1; 35, рис. 1; 49, рис. 3, 19; 50; 51; 112, рис. 2). Срубные памятники изучены в Предволжье и Закамье с большей или меньшей полнотой только по кромке Волги и Камы, главным образом в зоне Куйбышевского водохранилища (41, рис. 2; 112, рис. 1; 157, рис. 48). Однако, при многих сотнях поселений и курганов, зафиксированных в археологических картах Татарии (5; 6; 7; 8; 9), стационарно изучены единицы (82, с. 17-19; 112, рис. 3, 19). Как известно, не лучше обстоит дело и с изучением в северной лесостепи абашевских, синташтинско-потаповских и покровских древностей. Не случайно столь скромной является их характеристика в сводных трудах В.С. Горбунова (49, с.57-60, 99).

Без активного пополнения источниковой базы решение каких-либо проблем срубной общности этого региона еще долго останется на уровне давних разработок А.Х. Халикова.

В то же время в 70-90 гг. заметно активизировалось изучение проблем приказанской и андронидных культур (12, с.93-138; 13, с.123-137; 14, с.37-74; 15; 16; 32, с.89-99; 34, с.21-39; 40, с.109-120; 53, с.91-95; 62; 63, с.52-77; 73, с.162-205; 74, с.69-110; 85, с.3, 4; 86, с.7, 8; 87, с.39-43; 91; 92, с.48-88; 104, с.170-190; 105, с.115-122; 106, с.79-92; 107; 108; 109; 110; 115, с.123-139; 116, с.9-54; 117; 118, с. 43-56; 119, с. 29-49; 139, с.67-84; 140, с.82-85; 141, с.73-88; 150 с 4-42; 151, с.22-32). Благодаря работам Л.И. Ашихминой, Н.Л. Членовой, М.Ф. Обыденнова, В.А. Иванова, Е.П. Казакова., В.С. Патрушева, В.Н. Маркова, Б.С. Соловьева, Ю.И. Колева и др. фундамент халиковской концепции единой приказанской культуры фактически размыт. Однако перестройка этой концепции может надолго затянуться, если подходить к ней как к лоскутному одеялу, из которого можно вырывать то один, то другой клочок. Л.А. Ашихмина “тянет” часть приказанских памятников балымско-карташихинского и атабаевского этапов Нижнего Прикамья в луговскую культуру, М.Ф. Обыденнов (и с ним солидарен Е.П. Казаков) - в межовскую. Аналогичные памятники Среднего Поволжья В.С. Патрушев “оставляет” в приказанской культуре, но памятники последующего этапа, содержащие наряду с маклашеевской текстильной посудой, фигурируют уже в рамках раннего этапа ахмыловской культуры. Ряд памятников, “побывавших” и в приказанской и в луговской и в межовской культурах, Ю.И. Колев называет сусканскими. Маклашеевские древности продолжают именоваться быргындинскими, ерзовскими, курмантау. Все это подчеркивает необходимость скорейшего обращения к известным базовым памятникам приказанской культуры (12, с.93-138; 57, с.10-95; 58, с.82-112; 66, с.157-246), которые легли в основу ее периодизации, и сопоставления их с опорными памятниками луговской, межовской, сусканской и других культур. Это исследование будет успешным только в рамках коллективных усилий и единых методических приемов. Вероятно, не меньшие проблемы возникнут при обращении к маклашеевским древностям. В свое время В.Ф. Генинг (45, рис. 2.) предложил рассматривать их в рамках предананьинской культурно-исторической общности/области. Такой подход не исключает региональное своеобразие, но в то же время предполагает генетическое единство этих древностей, которое мне представляется очевидным (82, с.21, 22; 85, с.3; 86, с.6,7). Вопрос вопросов - истоки маклашеевского керамического комплекса. Прямым продолжением атабаевских традиции вряд ли объяснить столь специфические черты этого комплекса, как, например, появление сосудов с округлыми днищами. Б.С. Соловьев, В.Н. Марков и автор в ряде последних работ показали (87, с.39-43; 93, с.177, 178; 141, с.79, 80) сосуществование на Средней Волге атабаевских и ранних текстильных древ-

ностей. Характерная для последних круглодонная керамика могла сыграть роль катализатора при сложении маклашеевской. Однако эта идея требует, конечно, обоснования. В отличие от В.С. Патрушева мы признаем существование в Среднем Поволжье в финале ПБВ культуры текстильной керамики и маклашеевской. Процесс взаимодействия этих образований требует дальнейшего изучения, причем не только в приустьевой части Камы, но и в Марийско-Чувашском Поволжье и глубинных районах закамской лесостепи (Нижняя Орлянка на р. Сок) (87, с.39-43; 93, с.177, 178; 141, с.79-80). Исторические судьбы маклашеевского и текстильного населения конца ПБВ, как показал В.Н.Марков ((1, с. 5-18; 94, с.5-18), тесно переплетены с этнокультурными образованиями РЖВ - раннеананьинской (постмаклашеевской) и текстильной (акозинской) культурами, однако конкретные пути этого процесса еще требуют изучения.

Такие же сложности ожидают нас при обращении к балымско-карташихинским, атабаевским, луговским, сусканским и межовским древностям; слишком велика разногласия мнений. Здесь не столько нужны новые источники, сколько необходимо заново обработать и опубликовать первоисточники и найти приемлемые формы коллективной работы. Без этого мы еще долго будем тянуть приказанское "одеяло" во все стороны. Необходимо найти критерии, различающие и объединяющие эти древности. В их сложении, несомненно, важнейшую роль сыграл восточный (черкаскульский и федоровский) импульс, что прекрасно показали на примере межовских и сусканских памятников М.Ф. Обыденнов и Ю.И. Колев. В то же время требует объяснения тот факт, что в финале ПБВ андронидные традиции на юге таежной зоны и в северной лесостепи угасают. Какова их роль в сложении "валиковых" (ивановских) памятников? Исследователи восточной зоны общности культур с валиковой керамикой отмечают важнейшую роль в их формировании федоровских древностей (1, с.100, 101; 37, с.19, 20; 59, с.69-80; 60 с.19-21; 61, с.144-155; 90, с.119; 123, с.342, 343; 124, с.14, 15; 146, с.17, 18). Ю.И. Колев, напротив, отрицает родственность сусканско-бишкульской и ивановско-саргаринской традиций (51, с. 174-176). В таком случае остается неясным соотношение лесостепных сусканских и ивановских древностей, равно как и стереотипов металлообработки этих культурных образований и их истоки. Сейминские традиции предананьинской металлообработки не требуют доказательств, однако они необходимы для обоснования тезиса о непосредственном следовании форм сусканского металлопроизводства в лесостепи вслед за собственно сейминскими, на чем настаивает Ю.И. Колев (73, с. 183.197). Ранний пласт предананьинской металлообработки Ю.И. Колев отождествляет с деятельностью волго-камского или дербеденевского очага металлообработки (73, с.177, 197; 74, с.74), что не вызывает особых возражений, тем более что мне хорошо известен источник этой идеи (московская историко-металлургическая группа) (3, с.13). Вызывает возражение сама процедура

выделения очага, проведенная только на основе анализа некоторых и по преимуществу недоброкачественных изображений предметов.

В связи с работами 70-90-х гг. обострилось внимание к некоторым методическим проблемам. Одна из них связана с периодизацией эпохи раннего металла. Мне уже приходилось писать (83, с.116-119; 84, с.86, 87), что на аборигенные постнеолитические культуры типа волосовской и гаринской не может распространяться термин "энеолит" или "ранняя бронза" (174; 175). Такие образования следовало бы называть условно или же квазиэнеолитическими или же, следуя терминологии Б.А. Городцова, палеометаллическими. К ранне- и среднебронзовым культурам относятся лишь те образования, что входят в систему Циркумпонтийской металлургической провинции (фатьяновская, балановская, ямная, полтавкинская и др.). Абашевская культура и памятники сейминско-турбинского типа входят в систему уже новой - Евразийской - металлургической провинции и знаменуют начало позднего бронзового века. Попытки В.С. Горбунова, О.В. Кузьминой и С.В. Большова обосновать среднебронзовый статус абашева являются, на мой взгляд, неубедительными. И в заключение еще об одной проблеме, связанной с применением естественнонаучных и статистических методов. В настоящее время, когда организация и проведение полевых археологических работ стали намного труднее и дороже, расточительно вкладывать ограниченные ресурсы только в сами раскопки, памятуя о невозвратности той информации, которая в итоге окажется в отвалах. В Волго-Уралье, пожалуй, только в Самаре сложилось иное отношение к раскопкам и памятникам. Сотрудничество самарских археологических коллективов с почвоведом, палинологами, карпологами, остеологами, антропологами и другими специалистами уже принесло ощутимые результаты. Естественно, сказывается отсутствие специалистов того или иного профиля в ряде региональных центров. В таком случае еще актуальнее становится задача, в налаживании межрегионального сотрудничества.

Примечания:

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.
2. Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья: (Итоги работ Средневолжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
3. Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1990.
4. Агафонова Н.Н., Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века (учебн. пособие). Пермь, 1996.
5. Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье. Казань, 1985.
6. Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье, ч.1. Казань, 1986.
7. Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988.

8. Археологические памятники бассейна р.Черемшан. Казань, 1990.
9. Археологические памятники Восточного Закамья. Казань, 1989.
10. Архипов Г.А. Основные этапы этногенеза марийцев // АЭМК. Вып.9. Йошкар-Ола, 1985.
11. Архипов Г.А. Шукшиерский курган абашевской культуры // Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1971.
12. Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
13. Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Зуево-Ключевская стоянка // ТКМИИЯЛИ. 1985. Вып. 38.
14. Ашихмина Л.И. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978.
15. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Препринт. Сыктывкар, 1985.
16. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1985.
17. Ашихмина Л.И. Этнокультурная ситуация в Северном Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар, 1991.
18. Ашихмина Л.И. Этнокультурная ситуация в Северном Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар, 1991.
19. Ашихмина Л.И. Сейминский и предананьинский горизонты в Уральском регионе // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.
20. Ashikhmina L.I. Etnokultural Situation in the Northern Suburals in the Bronze and Early Iron Ages // Specimina Sibirica. Savariae, 1992. T.V.
21. Бадер О.Н. Балановский могильник (Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М., 1963.
22. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
23. Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // САИ. 1976. Вып.В1- 25.
24. Бадер О. Н., Халиков А.Х. Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
25. Беседин В.И. К вопросу о соотношении абашевских древностей Подонья и Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия...
26. Беседин В.И. Об одном "новом" подходе к оценке абашевских древностей // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи. Воронеж, 1996.
27. Большов С.В. Абашевская культура севера Среднего Поволжья: (Некоторые проблемы культуругенеза Среднего Поволжья в эпоху бронзы). Автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 1994. С. 17.
28. Большов С.В. Исследования I Пеленгерского могильника // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
29. Большов С.В. Абашевские древности и некоторые проблемы эпохи бронзы лесной полосы Среднего Поволжья // АЭМК. Вып.19. Йошкар-Ола, 1991.
30. Большов С.В. Проблемы культуругенеза в лесной полосе Среднего Поволжья в абашевское время: (К вопросу о соотношении абашевских и балановских памятников) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.
31. Большов С.В., Кузьмина О.В. Новые исследования II Виловатовского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995.
32. Большов С.В., Кузьминых С.В., Соловьев Б.С. К вопросу о поселениях культуры "текстильной" керамики в Среднем Поволжье // АЭМК. Вып. 24. Йошкар-Ола, 1995.
33. Буров Г.М. Поселения абашевской традиции на крайнем Северо-Востоке Европы // АЭМК. Вып. 19. Йошкар-Ола, 1991.
34. Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф. Итоги исследований стоянки им. М.И.Касьянова в Гафурийском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985.
35. Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Куйбышев, 1985.
36. Васк А.В. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига, 1991.
37. Варфоломеев В.В. Сары-арка в конце бронзовой эпохи: Автореф. дис. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991.
38. Волкайте-Куликаускаене Р., Григалавичене Э., Мяркявичус А. Ранние городища Северо-Восточной Литвы // Археология Литвы. Вильнюс, 1986. T.V (лит. яз.).
39. Волкова Е.В. Технология и морфология керамики фатьяновских племен. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1994. С.22.
40. Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Жилища эпохи бронзы второй Дубовогривской стоянки // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань. 1978.
41. Габяшев Р. С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
42. Гаврилова И.В. Фатьяноидная керамика Костромского Поволжья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. М., 1983.
43. Гаврилова И.В. Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии). Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1968.
44. Гадзяцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) // СА. 1992. N 1.
45. Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗ ПГУ. 1967. N 148.
46. Голдина Р.Д. Финно-пермские племена и их соседи: Основные этапы взаимодействия // Финно-угроведение. 1995. N 1.
47. Горбунов В.С. Бронзовый век волго-уральской лесостепи. Уфа, 1992.
48. Горбунов В.С. Некоторые проблемы культуругенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. (Препринт). Свердловск, 1990.

49. Горбунов В.С. Бронзовый волго-уральской лесостепи. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1992.
50. Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991.
51. Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. (Учебн. пособие по спецкурсу). Куйбышев, 1989.
52. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. 1963. N 110.
53. Евтюхова О.Н. Деуковская 1 стоянка (раскопки 1969 г.) // КСИА. 1973. Вып. 134.
54. Егорейченко А.А. Поселения Белорусского Полесья в раннем железном веке (VI в. до н.э. - II в. н.э.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1982.
55. Екимов Ю.Г. Работы экспедиции Тульского краеведческого музея // Археологические открытия 1994 г. М., 1995.
56. Екимов Ю.Г. К вопросу о бронзовом веке в Окско-Донском междуречье // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея Трунову М.П. Липецк, 1995.
57. Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. 1960. N 80.
58. Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970.
59. Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
60. Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века урало-казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
61. Зданович Б.Г. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988
62. Иванов В.А. Население нижней и средней реки Белой в ананьинскую эпоху. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1978.
63. Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа, Уфа, 1982.
64. Казаков Е.П. О хронологии культур эпохи бронзы в Закамье // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993.
65. Казаков Е.П. Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992.
66. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951-1952 гг. // МИА. 1954. N 42.
67. Каховский В.Ф. Исследование археологических памятников Чувашии в 1981 и 1982 годах // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары, 1983.
68. Каховский Б.В. Исследования Чувашской экспедиции в 1983-84 гг. // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа Чебоксары, 1985.
69. Каховский Б.В., Каховский В.Ф. Новые данные об абашевской культуре // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР. Чебоксары, 1990.
70. Кожин П.М. 1) Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников // СА. 1963. N 3.
71. Кожин П.М. О технике выделки фатьяновской керамики // КСИА. 1964. Вып. 101.
72. Кожин П.М. Происхождение фатьяновской культуры. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1967.
73. Колев Ю.И. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара, 1991.
74. Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита-позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок (предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
75. Косменко М.Г. Происхождение культуры и хронология памятников периода бронзы в Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
76. Косменко М.Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 148, 154, 160.
77. Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы - железного века в Карелии. СПб., 1993. С. 36, 38, 80.
78. Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура (II тысячелетие до н.э.). М., 1972.
79. Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР Археология СССР М., 1987.
80. Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. (Учебн. пособие к спецкурсу). Самара, 1992.
81. Кузьмина О.В., Шарафутдинова Э.С. Хроника семинара "Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье" // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.) Самара, 1995.
82. Кузьминых С.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968-1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982.
83. Кузьминых С.В. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии (проблема периодизации) // Археологические культуры...Екатеринбург, 1993.
84. Кузьминых С.В. Древнейшая металлургия лесной полосы восточной Европы (проблемы исследования) // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М., 1986.
85. Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (1 тысячелетие до н.э.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1977.
86. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
87. Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С. Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон вос-

- точно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тезисы докладов научной конференции. Тула, 1993.
88. Лухтан А.Б. Восточная Литва в I тысячелетии до н.э. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1990.
 89. Лыугас В.А. Период раннего металла в Эстонии (с середины II тыс. до н.э. до начала н.э.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Таллинн, 1970.
 90. Малютина Т. С. Поселения и жилища федоровской культуры волго-уральских степей // Археология волго-уральских степей. Челябинск, 1990.
 91. Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1988.
 92. Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.
 93. Марков В.Н. Археологические исследования в Приказанском Поволжье // АЭМК. Вып.24. Йошкар-Ола, 1995.
 94. Марков В.Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // АЭМК. Вып. 9. Йошкар-Ола, 1985.
 95. Melnander C.F. Die Kiukaiskultur // ZMYA. 1954. Т. 53.
 96. Митрофанов А.Г. Памятники восточно-балтских племен // Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970.
 97. Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии (VII - VI вв. до н.э. - VIII в. н.э.). Минск, 1978.
 98. Моора Х.А. 1) Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956.
 99. Моора Х.А. О древней территории расселения балтийских племен // СА. 1958. N 3.
 100. Морозов Ю.А. История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1977.
 101. Никитин А.Л. Эпоха бронзы на Плещеевом озере // СА. 1976. N1.
 102. Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского (середина III - начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола, 1991.
 103. Никитин В.В. Каменный век Марийского края // ТМАЭ. Т.IV. Йошкар-Ола, 1996.
 104. Никитин В.В., Соловьев В.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола, 1990. Вып.1.
 105. Никитин В.В., Соловьев В.С. Жилище Баркужерского IV поселения // АЭМК. Вып.6. Йошкар-Ола, 1982.
 106. Никитин В.В., Соловьев В.С. Кокшамарское II поселение эпохи поздней бронзы // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.
 107. Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986.
 108. Обыденнов М.Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья (вторая половина II тысячелетия до н.э.). Саратов, 1991.
 109. Обыденнов М.Ф. Изучение эпохи поздней бронзы Волго-Камья. Уфа, 1990.
 110. Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.
 111. Обыденнова Г.Т. Памятники срубной культуры Волго-Бельского междуречья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1985.
 112. Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992.
 113. Ошибкина С.В. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры // КСИА. 1975. Вып.142.
 114. Ошибкина С.В. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
 115. Патрушев В.С. Жилища эпохи поздней бронзы // АЭМК. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1982.
 116. Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола, 1989.
 117. Патрушев В.С. Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X - VI вв. до н.э.). Автореф. дис. докт. ист. наук. Л., 1990.
 118. Patrushev V. Tekstile-impressed pottery in Russia // FA. 1992. Т. IX. S. 48-56;
 119. Patrushev V., Lavento M. Sosnovaya Griva 3 - a dwelling site complex in the Mari Republik, in the Middle Volga Region // FA. 1996. Т.XIII. S.29-49.
 120. Патрушев В. С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
 121. Патрушев В.С. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. Йошкар-Ола, 1984.
 122. Попова Т.Б. Допоздняяковские памятники в Окском бассейне // Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.
 123. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
 124. Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // СА. 1995. N 2.
 125. Пряхин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
 126. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
 127. Пряхин А.Д. Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1980.
 128. Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
 129. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 1970. N 163.
 130. Седов В.В. Балты и славяне в древности (по данным археологии) // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980.
 131. Седов В.В. Ранняя этническая история балтов // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985.
 132. Сидоров В.В. Многослойные стоянки верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
 133. Соловьев В.С. Раскопки Мало-Кугунурской курганной группы // АЭМК. Вып. 8. Йошкар-Ола.

134. Соловьев Б.С. Поселение Нижняя Стрелка IV и некоторые вопросы балановско-волосовских контактов в Среднем Поволжье // АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола.
135. Соловьев Б.С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола, 1991.
136. Соловьев Б.С. Чирковская культура Среднего Поволжья (вопросы формирования). Автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 1994.
137. Соловьев Б.С. О “валиковой” керамике поселения Галанкина Гора // АЭМК. 1985. Йошкар-Ола, 1985.
138. Соловьев Б.С. Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Прикамье: (к вопросу о сейминско-турбинском транскультурном феномене) // АЭМК. Вып. 14. Йошкар-Ола, 1988.
139. Соловьев Б.С. Поселение “Сосновая Грива” // АЭМК. Вып.7. Йошкар-Ола, 1984.
140. Соловьев Б.С. Изучение памятников эпохи бронзы в Марийской АССР // АЭМК. Вып.12. Йошкар-Ола, 1987.
141. Соловьев Б.С. О появлении “текстильной” керамики в Среднем Поволжье // АЭМК. Вып.24. Йошкар-Ола, 1995.
142. Степанов П.Д. О фатьяновских поселениях // СА. 1958. N 2.
143. Степанов П.Д. Ош Пандо. Саранск, 1967.
144. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.
145. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966.
146. Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды. Автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул, 1994.
147. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
148. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
149. Cernych E.N., Kuz'minych S.V. Die alteste Metallurgie Nordeurasiens: Probleme der Wechselbeziehungen zwischen den erzeugenden Zentren // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 1994. T.85. Abb.4.
150. Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии (эпоха железа). Новосибирск, 1981.
151. Членова Н.Л. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
152. Шитов В.Н. Из истории Среднего Посурья в эпоху бронзы // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992.
153. Халиков А.Х. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. дис. докт. ист. наук. Казань, 1966.
154. Халиков А.Х. Контакты племен Западной Сибири и Южного Урала с племенами Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху камня и бронзы и их этнокультурная интерпретация // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.
155. Халиков А.Х. Переход от ранней (энеолит) к поздней (.бронзовый век) стадии эпохи раннего металла в лесной полосе Восточной Европы // АЭМК. Вып. 19. Йошкар-Ола, 1991.
156. Халиков А.Х. Поволжье в покровское время // Археология восточно-европейской степи. Саратов, 1989.
157. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
158. Халиков А.Х. У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
159. Халиков А.Х. Этническая принадлежность племен ананьинской общности // ВФУ. 1970. Вып. 5.
160. Халиков А.Х. Проблемы этногенеза волжских финнов. Препринт к VI МКФУ. Казань, 1985.
161. Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Часть I. Происхождение финноязычных народов. Казань, 1991.
162. Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // ТМАЭ. Т. I. Йошкар-Ола, 1960.
163. Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. 1961. N 97.
164. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. Т.II., Йошкар-Ола, 1962.
165. Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. N 126. М., 1966.
166. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
167. Халиков А.Х. Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. 1973. N 172.
168. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М. 1977.
169. Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. 1980. Вып. В1-24.
170. Халиков А.Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М. 1987.
171. Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
172. Халиков А.Х., Халикова Е.А. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. 1963. N 110.
173. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган: (Абашевский человек) // ТМАЭ. Т. 3. Йошкар-Ола, 1966.
174. Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990. Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991 (АЭМК, Вып. 19).

А.А. Чижевский

Е.А. ХАЛИКОВА И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ МАКЛАШЕЕВСКОГО ЭТАПА ПРИКАЗАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о хронологических границах маклашеевского этапа приказанской культуры изначально был дискуссионен. Приняла участие в этой дискуссии и Е.А. Халикова (29, с.116-132). В своей статье, посвященной публикации материалов II Полянского могильника она соотнесла вещевой комплекс этого некрополя с материалами позднедревней и белогрудовской культур XI - IX вв. до н.э., но по характеру инвентаря остановилась на дате IX - 1-я пол. VIII вв. до н.э. для этих погребений как переходных к собственно ананьинской культуре. Точка зрения А.Х. Халикова была несколько иной на основании ряда аналогий с северокавказскими и приднепровскими памятниками он счел возможным датировать маклашеевский этап X - IX вв. до н.э. (28, с.10, 23). В последующие годы эта точка зрения стала преобладающей (27, табл.60). За прошедшие 30 лет накопился новый фактический материал, который позволяет вновь обратиться к данной теме. Большинство исследователей сейчас считает правомерным выделение маклашеевского этапа в отдельную культуру, не связанную с приказанской (20, с.43-45; 14, с.22). Это в свою очередь повлекло переоценку всей периодизации приказанской культуры (20, с.19) и заставило исследователей вновь обратиться к проблеме хронологических границ ее этапов. Одним из самых актуальных, на данный момент, является вопрос о хронологических границах маклашеевской культуры. Сразу оговоримся, что этот термин неудачен, так как отражает лишь ранний хронологический этап в развитии нижекамского варианта ананьинской культуры. Для более внимательного изучения этой проблемы обратимся непосредственно к материалам погребальных комплексов, наиболее полно характеризующих материальную культуру. К настоящему времени выявлено 14 могильников маклашеевского времени и 86 погребений, имеющих сопровождающий инвентарь. В рассматриваемой группе погребений присутствует три категории погребального инвентаря, имеющие хронологическое значение (оружие, конская упряжь и украшения).

Оружие. Наиболее крупный массив дают комплексы с бронзовыми ножами белозерского типа. Всего известно 10 ножей без учета подъемных материалов: погребение 5 могильник Девичий Городок IV, погребения 1, 169 – 2 экз. (рис.1, 11), 188 Мурзихинского II могильника, погребение 15 V Новомордовского могильника, погребение 14 Новомордовско-

го VIII могильника, погребения 2, 14 I Полянского могильника, погребение 10 II Полянского могильника. Э.С. Шарафутдинова на основании материалов Нижнего Подонья отнесла их к переходному периоду от эпохи бронзы к раннему железу, к белозерскому времени (35, с.184-187). Верхняя граница бытования этих ножей относится к 1 половине IX столетия до н.э. по данным III Кобяковского поселения (16, с.117). Нижняя граница датируется не позднее X вв. до н.э. (22, с.43) и привязана к раннечернолесским материалам. Аналогичную датировку XI - X вв. до н.э. дают вещевые комплексы бондарихинской культуры (7, с.37). Как справедливо указывал А.Х. Халиков бронзовые двулезвийные ножи не известны в раннеананьинских погребениях и относятся только к маклашеевскому времени (27, с.48).

Из маклашеевских могильников происходят 2 наконечника копья. Они найдены в погребении 1(С) Маклашеевского II могильника (рис.1, 10) и погребении 105 Мурзихинского II могильника (рис.1, 7). Первый наконечник имеет листовидной формы перо с прорезьями в нижней части и раструбовидную втулку (30, с.11-12). А.Х. Халиков насчитывает еще 8 таких копий, собранных на размываемых памятниках приказанской культуры в Нижнем Прикамье (27, с.49). Аналогии данному наконечнику известны в материалах позднедревней культуры и в Среднем Поднепровье (12, с.146, рис.34, 31-33; 24, с.140-141, рис.93, 1), где они датируются XI - IX вв. до н.э. Второй наконечник копья из погребения 105 Мурзихинского II могильника относится к непорезным наконечникам. Он имеет узкое лавролистное перо и относительно короткую втулку. В настоящее время известно еще 2 наконечника подобного типа. Первый происходит из сборов на размытой части этого же могильника, второй из Яльчиков (27, табл.40). По оформлению пера данный наконечник копья близок к 5 группе наконечников по А.И. Тереножкину (24, с.138-141) и относится к чернолесской культуре X - 1-я пол VIII вв. до н.э. (16, рис. 93). Относительно небольшие размеры и отсутствие этих наконечников копий в материалах раннеананьинского времени свидетельствуют об их бытовании исключительно в маклашеевское время.

И хотя в этой статье мы намеренно не привлекали данные подъемного материала, необходимо упомянуть единственный известный в настоящее время бронзовый наконечник стрелы маклашеевского времени (рис.1, 4). Он происходит из размытой части Мурзихинского II могильника и имеет лавролистной формы перо и обрезанную втулку. В нижней части пера намечены овальные отверстия, сближающие оформление данного наконечника с оформлением бронзовых наконечников копий ананьинского времени. К.Ф.Смирнов относил данный тип наконечников к стрелам конца эпохи бронзы (21, с.40, табл. I, A 12-15), распространенным на территории срубной и андроновской культур.

До последнего времени маклашеевские кельты были известны лишь по сборам с размываемых памятников, привязка которых к маклашеевской культуре была достаточно условной. Но в 1999 г. в погребении 183

Мурзихинского II могильника впервые был найден *in situ* маклашеевский кельт (рис.1, 13). Это двушковый кельт степного типа с овальной в сечении втулкой. А.Х. Халиков дал сводку находок этих кельтов и отнес их к атабаевскому этапу приказанской культуры XII - XI вв. до н.э. (27, с.44). А.И. Тереножкин, рассматривая подобные кельты из Поднепровья, датировал их этим же времени (24, рис.83,4, 89, с.194-197). Этой же точки зрения придерживался Е.Н. Черных (32, с.105). Б.Г.Тихонов относил появление подобных кельтов к концу существования ранних сейминских типов (25, с.50-51). Аналогичные кельты найдены на территории Северного Кавказа (6, с.86, рис.11, 2, 4, с.120; 10, рис.35, 45) и датируются в пределах сер.XII - начала X в. до н.э. Абсолютно идентичен кельт из Сафьяново, относящийся к Кобяковской культуре (36 с.61, табл.XXXIII). В.С. Бочкарев специально занимавшийся эволюцией двушковых кельтов, установил, что кельты с ушками ниже втулки относятся к белозерскому этапу (2, с.85)

Конская упряжь. Составляет следующую по информативности категорию находок. Для маклашеевского этапа находки этой категории вещей очень редки и представлены в основном костяными псалями, все они так называемого субботовско-усатовского типа. Стержневые псалии с разновеликими отверстиями известны на пяти могильниках: Маклашеевском II погребение 6 (1 экз.), II Полянском погребение 12 (2 экз.), Девичий Городок IV погребение 9 (1 экз.), Измерский VII погребение 14 (1 экз.) (рис.1, 8), Мурзихинском II погребение 173 (2 экз.). В одном случае, погр. 173 Мурзихинского II могильника, псалий покрыт тонким резным орнаментом в виде циркульных кружков на фронтальной стороне и концах, а по боковым сторонам, в промежутках между отверстиями, продольными линиями со свисающей с них бахромкой (рис.1, 9). Рисунок с элементами циркульной орнаментации известен на стержневом псалии Субботовского городища (24, с.98, рис.63, 2; 4, с.163, рис.112), а варианты псалий без орнамента из Усатовского поселения, погребения 1 к.5 могильника Подгорный, погребения 1 Майртупского 2 могильника, погребение 15 Зандакского могильника и т.д. (5, табл.3; 11, табл.XX, 8; 24, рис.63, 2; 3, с.30-31, рис.5). Датировки, предложенные исследователями юга России, укладываются в пределы переходной эпохи от поздней бронзы к раннему железному веку. Погр. 1 к.5 могильника Подгорный относят к белозерскому этапу сер. XII- X вв. до н.э., Майрупское погребение датируют X в. до н.э., Черденченко Н.Н. отнес данный тип псалиев к XI - X вв. до н.э., а А.М. Лесков также относит их к белозерскому времени (31, с.79; 15, с.85-86, рис.4).

Круглые бронзовые бляхи с “глухим” ушком, известные в погребениях маклашеевского времени еще не используются в конской упряжи. Однако из погребения 9 могильника Девичий Городок IV происходит составная, костяная бляха с обратным ушком (9, с.5), которая найдена вместе со стержневой псалией и является предтечей использования бронзовых блях в конской упряжи. Наиболее полной аналогией ей являются бляхи

из Кировского поселения и могильника Широкое (3, с.31, рис.6, 1), которые датируются белозерским временем.

Украшения. “Очковидные” подвески со спиральными загнутыми внутрь окончаниями (рис.1, 12) являлись наиболее типичными украшениями маклашеевского этапа. Они встречены на всех могильниках маклашеевской культуры, кроме Кумысского и курганного Луговского могильников. Наиболее близкой аналогией им являются очковидные подвески с зажимами позднего этапа сосницкой культуры XI - IX вв. до н.э. (1, с.112, рис.52, 15; Подробнее см. 33, с.16-18). Из погребения 4 Полянского I могильника происходит трапециевидная подвеска (рис.1, 5), которая была найдена вместе с “очковидной” подвеской. Она существенно подкрепляет датировку последних благодаря находкам подобных подвесок в составе кладов. Нижнюю границу ее существования определяет Солонецкий клад в состав которого, кроме собственно трапециевидной подвески, входит ажурная подвеска с трапециевидными пластинами (34, с.130), которая датирует весь комплекс XII - XI вв. до н.э. (23, с.33). Верхняя граница определена по находкам из Залевкинского клада, куда входят подвески в виде трапеции и удила новочеркасского типа, т.е. комплекс второй половины VIII- сер. VII вв. до н.э. Известна подобная подвеска и из раннеананьинского погр. 37 Пустоморквашинского могильника (19, с.29, рис. 9, 2). Необходимо отметить некоторое отличие в способе крепления трапециевидных маклашеевских подвесок и подвесок раннеананьинского времени. В более раннее время они нашивались, позднее крепились крючком.

Своеобразным вариантом “очковидных” подвесок являются односпиральные подвески с загнутым вовнутрь концом (рис.1, 6). Известно 2 экз. данного типа украшений, происходящих с Криушинской стоянки (26, рис.30) и из погребения 7 Новомордовского V могильника (27, с.50, рис.табл.54, 11, 12). Они датируются по близким к ним украшениям сосницкой культуры (1, с.112, рис.52, 14). XI - IX вв. до н.э.

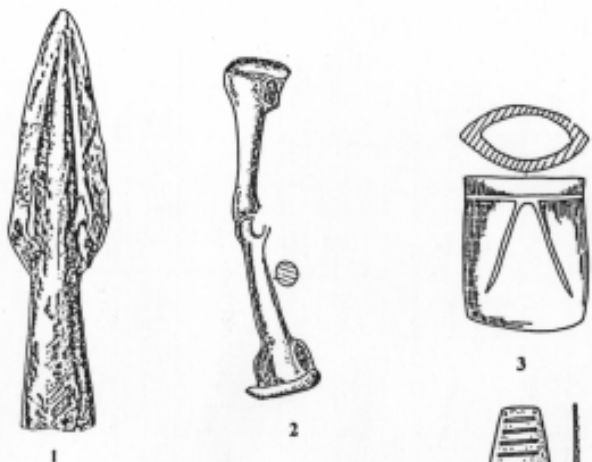
Верхнюю границу маклашеевского этапа определяют 2 погребения ананьинского времени. Это погребение с бронзовой псалией черноголовского типа (рис.1, 2) из погребения 10 Измерского VII могильника (9, рис.8, 5) и комплекс вещей из погребения 97 Мурзихинского II могильника. Бронзовая псалия датируется в широких пределах по материалам кобанской культуры периода Кобан III 2-пол. X- начало VII вв. до н.э. (10, рис.36, 36) и более узко в пределах 1 хронологической группы конской упряжи по классификации В.Р. Эрлиха конец IX – 2 пол. VIII вв. до н.э. (37, с.65, 66). Для комплекса вещей из раннеананьинского погребения 97 Мурзихинского II могильника, существует радиоуглеродная дата, которая составляет 2830 ± 40 лет (анализ сделан лабораторией ГИН). И в погребении 10 Измерского II могильника, и в погребении 97 Мурзихинского II могильника найден типично ананьинский инвентарь, в первом случае это кельт типа КАН-28 (рис.1, 3), во втором бронзовый наконечник копья (рис.1, 1) типа КД-

28 (13, с.96). Не противоречат этому данные В.Н. Маркова, который считает возможным относить время образования городищ раннеананьинского времени к концу IX в. до н.э. (17, с.74; 18, с.116, 117). Комплекс вещей раннеананьинского типа предстает перед нами уже сложившимся во второй половине IX столетия до н.э. и с этого момента начинается второй этап развития нижекамского варианта ананьинской культуры.

Таким образом, изучение вещевых комплексов позднебронзового века привело нас к выводу о том, что время существования маклашеевский этапа можно ограничивать рамками XI - 1-й половины IX в. до н.э. Нижний горизонт представлен погребением 183 Мурзихинского II могильника, комплексами с бронзовыми ножами белозерского типа, "очковидными" подвесками и стержневыми псалями. Верхнюю границу определяет маклашеевское погребение 105 Мурзихинского II и раннеананьинские погребения: 97 Мурзихинского II и 10 Измерского VII могильников.

Примечания:

1. Артеменко И.И. Сосницкая культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М, 1987.
2. Bockarev W., Leskov A. Jung-und Spatbronzezeitliche Gussformen im nordlichen Schwarmmeergebiet. // Prahistorische Bronzefunde. Abt.XIX, Bd.1. Munchen, 1979.
3. Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черноголовского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва, 1996.
4. Граков Б.Н. Ранний железный век. М.: изд. МГУ, 1977.
5. Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
6. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце меднобронзового века // МИА. 1951. №23.
7. Ильинская В.А. Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1961. №1.
8. Казаков Е.П. Новый маклашеевский могильник в низовьях Камы. (в печати). Казань, 1999.
9. Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.
10. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М., 1996.
11. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. М., 1982.
12. Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА. 1955. №46.
13. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983.
14. Кузьминых С.В. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968-1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982.
15. Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. 1971. №77.
16. Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999.
17. Марков В.Н. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.
18. Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.
19. Патрушев В.С. Новые исследования Пустоморквашинского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья 1 тыс. до н.э.- 1 тыс. н.э. Йошкар-Ола, 1990.
20. Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: БЭН, 1998.
21. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. №101.
22. Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР // СА. 1985. №4.
23. Смирнова Г.И. Новые исследования поселения Магала // АСГЭ 1972. вып.№14.
24. Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961.
25. Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. №90.
26. Трубникова И.В. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // Уч. Зап. ЧувНИИ, Чебоксары, 1960. вып XIX.
27. Халиков А.Х. Приказанская культура. М.: Наука, 1980.
28. Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // Ученые записки Пермского Гос. Университета. №148. Пермь, 1967.
29. Халикова Е.А. Второй Полянский могильник // Ученые записки Пермского Гос. Университета. №148. Пермь, 1967.
30. Худяков М.Г. Могильник Маклашеевка II // Материалы Центрального музея Татарской АССР. Казань, 1930.
31. Чередниченко Н.Н. Основные этапы развития конской узды Евразии в середине II - начале I тыс. до н.э. // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докладов конференции. Часть I. Киев, 1975.
32. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. №172.
33. Чижевский А.А. Очковидные подвески маклашеевского времени // Болгар и проблемы развития Западного Закамья. Болгар, 1998.
34. Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка, 1982.
35. Шарафутдинова Э.С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и Степном Прикубанье // СА. 1991. №1.
36. Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на нижнем Дону (Кобяковская культура) // САИ.- Л.: Наука, 1980.- Вып. В 1-11.
37. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

ДАТИРОВКА ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ ИЗ АНАНЬИНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ СРЕДНЕЙ КАМЫ

Изменение в хронологии древностей скифского времени восточной половины евразийских степей и публикация новых археологических материалов вызывает необходимость в пересмотре датировок ряда памятников ананьинской культурно-исторической общности (далее АКИО).

Для датировки избраны предметы вооружения, как наиболее мобильные в хронологическом и территориальном плане. Используются материалы Ананьинского, Зуевского, Котловского, Рёлкинского, Луговского могильников АКИО.

Бронзовые кевцы из могильников АКИО традиционно датируются концом VI - V в. в. до н.э. и выводятся из тагарских древностей (5, с. 138), хотя большинство форм не находит полных аналогий среди тагарских памятников. Выделение аржанского этапа для культур кочевников Центральной Азии позволяет по новому взглянуть на хронологию и генезис кевцов. Кевцы, очевидно, возникли в среде кочевников к VIII в. до н.э., и в тагарских памятниках являются заимствованием, как и в памятниках АКИО. Хронологический репер, использовавшийся ранее - головка грифона на втулке - появляется не в VI в. до н.э., а в VIII в. до н.э. (3, таб. 1 - 28; могильник Усть - Хадынныг I). Биметаллический кевец аналогичный кевцам из погребений 9/10/11, G и находке в ананьинском могильнике был найден в Имирлере (Анатолия) в скифском погребении второй половины VII в. до н.э. Началом VI в. до н.э. датируется аналогичный кевец из Музея Метрополитен (3, с.55). Таким образом кевцы из могильников АКИО должны датироваться второй половиной VII-VI в. в. до н.э., чем снимается противоречие между их архаическим обликом и поздней датировкой. Генезис ананьинских кевцов связан со степными культурами, а сходство с тагарскими - общим источником заимствования и конвергентным развитием.

Клиновое оружие из могильников АКИО Вятско - Бельского междуречья также на наш взгляд омоложено. Бронзовые кинжалы из Ананьинского и Котловского могильников, датированные концом VI-V в. до н.э., по аналогии с кинжалами из могильников Уйгарак, Тегермансу I, Нурманбет VI, находке у Змеиногорска (6, табл. 4 - 17; 36 - 7; 52 - 77; 61 - 1) должны быть датированы VII- первой половиной VI в. до н.э., VIII - VII в. до н.э. датируется бронзовая рукоять кинжала из Ананьинского могильника (8, с.163), первой половиной VI в. до н.э. акинак из Луговского могильника (8, с.168).

Железные акинаки с бронзовыми или железными серповидными навершиями находят ближайšie аналогии в Пседахском могильнике, где они датируются началом VI в. до н.э. (4, с.155). Концом VII-VI в.в. до н.э. может быть датировано и прочее клинковое оружие из этих могильников. Генезис акинаков в данной части АКИО прочно увязывается с савроматской и сакской культурами, но много аналогий происходит и с других территорий (Кавказ, Закавказье).

Наконечники стрел из камских могильников АКИО, судя по сводке Кузьминых С. В. (5, с.66) в основном укладываются в VI в. до н.э. (возможно начало V в. до н.э. для некоторых погребений Зуевского могильника). Но этот факт не может служить для датировки памятников, т.к. аналогичный процесс распространения "скифских" наконечников стрел в VI в. до н.э. наблюдается и на волжских могильниках АКИО. Происхождение камских наконечников стрел восходит к савроматам и сакам.

Бронзовые кельты из могильников АКИО не имеют аналогий за пределами Волго-Камья, поэтому датируются, как правило, по сопутствующим материалам. Хронологические схемы развития кельтов, построенные авторами для АКИО, как единой археологической культуры, зачастую подменяют хронологический аспект территориальным. Отсутствие кельтов с шестигранной втулкой на могильниках Усть-Камья, на наш взгляд, свидетельствует о локальных различиях между могильниками Усть-Камья и могильниками Камско-Бельского междуречья. При хронологической синхронизации этих локальных вариантов многочисленные аналогии среди типов кельтов оказываются следствием контактов между соседним населением. Остановившись на датировках кельтов следует отметить тождественность кельта из погребения 57 и находки из Зуевского могильника (5, табл. XIV - 12, 13) кельтам относящимся к бронзовому веку: из бывшего Яранского уезда (7, табл. X -9) и ряда других мест (1, табл. IX - 4), что также подвергает сомнению позднюю датировку могильников Камско-Бельского междуречья.

Таким образом, предметы вооружения из могильников АКИО Вятско - Бельского междуречья датируются VII-VI вв. до н.э. Вероятно, эта дата должна быть принята и для самих могильников. В результате возникновения могильников АКИО в VIII-VII вв. до н.э. и их исчезновение в VI в. до н.э. оказывается единым процессом для всех локальных вариантов на пространствах от р. Ветлуги до р. Белой. Изменение датировки могильников АКИО Вятско- Бельского междуречья, по итогам анализа предметов вооружения открывает перспективу пересмотра датировки всего материала памятников АКИО.

Примечания:

1. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981.
2. Горелик М. В. Оружие древнего Востока. М., 1993.

3. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

4. Козенкова В. И. Пседахский могильник кобанской культуры. // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

5. Кузьминых С. В. Металлургия Волго - Камья в раннем железном веке. М., 1983.

6. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо - сарматское время. М., 1982.

7. Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. // МИА № 90. М., 1958.

8. Халиков А. Х. Волго - Камье в начале эпохи раннего железа (VIII - VI вв. до н. э.). М., 1977.

П.Н.Старостин

О ТОПОГРАФИИ МОГИЛЬНИКОВ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники именьковской культуры представлены городищами, селищами, могильниками и отдельными находками. Основную их часть составляют открытые (не укрепленные) поселения - селища, значительно меньше городищ и в настоящее время выявлено 15 могильников. Двадцать лет назад был известен лишь один Рождественский II могильник, расположенный в низовьях реки Меши около с.Рождествено Лаишевского района (рис.1). Этот памятник был открыт в 1948 г. Н.Ф.Калининым (2, с.53,54). К сожалению, недостаточное количество фактического материала не позволяло исследователю дать четкую характеристику погребального обряда, а также вещевого материала. Этот пробел в середине пятидесятих годов был восполнен В.Ф.Генингом, под руководством которого было вскрыто 123 погребения (1, с.27-38). Экспедицией этих лет удалось заключить, что основной погребальный обряд данного могильника характеризуется сжиганием умерших в полном одеянии на стороне, помещением остатков кремации в небольшие ямы, наличием в ямах глиняных сосудов, не являющихся урнами (1, с.90). Среди остатков кремации в погребениях данного могильника (кусочков кальцинированных костей и углей) встречаются побывавшие в огне вещи (обломки железных и медных пряжек, бронзовых накладок, обоймиц из бронзы, стеклянные и каменные бусы, капли металла и др.). В то же время Рождественский II могильник был единственным могильником с подобным обрядом и вещевым материалом. Тогда В.Ф.Генинг считал, что данный могильник оставлен населением, жившим на примыкающих к могильнику селище и городище, и относится к выделенной им именьковской культурой. Однако не все исследователи разделяли эту точку зрения. Так, например, А.П.Смирнов утверждал, что погребения Рождественского II могильника ничем не связаны с племенами Прикамья и принадлежат славянам, пришедшим с юга (3, с.7). Сложившаяся ситуация обязывала выявлять могильники именьковской культуры. Они велись при сплошном обследовании территории Татарстана в археологическом отношении, а также при охранно-спасительных работах в зоне водохранилища Куйбышевской ГЭС. Уже в середине шестидесятых годов около размытых именьковских селищ, вблизи бывшей деревни Байчуга в низовьях Меши в Лаишевском районе, было зафиксировано полуразрушенное погребение с остатками пережженных костей, помещенных в небольшую яму. Вещи в погре-

бении отсутствовали, но место находок (около именьковского селища) особенности жженных костей нас убедили в том, что погребение является именьковским. Весной 1972 г. в низовьях реки Бездны около IV Старо-Куйбышевского городища Е.П.Казаковым было открыто еще одно погребение (4), часть которого была обрушена водохранилищем. При вскрытии остатков погребения были найдены кальцинированные кости (в том числе кусков черепа), усеченно-биконическое пряслице, плоскодонный лепной сосуд. По примесям в тесте и формам сосуд и пряслице находят аналогии в материалах памятников именьковской культуры.

Чуть позднее в 1974 г. на краю Троицко-Урайского селища I было обнаружено еще одно погребение с остатками кремации в яме круглой формы. Среди жженных костей человека была найдена небольшая овальная пряжечка с длинным нависшим хоботком.

К сожалению, все это были разрушенные или одиночные погребения, поэтому требовались новые дополнительные обследования с целью выявления достоверных именьковских могильников. Какой-то частью этих поисков были дополнительные работы на Рождественском II могильнике. В семидесятые годы на Рождественском II могильнике было вскрыто еще сорок погребений, удалось в деталях ознакомиться с особенностями погребений, очертаний верхних частей могильных ям и остатков кремации. Дополнительными работами на Рождественском II могильнике зафиксированы новые черты погребального обряда именьковской культуры и своеобразные вещевые находки. В качестве примера можно привести костные остатки (это было связано с помещением мясной пищи в погребение). Остатки "сырых" костей животных в погребениях, связанные с помещением мяса в погребение, и круглодонный лепной сосуд аналогичны материалам турбаслинских памятников.

Работы В.Ф.Генинга в пятидесятые годы дали возможность проследить некоторые закономерности в топографии группы именьковских памятников у с.Рождествено, включающей городище, селище, могильник (рис.1). Эти памятники занимали край мыса надлуговой террасы правого берега реки Меши. Северо-восточную часть мыса занимало Рождественское городище, известное у старожилов под названием "Курган" (по шишкообразному валу, возведенному с напольной стороны). В середине пятидесятих годов остатки городища (вала) еще существовали (не были размыты). Тогда В.Ф.Генинг фиксировал их на плане. При сильном спаде воды Куйбышевского водохранилища в шестидесятые годы из-под воды выходило мысовидное основание площадки городища размером 80x40 м. В начале шестидесятых годов, по сведениям старожилов, городище было размыто. За валом городища расположено селище, к которому примыкает Рождественский II могильник.

Этот ряд памятников именьковской культуры у с.Рождествено, включающий городище, селище и могильник, хорошо представлял А.Х.Халиков и в

1963 году во время работ у бывшей деревни Маклашеевка Спасского района предпринимались попытки поисков именьковского могильника в районе Маклашеевского II городища. Система расположения памятников около бывшей деревни Маклашеевки напоминает рождественскую. На мысу правого берега р.Утки левого притока реки Волги находится Маклашеевское II городище. За линией его обороны идет обширное селище, занимающее часть мыса между краем берега и оврагом. В 1963 г. поверхность селища была задернованной. Судя по информации старожилов, после сноса деревни Маклашеевки, в 1954, на данной территории был разбит сад, но вскоре он был заброшен и территория стала использоваться под пастбища. Заложенные А.Х.Халиковым по краю мыса траншеи дали возможность установить, что культурные напластования селища включают остатки болгарского и именьковского материала, но погребения именьковской культуры не были открыты. Могильник на краю Маклашеевского I селища был открыт в 1986 году, спустя 23 года. Тогда местные власти, к сожалению без соответствующих специальных разрешений, устроили карьер для добычи песка. Осмотр участка поверхности грунта южной части карьера позволили выявить разрушенные погребения с остатками кремации. После прекращения работ карьера начались раскопки остатков данного памятника. При раскопках могильника удалось установить, что одна из траншей А.Х.Халикова проходила в 10 см от погребения с обрядом кремации.

Аналогичную картину представляет топография Ташкирменского могильника (рис.2), открытого в восьмидесятые годы. С середины прошлого столетия на мысу правого берега реки Меши известно Ташкирменское I городище, называемое старожилами Колабаш. К югу от данного городища на краю террасы правого берега реки Меши находится обширное селище именьковской культуры. После наполнения водохранилища оно стало разрушаться. Особенно сильные разрушения начались в восьмидесятые годы. В обнажениях оказались заметными остатки многочисленных ям-кладовок, жилищных котлованов и других объектов. В 1988 году при обследовании местности было зафиксировано погребение с остатками сожжения, устроенное в небольшой яме подчетырехугольной формы около 40 см. В заполнении зафиксированы остатки пережженных костей и глиняного лепного плоскостенного сосуда с примесями крупнозернистого шамота, аналогичного сосудам именьковской культуры (6, с.123, 124, рис.1-3). Проведенные осенью 1988 г. раскопки на этом поселении дали возможность вскрыть еще одно погребение, совершенное по обряду ингумации, сопровождающееся именьковской посудой (6, с.126-128; рис.2,3).

За селищами около именьковских городищ могут находиться могильники, еще не зафиксированные археологами. Это обязывает включать эти территории в охранные зоны. Такие могильники могут быть открыты у Именьковского I городища, около Балымерского "Шолома", Тата-Суичеевского городища и в других пунктах.

Выявлены могильники именьковской культуры и около селищ. Первым крупным таким могильником был Богородицкий, открытый в 1979 году около бывшей деревни Богородицкое на правом берегу реки Брыски в Лаишевском районе на надлуговой террасе между низовьями реки Брыски и ручьем правым ее притоком (5).

Данная территория после наполнения водохранилища с начала шестидесятых годов осматривалась археологами-разведчиками очень часто, в иные годы археологи здесь были не по одному разу в течение полевого сезона. А в 1974, 1975 и 1976 гг. мною лично данный отрезок края надлуговой террасы осматривался многократно, но следов погребений не было замечено. Лишь в 1979 г. удалось зафиксировать остатки погребений. В последующие годы на могильнике велись раскопки, которые позволили вскрыть более восьмидесяти погребений с остатками трупосожжений. Следует отметить, что данный могильник находится рядом с большим селищем именьковской культуры, получившим название Богородицкого I. Богородицкие селища и могильник, находятся на расстоянии около 1 км от Именьковского I городища.

В начале восьмидесятых годов на северо-западной части села Именьково на краю надлуговой террасы правого берега р.Камы на месте сельского кладбища были открыты еще одно селище и новый могильник с обрядом кремации. На месте могильника найдены обломки глиняных сосудов именьковского типа. К сожалению, площадка могильника была занята татарским кладбищем с могучими деревьями и практически недоступна для проведения раскопок.

Обнаружение данных могильников позволяет по-новому решать многие стороны социальных отношений носителей именьковской культуры. Уже давно отмечено, что поселения именьковской культуры располагаются группами, иногда включающими по два городища и до 7-8 селищ. В Именьковскую группу входили два городища, пять селищ и два могильника. По-видимому, могильники были рядом с каждым селищем. Два могильника открыты и изучены в Маклашеевской группе. Очень большой по площади могильник IV Маклашеевский. Он, по видимому, примыкает к размытому поселению именьковской культуры, расположенному на месте бывшей деревни Маклашеевка на низкой террасе правого берега р.Утки.

Судя по имеющимся материалам могильники именьковской культуры находились рядом с селищами или вплотную примыкали к ним. Поэтому и поиски могут быть успешными на территориях, примыкающих к поселениям.

Примечания:

1. Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с.Рождествено. Казань, 1962.
2. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., Итоги археологических работ 1945-1952 гг. Казань, 1954.
3. Смирнов А.П. Введение к третьему тому трудов Куйбышевской археологической

экспедиции. МИА, 1960, №80.

4. Старостин П.Н. Погребение с остатками кремации в низовьях р.Камы // СА, 1975, №2.

5. Старостин П.Н. Богородицкий могильник // СА, 1983, №1.

6. Старостин П.Н. Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

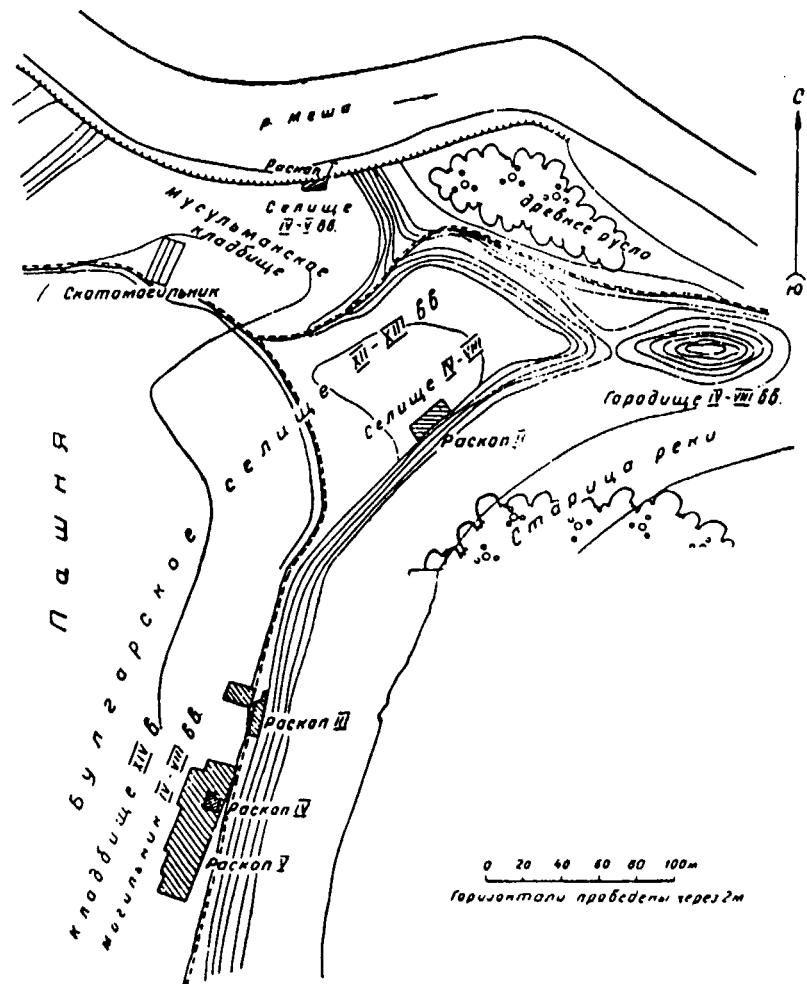

Рис.1. Комплекс памятников у юго-восточной окраины с.Рождествено (по В.Ф.Генингу).

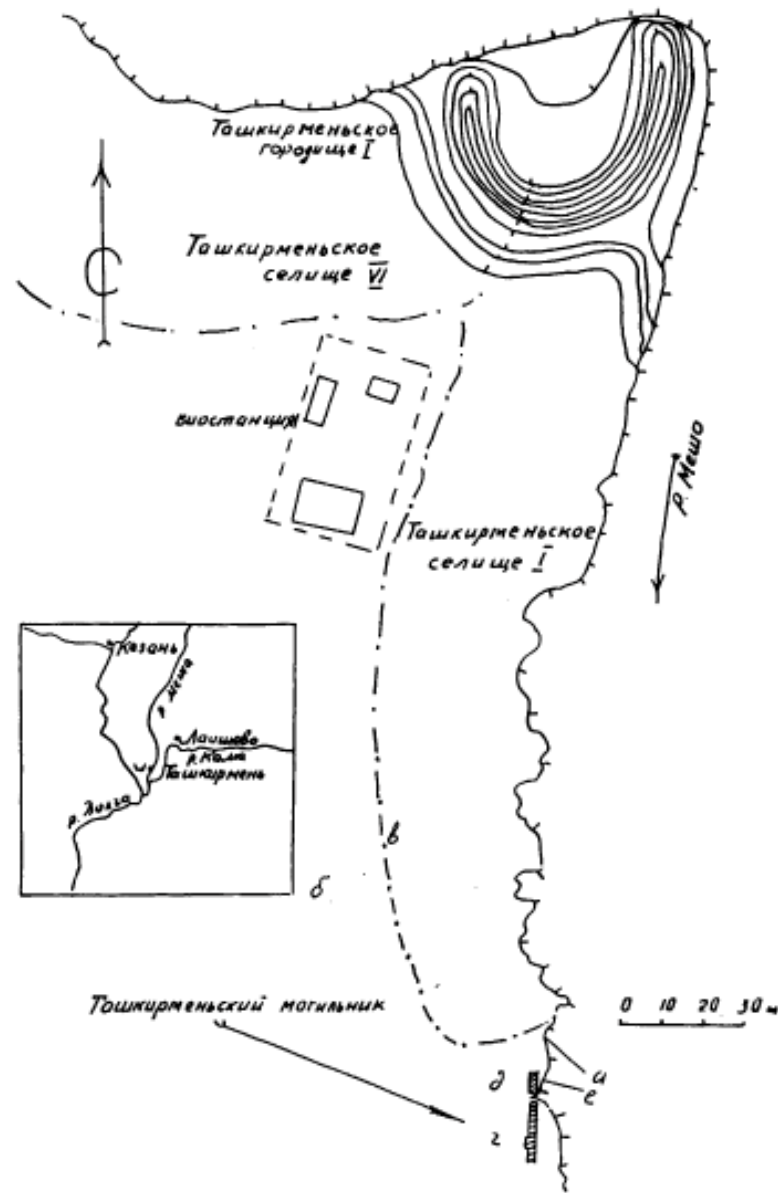

Рис.2. Памятники именковской культуры к югу от Ташкирменского I городища.

С.Ф.Ермаков, Г.И.Матвеева

СЕВРЮКАЕВСКОЕ СЕЛИЩЕ

Два последних десятилетия ознаменовались открытием и масштабными исследованиями на Самарской Луке целого ряда курганных и грунтовых могильников конца VII - VIII, получивших название по первому наиболее полно исследованному могильнику – памятники новинковского типа. Большинство исследователей связывают эти памятники с ранними болгарами. В литературе укоренилось мнение о кочевом образе жизни населения, оставившего эти памятники (1). В 1997г. было открыто Севрюкаевское II селище, материалы которого позволяют связать его с могильниками новинковского типа.

Севрюкаевское II селище находится в 2,4 км к югу от с. Севрюкаево Ставропольского района Самарской области. Оно расположено на первой надпойменной террасе правого берега р. Волги, в южной части Самарской Луки и занимает мыс, образованный Севрюкаевским оврагом и его ответвлениями. От современного русла селище отделено протокой – Кольцовской Воложкой. Поверхность мыса равная слегка повышающаяся к северу. В настоящее время она не распаивается и частично задернована, но ранее подвергалась распахке. Площадь селища составляет 1500 м².

Раскопки селища проводились в 1998 - 99гг, сначала С.Ф. Ермаковым, а затем О.В. Кузминой. Был заложен раскоп I, общей площадью 148 м². Стратиграфия на всей площади раскопа одинаковая.

1. Сверху залегал дерновый слой, пронизанный корнями растений, его мощность до 5 см.

2. Ниже залегал слой гумуса, темно-серого цвета, рассыпчатого комковатого, в верхней части также пронизанного корнями растений. В слое встречались фрагменты сосудов, кости животных, куски кремня. Мощность слоя 16-32 см.

3. Гумусированная супесь серого и серо-коричневого цвета комковатой структуры с включениями известковых камней. Мощность слоя 26-56 см. В слое встречались немногочисленные фрагменты сосудов, кости животных, куски кремня.

4. Супесь светло-коричневого цвета с включениями глины. Мощность слоя 40-70 см. Единичные фрагменты сосудов встречались в верхней части слоя.

5. Материк – суглинок желто-коричневого цвета с значительным содержанием песка.

На квадрате А\1 между 3 и 4 слоями была прослежена небольшая яма глубиной до 38см, заполненная мягкой рыхлой гумусированной супесью светло-серого цвета с небольшим содержанием золы, мелких углей и кусков металлического шлака. Других сооружений на селище не обнаружено.

Основную массу находок составляли фрагменты сосудов. Они делятся на одновременные и разнокультурные группы. К первой группе принадлежат фрагменты лепных сосудов с сетчатым и рогожным орнаментом, относящиеся к городецкой культуре и датирующиеся I тыс. до н.э (рис. 1,1 – 3). Городецкая керамика составляет менее 10% всех найденных фрагментов лепных сосудов.

Ко второй группе, самой многочисленной, относятся фрагменты сосудов, сформированных из незапесоченных или слабо запесоченных глин с примесью крупного шамота и навоза. Гораздо реже встречались сосуды, при изготовлении которых, использовали рецепт формовочных масс: крупный шамот + навоз + смесь ожелезненной и неожелезненной глин. Шамот изготовлялся из сырья аналогичного по степени запесоченности глине, из которой изготовлялись сосуды второй группы.¹

По форме выделяются четыре категории сосудов: горшки, банки, кувшины, сковороды. К первой, наиболее многочисленной категории принадлежат горшки, имевшие короткую или средней высоты шейку, переходящую в округлобокое тулово (рис 1,4). Иногда с внутренней стороны при переходе от шейки к тулову имеется острое ребро (рис 1, 5, 6). Изредка встречаются сосуды и цилиндрической шейкой (рис 1,7). Найден миниатюрный сосуд горшковидной формы с прямой шейкой и округлобоким туловом (рис 1,8). Края венчиков закругленные или плоские, скошенные наружу. Днища горшков плоские с закраинами или без закраин. Толщина стенок 5-9 мм, днище обычно толще, например, есть днище толщиной более 10 мм. По обработке поверхности сосуды делятся на грубые, с небрежно заглаженной поверхностью и более тщательно обработанные. Обработка грубых сосудов производилась щепкой или пучком травы, отчего на внешней поверхности остались грубые разнонаправленные штрихи. Встречаются фрагменты с бугристой поверхностью от примеси крупного шамота. Сосуды с примесью мелкого шамота имеют более гладкую поверхность.

Обжиг сосудов хороший, сосуды прочные. Цвет черепков снаружи бежевый, иногда с красноватым оттенком, реже серый, в изломе обычно черный или темно-серый. Внутренняя сторона у большинства фрагментов темно серая или черная. Орнамент располагается на внешней стороне венчиков. Он состоит из круглых (рис 1,6), овальных (рис 1,4) или прямоугольных вдавлений (рис 1,5). Иногда вдавления довольно крупные, имитирующие защипы отчего, венчики имеют волнистый край. Иногда под венчиком имеются неглубокие пальцевые вдавления. На днищах сосудов иногда встречаются отпечатки золы, мякины, зерен проса и, возможно пшеницы.

Вторая категория – банки представленные единичными сосудами без шеек с вертикальными или слегка вогнутыми внутрь стенками. Края венчиков округлые или плоские скошенные внутрь. Днища плоские. Толщина стенок от 7 до 8 мм.

К третьей категории относятся кувшины. Эта категория представлена единичным фрагментом венчика кувшина со сливом, а также ручками от кувшинов (рис 1,9).

Четвертую категорию составляют сковороды с невысокими прямыми (рис 2,1) или наклонными бортиками (рис 2, 2-4). Толщина бортиков от 0,8 до 1,2мм, дна 0,8-1см. Края бортиков орнаментированы округлыми вдавлениями, имитирующими пальцевые защипы. Внутренняя поверхность сковород обычно заглажена. Цвет их темно-серый или светло-серый. Все сосуды данной группы за исключением сковород находят аналогии в керамических комплексах могильников новинковского типа, датируемых концом VII-VIII вв. Совпадает состав формовочных масс, формы горшков и кувшинов, расположение и способы нанесения орнамента. Миниатюрный сосуд очень напоминает аналогичные изделия именковской культуры (рис 1, 8).

Третью группу составляют фрагменты сосудов, изготовленные на гончарном круге. Они немногочисленны. Около десятка их принадлежат сосудам салтовского типа. Они сероглиняные с тщательно заглаженной поверхностью. Один из фрагментов принадлежит шейке кувшина с кружковым орнаментом (рис 2, 5). Обычно цвет сосудов серый, их поверхность покрыта полосчатым лощением.

Другая группа гончарных сосудов представлена 6 фрагментами амфор. Один из них принадлежал амфоре серого цвета сформованной из глины с примесью шамота и белой крошки. Его внешняя и внутренняя поверхности покрыты выщерблинами. Толщина стенки 13мм. Фрагмент орнаментирован тремя параллельными линиями (рис 2, 6). Пять фрагментов имеют красновато-коричневый цвет. Амфоры могут быть датированы VII-IX вв.

Пять фрагментов принадлежат болгарским гончарным сосудам, 3 из них стенки, 1 – днище и 1- округлый, утолщенный венчик кувшина (рис. 2, 7).

Керамические пряслица можно разделить на три типа. К первому типу относятся 6 пряслиц цилиндрической формы (рис 2, 8, 9) сформованных из глины того же состава, что и сосуды, четыре из них целые, остальные – представлены обломками. Диаметр пряслиц от 2,5 до 4 см, высота 1,1 – 1,5 см. Диаметр отверстия 0,7 – 1 см. Цвет пряслиц бежевый и темно-серый. Ко второму типу относится одно пряслице биконической формы. Его максимальный диаметр 2см, минимальный 1,5см, диаметр отверстия 0,9 см (рис 2, 10). На поверхности пряслица имеется подтреугольное вдавление.

К третьему типу относится пряслице, изготовленное из стенки сосуда салтовского типа – серого с полосчатым лощением. Диаметр пряслица 3,9 см, диаметр отверстия 0,6 см.

Железные предметы немногочисленны. Среди них нож небольшого размера с прямой спинкой, резко сужающийся к концу. Имеется также обломок железного предмета, возможно ножа (рис 2, 12). Найдены два крюка, один изготовлен из квадратного в сечении дрота, другой из прямоугольного в сечении (рис 2, 13,14).

Особый интерес представляет костяная подвеска – амулет с отверстием для подвешивания. Она представляет собой прямоугольную пластину с зубчиками (рис 1, 10) с одной стороны их 5, с другой – 4. Общая длина подвески 2,8 см.

Каменные предметы представлены жерновом и оселком. Жернов состоял из двух половинок. Первая и наиболее сохранившаяся изготовлена из белого ноздреватого известняка. Одна сторона его неровная бугристая, другая – (рабочая) ровная плоская. Диаметр жернова 28-30см, диаметр отверстия 5 см. Рядом с ним найдена другая половина жернова в виде обломка. Он изготовлен из камня красноватого цвета. Одна сторона его плоская ровная, другая бугристая.

На поселении найдены также расколотые куски кремня, которые возможно связаны с городецким слоем I тыс. до н.э.

Датирующих предметов, связанных с средневековым слоем на поселении не найдено, однако для его датировки крайне важны находки фрагментов сосудов салтовского типа, а также пряслица, изготовленного из стенки такого сосуда. В могильниках новинковского типа салтовские сосуды появляются не ранее середины VIII века.

Керамика Севрюкаевского селища находит наиболее близкие аналогии в керамических комплексах могильников новинковского типа. Одинаковы технология изготовления, состав формовочных масс, формы и орнаментация сосудов. Вместе с тем нельзя не отметить некоторые черты сходства керамики Севрюкаевского селища с именковской. Сходны рецепты формовочных масс и некоторые типы сосудов. Особенно близок к именковским миниатюрный сосудик (рис 1,8). Сходство технологии изготовления именковской и новинковской керамики отмечено И.Н. Васильевой (2, с.82). Это сходство возможно отражает процесс смешения пришлых болгарским племен с местным именковским населением, часть которого осталась в Среднем Поволжье после прихода болгар.

Севрюкаевское селище – не единственное поселение с керамикой новинковского типа. Она также обнаружена в северной части селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке и на Мало-Пальцинском селище в Ульяновской области (3, с.113, рис 14,1-9). Среди лепных сосудов Мало-Пальцинского селища имеются аналогичные севрюкаевским сосуды с отогнутым наружу венчиком и характерным ребром с внутренней стороны при переходе от венчика к тулову. Одинаков орнамент и его расположение на внешней стороне венчика. Таким образом, новинковцев следует считать не кочевниками, а оседлыми племенами, знакомыми с земледелием, судя

по находкам жерновов на Севрюкаевском селище и плужного резака в Новинковском могильнике.

Сноски:

1. Технологический анализ производился Симоновой Е.В.

Примечания:

1. Багаудинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

2. Васильева И.Н. К вопросу о технологии керамики I Новинковского могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

3. Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X - начала XIII вв. МИА №3, М., 1962.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда, проект: 00-01-00366а.

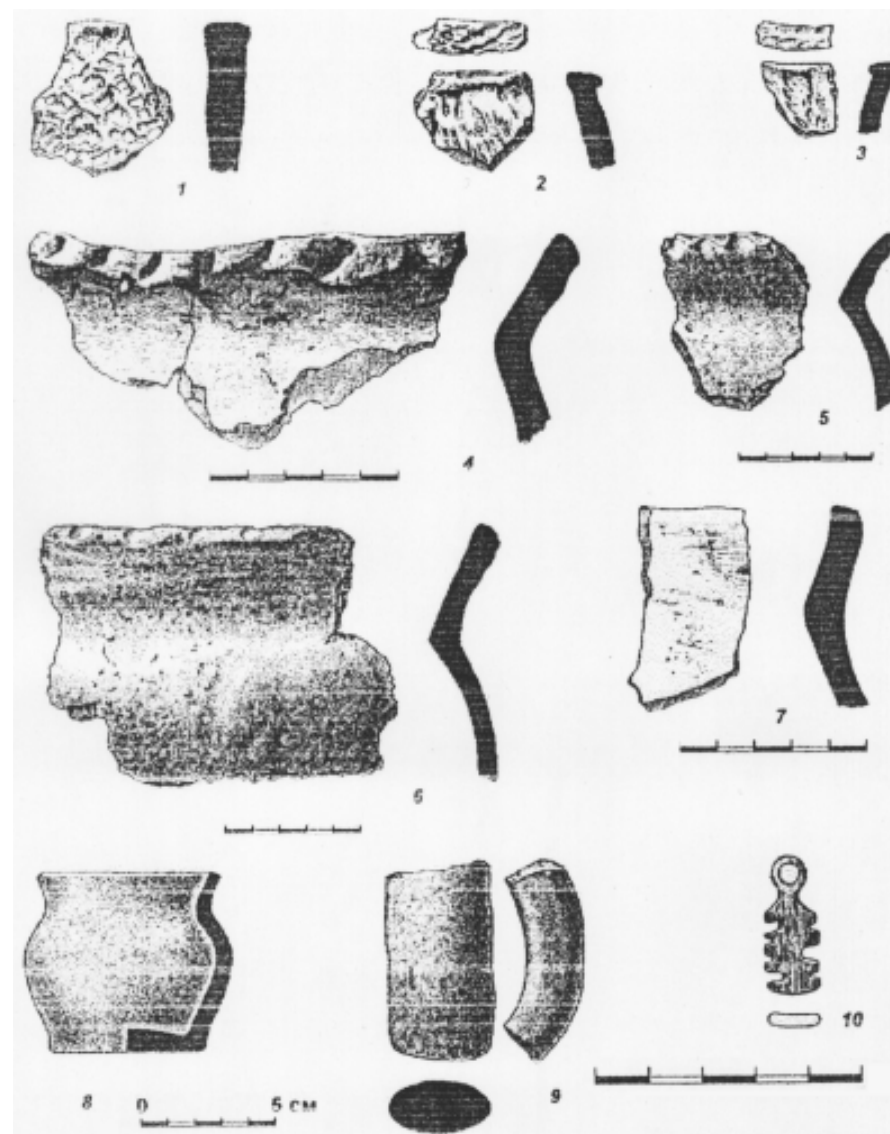

Рис.1.

О ЛОКАЛИЗАЦИИ МАДЬЯР В IX в.

Рис.2.

Одной из актуальных проблем средневековой истории европейских угров является выявление их археологических памятников. Материалы, полученные в последние десятилетия XX в. позволяют связать с уграми леса и лесостепи ванвиздинскую, ломоватовскую, полонскую, неволинскую, кушнарниковскую культуры Большого Урала и Поволжья. Каждая из этих общностей имеет определенную территорию, на которой фиксируются памятники со специфическими чертами культуры. Хуже изучены комплексы кочевых угров степи и лесостепи, входившие, позднее в объединение мадьяр. Первоначально они кочевали на территории от Южного Зауралья до Заволжья, уходя на зимовку в Восточное Приаралье. Е.А.Халикова связывала с ними памятники кушнарниковской культуры Южного Урала и Прикамья (10, с.141-156). Своеобразные по культуре памятники этой общности к западу от Урала появились в середине VI в. Здесь развитие их прошло ряд этапов. Третий, хусаиновский, этап IX в., по обоснованному мнению Н.А.Мажитова, характеризует собой приход на рассматриваемую территорию нового населения (8, с.160). В дальнейшем ряд исследователей стал относить многие из таких памятников к кара-якуповской культуре, типология древностей которой, как и кушнарниковской, остается малоразработанной. Почти каждая группа комплексов, особенно богато представленных в 15 могильниках, имеет своеобразие, что свидетельствует о многообразии родоплеменного состава населения. Например, можно говорить о хусаиновской группе памятников с посткушнарниковской, западносибирских истоков, керамикой; бекешевской группы с южнозауральской посудой и серебряными литыми изделиями со "вздтой" поверхностью, имеющей округло-овальные выступы (5, с.270, рис. 2, 2, 16-20).

Данные памятники, оставленные населением в силу каких-то причин вынужденным отойти из Зауралья и Сибири на запад в конце VIII в., существовали недолго. Во второй трети IX в. после разгрома протомадьяр печенегами исчезают и кушнарниковско-кара-якуповские памятники. Об ожесточенной борьбе, видимо, может свидетельствовать материал Чишминского могильника, входящего в бекешевскую группу памятников. В одной из могил здесь встречен костяк изрубленного в бою мужчины (5, с.259-264). Население вынуждено было искать спасения у волжских болгар. В это время взамен исчезнувших памятников Приуралья в Западном Закамье появляются Большеитиганский, XII Измерский могильники (7,

с.35). Первый из них представлен десятками богатейших погребальных комплексов (12, 1981, с.1-32). На основе их Е.А.Халикова и выдвинула положение об отнесении кушнаренокво-караякуповских памятников к древним венграм. Хотя эта точка зрения поддерживается не всеми исследователями, несомненно, однако, что Большетиганский могильник оставлен одним из элитных подразделений кочевых угров, в культуре которых явно прослеживается среднеазиатское (постсасанидское) влияние.

Где же кочевали протомадьяры в период перед конфронтацией их с печенегами? Часть исследователей полагает, что они находились в степной части южнее от кушнаренокво-караякуповской и волжско-болгарской территории. В последние годы все больше появляется и археологических свидетельств этого в Оренбургской и Самарской областях. Одним из них является Палимовское захоронение у г. Бузулука (9, с.194-207). В нем встречены серебряные дирхемы-подвески (761-762 гг. н.э.), лапчатые перстни, накладки из серебра, круглодонный неорнаментированный сосуд и др. Детали накладок имеют аналогии в мадьярских памятниках Паннонии (13, 326, t.103). Близкий комплекс отмечен в Ромашкинском погребении, обнаруженном в Курманаевском р-не на западе Оренбургской области. Здесь вместе с черепом и костями ног коня встречены два серебряных дирхема (771-772 гг. н.э.), аналогичные бекешевским серебряные детали поясного набора, бусы (8, с.124-125).

Большой интерес представляет грабленое погребение в кургане 1 Брусянского III могильника на Самарской Луке. Курган диаметром в 33 м накрывал окруженную ровиком юго-восточную часть площадки, имеющей подпрямоугольную форму и размеры 62x28 м. Могильная яма была перекрыта бревенчатым накатом. Захоронение сопровождалось скелетом коня, предметами конского снаряжения, вооружения (копье, гирька кистеня), одежды (накладки, пряжки, наконечники ремней), амфорой и т.д. Характерные детали предметов одежды и конского снаряжения находят аналогии в древностях кочевых угров. Об этом говорят прямоугольные рамчатые пряжки, изготовленные из бронзы с позолотой; крупные пятиугольные наконечники ремней, арочновидные накладки с волнистыми краями, более мелкие накладки, состоящие из трех шлемовидных частей и, особенно, крупная решма из напаянной на железную основу золотой пластины с характерным для угров растительным орнаментом (1, с.227-231). Все эти детали типичны для степного искусства кочевых угров.

Учитывая, что для погребального сооружения одного человека выполнена такая объемная работа, что дно могилы было покрыто красно-бордовой тканью, а в сопровождающий инвентарь входили даже трехногий светильник и игральная кость, можно полагать, что здесь был захоронен один из вождей протовенгров. Скорее всего, грабители унесли из могилы саблю и изделия (предметы одежды и пр.) из благородных металлов.

Близость к комплексам протомадьяр обнаруживает также материалы (сабли, грушевидное стремя, крупные серебряные накладки и т.д.). Немчанского могильника и погребения на 116 км в Самарской области. Они сопоставимы с кушнаренокво-караякуповскими древностями и изделиями из Средней Азии (6, с.77-80).

О присутствии кочевых угров в отмеченном регионе свидетельствуют специфические элементы металлопластики в памятниках хусаиновского этапа (1X в.). Чаще всего отмечаются они на серебряных изделиях поясной гарнитуры и явно отражают постсасанидское влияние. Помимо изображений крылатых коней, драконов, собак-сенмурвов в Больших Тиганах на них представлены растительные мотивы в виде стеблей, на которых располагаются трилистники в сочетании с имитацией ягод в группах стройных кружочков (рис. 1, 1, 2). В мужских погребениях предметы поясного набора часто сопровождалась бордюром из вытянуто-овальных, полушарных или кружковых звеньев (рис. 1, 1, 2, 8). Данный элемент орнамента, связанный, видимо, с определенными идеологическими представлениями, является специфичным для культуры кочевых угров Восточной Европы. В конце 1X в. мадьяры привнесли массу изделий оформленных таким образом в Паннонию. (14, p.170, fig.1).

Отмеченные находки позволяют локализовать территорию протовенгров или Великую Венгрию - Magna Hungaria (хотя этот термин более поздний) в первой половине IX в. на вышеотмеченной степной части Урало-Поволжья. Опираясь на материал Луговского погребения (левый берег Волги в 75 км ниже г.Саратова) В.А.Иванов предполагал даже здесь место переправы при отступлении протомадьяр от печенегов (4, с.96). О проживании здесь кочевых угров отмечают и письменные источники (Ибн Русте, Гардизи и др.), которые сообщают, что "начало границ мадьяр - между страной печенегов и болгарскими эсегель" (3, 1967, с.48). Остатки этого населения в указанных районах отмечал в 922 г. Ибн Фадлан. Он называл их бажджард-бажджирт или "худшими" из тюрок.

Местоположение кочевых угров в отмеченном регионе подтверждает и локализация памятников с погребальными масками. У угров они связаны с глубокими и сложными идеологическими представлениями. Распространение их прямо связано с миграциями угорских племен (6, с.249-251).

В средневековых памятниках Урало-Поволжья и Прикамья с VI по XIV вв. насчитывается 15 могильников, где отмечено более 100 погребений с погребальными масками. Среди них и кушнаренокво-караякуповские памятники: Стерлитамакский, Большетиганский могильники.

Вторую остановку протомадьяр при их движении на запад большинство исследователей локализует в Подонье. Здесь комплексы их фиксируются по характерным металлическим изделиям с бордюром из вытянуто-овальных и полушарных или кружковых выступов по краю. Такие подделки, характерные для кушнаренокво-караякуповских (кара-якуповских) памятников

хусаиновского этапа, встречены в Воробьевском погребении южнее г.Воронежа, Супрутском кладе, могильниках мордвы и т.д. Об этом этапе жизни протовенгров сообщает Константин Багрянородный. По имени наиболее знатного воеводы протовенгров данная территория называется Леведией. Только здесь представители племен, у каждого из которых до этого был свой воевода, по предложению хазарского кагана “подняли на щит” и сделали общим вождем Арпада. С этого времени мадьяры выступают как единая политическая сила под одним командованием. Случилось это, скорее всего, где-то в 60-е годы IX в.

Третья и последняя стоянка мадьяр, т.н. Ателькузу находилась на правом берегу Днепра, в основном, в Днепропетровской и Кировоградской областях Украины. Здесь они проживали почти до конца IX в. Следы их фиксируются по небольшим могильникам у сел Субботицы, Менведовки, находкам в бывшем Елизаветском уезде. Как и в Большетиганском могильнике в них встречены серебряные изделия с характерным бордюром (рис.1, 9-16), погребальные лицевые покрытия, комплексы из черепа и костей ног лошади (2, с.99-115). Этот период жизни мадьяр также отражен в письменных источниках. В частности, аль-Балхи в сведениях от первой трети X в. сообщает, что одно из племен бажджардов численностью в 2 тыс. человек живет в густых лесах близ болгар, на границе с гузами-куманами. Другие же бажджарды, граничат с печенегами и являются близкими соседями румийцев, т.е. Византии (11, с.105). О территории этих западных бажджардов сообщается “Земля их обширна: одной окраиной своей прилегает она к Румскому морю (Черное море), в которое впадают две реки; одна из них (видимо, Днепр) больше Джейгуна (Аму Дарьи) между этими-то двумя реками (Днепр-Серет) и находится местопребывание Мадьяр” (11, с.24).

В мадьярских памятниках Ателькузу сохраняется специфика культурных комплексов, прослеживаемые еще в Урало-Поволжье и свидетельствующая, видимо, (учитывая, что не только металл, но и керамика имеют отличия) о родо-племенном делении общества. Так, выделяемая по своеобразной керамике с гребенчато-резной и ямочной орнаментацией, а также специфичным серебряным изделиям со “вздуптой” поверхностью (накладки с полушарно-овальными выступами на поверхности, тройники для жесткого соединения ремней и т.д.) бекешевская группа первоначально обитавшая в Южном Зауралье (8, с.56-68), в период конфронтации мадьяр с печенегами (вторая треть IX в.) находилась уже в бассейне р.Белой (5, с.259-264). В Ателькузу металл этой группы достаточно явно представлен в Субботицком могильнике (2, с.100, рис.1,5-10).

Известное по письменным источникам деление мадьяр на семь племен, таким образом, получает определенное подтверждение в археологическом материале. Возможно, каждое из этих подразделений имело свою ремесленную базу, хотя, конечно, в процессе иммиграций происходило разнообразное взаимодействие. Основная масса, привнесенная ма-

дьярами в Паннонию художественной металлопластики представляют литые или штампованные, иногда с гравировкой изделия. Наиболее богатые образцы их, имеющие вышеуказанный бордюр, отмечены в Большетиганском, а более стандартные, бронзовые или медные, в Танкеевском могильниках.

Таким образом, как археологические, так и письменные источники свидетельствуют о трех регионах проживания мадьяр (рис.1) при их движении на запад в IX в. В ходе этой миграции шли процессы политической консолидации, которые способствовали сравнительно скорому созданию Венгерского государства в Европе.

Во время этой эпопеи мадьяры с удивительным постоянством сохраняли все основные элементы языческой культуры своих предков, принеся их в Паннонию. Во многих могильниках X в. этого региона фиксируются проявления характерные и для кушнаренковско-караякуповских некрополей IX в. Урало-Поволжья.

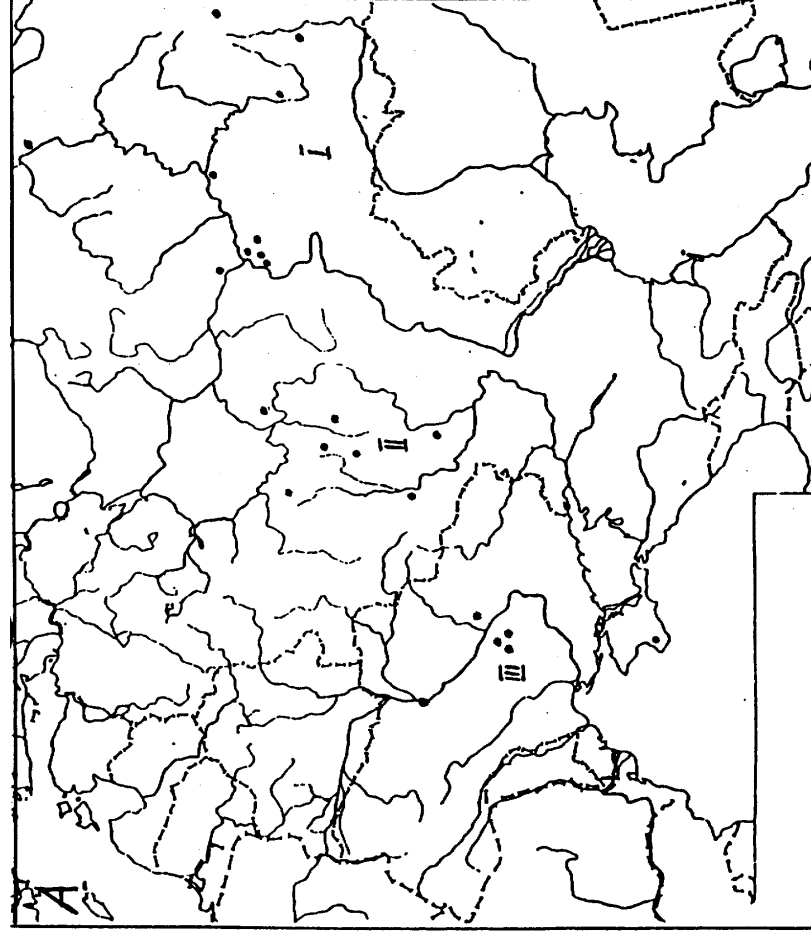
Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект: 00-01-003664

Примечания:

1. Багаудинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.
2. Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА, 1988, № 2.
3. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. М., 1967.
4. Иванов В.А. Урало-Поволжская часть мадьярского пути на запад // Культуры евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н.э. Самара, 1996.
5. Казаков Е.П. Два погребения Чижминского могильника. СА, 1975, № 4.
6. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
7. Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // FU, 1997, №1.
8. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII - XII вв. М., 1981.
9. Перепелкин С.Б., Сташенков Д.А. Палимовское погребение // Культуры евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н.э. Самара, 1996.
10. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА, 1976, № 3.
11. Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даства. Спб, 1869.
12. Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981.
13. Revesz Gaszlo. A karosi honfoglalás kori temetok. Miskolc, 1996.
14. The Ancient Hungarians, 1996. Hungarian National Museum. Catalogue. Budapest.

Рис.1. Образцы металлопластики из памятников угров в Восточной Европе. 1-2 - Большетиганский могильник, 1- погр.1,2; 2 - погр.16; 3 - Ишимбаевский могильник, кург.2, погр.1.; 4-8 - Ишимбаевский могильник, кург.3, погр.3.; 9-13 - Субботицкий могильник; 14-16 - Находки в Елизаветском уезде.

А - локализация находок со "звеньевым" бордюром. I - Регион кочевий протомадьяр в Урало-Поволжье, II - Леvedия, III - Ателькузу.

И.Л.Измайлов

К ВОПРОСУ О КАНОНИЧНОСТИ И ЯЗЫЧЕСКИХ ПЕРЕЖИТКАХ В МУСУЛЬМАНСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБЯДЕ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

Проблема изучения древних этносов и этнической истории была и остается одной из актуальных задач этнологических исследований. Особую актуальность имеют работы, посвященные древним и средневековым этносам. Для Урало-Поволжского региона важнейшей проблемой является изучение проблем этнической истории населения Волжской Булгарии X - XIII вв. Весь комплекс аутентичных письменных источников - русских (9 с.37-39), восточных (7, с.23-46; 14; 18, с.235-240) и западноевропейских (1, с.80,81; 15, с.119; 12, с.215) свидетельствует о широком распространении ислама в Булгарии. Более того, именно в этих письменных источниках в содержится важная информация, позволяющая судить, что ислам для средневековых булгар выступал не только как система мировоззрения и культурно-обрядовый комплекс, но и ключевая системообразующая основа этнической идентификации.

Мусульманский похоронный обряд: диалектика канона. Существуют также многочисленные археологические свидетельства распространения ислама среди населения Волжской Булгарии (отсутствие костей свиньи в кухонных остатках поселений, наличие арабографических надписей, в том числе и религиозного содержания, предметы культа и т.д.). Но погребения, совершенные по мусульманскому обряду еще более полно, исчерпывающе и достоверно, позволяют судить о распространенности и характере ислама. Погребальные обряды у всех народов являются не только существенной частью религиозных и мифологических представлений, но и важнейшим социальным институтом, поскольку, объединяя в погребальном обряде и ритуальных действиях всю общину, служит для живых средством актуализации сущностных социальных и религиозных отношений и обязательств. Они служат свидетельством брэнности, переходящем характере земного бытия и напоминанием о мире “горнем”, вечном. В этом смысле члены общины, исполняя определенные ритуалы не только готовят умершего в последний путь, но и сами приобщаются к близящемуся Судному дню, примеряя к себе его неизбежное пришествие.

Похоронные обряды и ритуалы мусульман связаны с эсхатологическими представлениями и переживаниями, поскольку между “миром брэнным” и воскресением (“возвращением” - *ал-ма’ад*) и “жизнью вечной”

находится время конца света (*ас-са’а*). Согласно наиболее распространенным представлениям перед концом света должен явиться ложный пророк ад-Даджал во главе сил зла и победит на всей земле, с востока вторгнутся орды диких варваров йаджудж и маджудж. После сорока лет их правления явятся ‘Иса и ал-Махди, которые сокрушат врагов веры и установят справедливость. А спустя некоторое время придет *ас-са’а* (час) воскресения умерших (*ал-кийама*), суда Аллаха над людьми (*йаум ад-дин*) и день подсчета (*йаум ал-хисаб*). Исафил затрубит в трубу, звезды упадут с неба, моря переполнятся, горы сдвинутся с места, и все люди умрут. По одному из коранических пророчеств: “Когда небо расколосось, и когда звезды осыпались, и когда моря перелились, и когда могилы перевернулись, узнала тогда душа, что она уготовала вперед и отложила” (10, 83, 1-5). По второму гласу трубы все, кто когда-либо жил на земле, оживут и соберутся в одном месте (*ал-махшар*). И тогда Аллах, после долгого, мучительного для восставших людей, ожидания, начнет допрашивать людей об их поступках, ангелы принесут книги, в которых будет содержаться перечень всех добрых и злых дел людей. Потом грехи и добрые дела будут взвешены на весах (*ал-мавазин*). Поскольку душу ничего не должно отягощать, то она должна предстать перед Создателем без атрибутов и вещей брэнной, земной жизни. Сцены конца света и Страшного суда неоднократно описываются в сурах Корана, став основой для разработки темы богословами и законооведами. Собраны и систематизированы представления о них были в VIII - IX вв. в хадисах, а в XI - XII вв. приобрели в большую определенность, конкретность и детализацию. (13, с.148-149).

Мусульманская эсхатология непосредственно связана с появлением исламского похоронного обряда и ритуалов (*джаназа*). В Коране не содержится никаких предписаний о джаназе. Разработаны и описаны они были уже позднее в период создания исламской догматики. Основные шариатские нормы отличались консервативностью и были неизменными в течении многих веков (17, с.28-107; Изложение начал... 1850: 65-68), но в то же время и достаточно гибкими, вмещающая в себя все многообразие форм обрядности, если, конечно, они прямо не противоречили основным догматам ислама. Некоторые элементы похоронных обрядов во всех мусульманских странах различались и были связаны с соответствующими обычаями, существовавшими у этих народов в доисламский период. Так, например, с середины VIII до начала IX вв. среди исламизированного населения Ирана и Средней Азии еще практиковался традиционный, восходящий к зороастризму, обычай выставлять покойника на дахму с последующим захоронением очищенных костей. Хоронились они в специальных сосудах (*оссуариях*) или без них в могиле (или на ее дне, или в нише), ориентированной по кыбле, на Мекку (17: 89).

Разумеется, были универсальные основные правила, которым мусульмане следовали практически всюду. Почувствовав приближение смерти,

мусульманин должен прочесть символ веры. Еще в предсмертном состоянии умирающего, или же сразу после наступления смерти, мусульманина следует положить на спину, таким образом, чтобы лицо или ступни ног были обращены в сторону Мекки (к Каабе), ориентируя его по кыбле. Потом следует ритуальное омовение, которое совершает особое лицо. После омовения совершается облачение тела в чистую одежду покойного или в особые погребальные одежды, состоящие из двух-пяти покрывал. Умершему закрывают глаза подвязывают челюсть. Погребальные одеяния плотно стягивают, колени связывают, руки складывают на Мусульманская эсхатология непосредственно связана с появлением и развитием груди (возможно и другое положение рук). После чего читают молитву за умершего либо в его доме, либо в мечети. В последнем случае тело на носилках доставляют туда. Тело умершего в борьбе за веру не обмывают ("меч освобождает от омовения") и хоронят такого покойника в одежде, которая была на нем в момент гибели (предписывается, однако, снять с него украшения, головной убор, оружие и личные предметы); молитву над покойным не читают. Обычно человека хоронят в течение суток после смерти (если смерть наступила утром, то в тот же день). Тело кладут на носилки, которые сопровождает погребальная процессия, которая движется довольно быстро. Теоретически женщины не должны участвовать в процессии, запрещается также громко оплакивать умершего, но эти предписания, обычно никогда не соблюдались и не соблюдаются. Шариатские установления по устройству могилы дают весьма общие сведения о ее размерах и форме: вырыть могилу в рост среднего человека квадратной или прямоугольной формой. Могила должна быть по возможности просторной, обычно, с нишей в боковой стенке или углублением на дне, чтобы умерший мог "сесть" при появлении ангелов смерти Мункара и Накира (в могилу иногда кладут ивовые прутья, чтобы умерший мог на них опереться). Ближайшие родственники укладывают тело в могиле так, чтобы лицо покойника было обращено к кыбле и чуть ослабляют погребальные облачения (иногда открывают лицо и голову), чтобы умерший мог подняться на глас трубы Исафила. Все эти церемонии сопровождаются чтением сур Корана. Религиозные авторитеты ранее запрещали как-либо отмечать могилу, хотя повсеместно были широко распространены надмогильные камни с эпитафиями, мавзолеи, которые в Иране и Средней Азии носили названия "усыпальниц". После смерти проводятся поминки. Традиционно они следуют на третий, седьмой и сороковой дни (8, с.61-68; 16, с.28-168; 13, с.148-149).

При сопоставлении всех этих элементов похоронной обрядности с археологической действительностью возникают значительные трудности теоретического и практического характера. Первые связаны со многоаспектным и условным соответствием похоронной обрядности и погребального памятника, который даже при полном и скрупулезном изучении не

дает достаточной информации для адекватной реконструкции обрядности (6; 11). Группа других объясняется как проблемами фиксации и изучения самой археологической реальности, ее сохранностью и возможностями исследования, так и возможностями интерпретации археологических источников и реконструкции на ее основе модели погребальной реальности.

Речь в данном случае идет даже не столько о недостатках археологических интерпретаций, предложенных школой "археологической истории", мало унифицированной терминологии и даже дефектах несистемного анализа погребального обряда, а о синкретичности, синтетичности, парадигмальности представлений самого древнего и средневекового населения. Во всех мировых религиях всегда существовал значительный разрыв между артикулированной высокой ученостью и религиозно-философским осмыслением бытия и божественного промысла, выраженного в писанных традициях теологии и догматики и эксплицитными верованиями широких народных масс. Принимая основные положения догматов веры и обрядности, народные массы сохраняли множество верований и обрядов прошлого. Основанные на архетипах сознания эти суеверия и магические действия, не отвергая всемогущество и всеведение бога, должны были оградить человека от нежелательного хода событий, вопреки вере в их predeterminedность и защитить человека от соблазнов, действия враждебной магии и происков дьявола. Многие эти суеверия, обряды и представления, часть которых прямо противоречила официальному вероучению и религиозным предписаниям, подвергались критике, гонениям и запретам со стороны адептов господствующей религии. По сути дела вся законодательная, теологическая литература мусульманского средневековья была направлена против полного неверия, "плохих нововведений" и заблуждений, к которым относили все токования, изменения и отступления от "истинной веры". При этом теологи различали неверие и настоящую ересь которые трактовались как открытое преступное "восстание против Аллаха" и токования и нововведения. Наглядно демонстрирует характер претензий ортодоксальных теологов к мусульманскому обществу запреты, декларируемые ал-Газали (1058/9-1111 гг.) в труде "Воскрешение наук о вере", включавшие широкий спектр не одобряемых действий от использования нарядных шелковых одежд и ношения женщинами золотых украшений до изображения на стенах домов и интерьеров бань, при этом он оговаривается, что стремление к красоте в быту само по себе дозволено, но до тех пор пока не заслоняет и не подменяет веру (2, с.131-139). Одним словом, ортодоксы ислама призывали верующих не подменять веру обрядами, магическими действиями и заклинаниями. Но ислам, как система вероучительных учреждений, вопреки призывам отдельных догматиков, вынужден был мириться с существованием "народной веры" и даже использовать ее в своих целях для укрепления своего влияния.

“Народная” вера не была простой вульгаризацией религии, а суеверия не являлись “ложными” верованиями, как вслед за церковными теологами было совсем недавно принято считать в науке. Скорее народная ментальность была сложной и нередко диссонирующей системой, сохранявшей, тем не менее, внутреннее единство и целостность. В этом смысле интересен полемический трактат автора конца XII в. ибн ал-Джаузи “Наушения дьявола”, в котором перечисляются заблуждения простонародья Багдада и, в частности, осуждаются с точки зрения официальной теологии суеверия горожан, внушаемые им дьяволом, постоянно осаждающим души правоверных, относя к их числу слепое следование обычаям предков и примеру окружающих, обращение к гадальщикам и астрологам, немусульманский обряд похорон (в одежде и в гробах) с оплакиванием покойников, биением себя по лицу и разрыванием одежд (последнее особенно предосудительно для женщин) (3, с.144-148). Таким образом, даже для такого религиозного центра как Багдад проблема суеверий и отступлений от официальных норм ислама стояли чрезвычайно остро. Это еще раз заставляет различать язычество и суеверия, встроенные в систему исламских религиозных ценностей.

Для средневековой Волжской Булгарии погребальные памятники и, выявляемый на основе археологических данных, похоронный обряд исчерпывающе изучила Е.А. Халикова (16; с.44-49), которая пришла к выводу, что два из обрядов джаназы могут быть сопоставлены с археологическим материалом - выполнение кыблы, дабы увидеть приход судного дня и восстать из мертвых и запрет на помещение в могилу вещей, поскольку во время страшного суда ничто не должно отягощать человека и напоминать о мирской жизни, ни одежда, ни вещи, ни помыслы. Представляется, однако, что эти элементы погребальной обрядности имели разный вес в системе джаназы. Первый действительно является определяющим элементом, что, впрочем не исключает некоторых отклонений от канона как естественного, вызванного особенностями археологизации погребенного (нарушения положения костяка, изменение поворота головы, или невозможности в силу разных обстоятельств придать телу каноническую ориентацию, например, когда тело заоченело без соответствующего обряда и т.д.), так и обрядового (дань традиции, местные вариации канона и т.д.). Второй же представляется неверным по самой постановке вопроса, поскольку категорического запрета на положение вещей в могилу нет ни в хадисах, ни в шариате, ни в поздних установлениях и трактовках. Это как бы подразумевается само собой. Все дело в том, что умерший мусульманин должен быть погребен в специальной одежде (или завернут в саван), что предполагает, как правило, отсутствие деталей одежды, бытовых вещей и даже украшений. Как правило. Но не как категорический запрет. При этом надо учитывать, что с точки зрения мусульман вещи не были “нечистыми” и не могли осквернить могилы (8, с.70-71). Разумеет-

ся, это могло считаться отступлением от “канонических” норм. Однако с точки зрения этих норм и предписаний и гробы, и мавзолеи, и надгробия, и поминки, - все то, что являлось или является неотъемлемой частью религиозной культуры, было “злостным суеверием”, с которыми официальная религия вынуждена мириться и вести изнурительную борьбу. Все эти обстоятельства заставляют считать, что находки вещей в погребениях, особенно, на раннем этапе внедрения исламской обрядности (не только в Поволжье, но и вообще в исламской ойкумене) являются местной особенностью мусульманской джаназы, а не свидетельством “пережитков” язычества.

Мусульманские могильники с территории Булгарии: джаназа и местные особенности. Мусульманский погребальный обряд населения Булгарии X-XIII вв. по данным Е.А. Халиковой, можно реконструировать так: глубина могильной ямы до 1 м, могильная камера без ляхда, стенки ямы отвесные или с небольшим наклоном, иногда на дне ямы фиксировался подбой, погребенный был ориентирован головой на запад, запад - северо - запад или запад - юго - запад, иногда умерший хоронился в гробу или деревянном ящике с перекрытием, при умерший, как правило, клался в могилу с некоторым поворотом туловища на правый бок, лицом обращенным в сторону Мекки (редко на спине и лицом вверх), руки умершего лежали: правая вдоль тела, левая сдвинута на таз (реже обе вытянуты вдоль тела или полусогнуты), ноги чаще вытянуты (реже согнуты, полусогнуты или одна из них полусогнута). Вещи в погребениях, как правило, отсутствуют, хотя иногда встречаются, но не как элемент одежды, а, очевидно, как поминальный дар (16, с.43-132).

По данным исследователя, данный “классический” (идеальный) обряд выработался не сразу, а в течении определенного времени. Но и после его становления, встречаются определенные вариации этого канона. Е.А. Халикова считала временем начала распространения ислама в Булгарии конец IX - начале X вв., а полной и окончательной победы мусульманской погребальной обрядности в среде горожан первую половину X в., а в отдельных регионах - вторую половину XI в. (16, с.137-152). При этом она особо подчеркивала, что с рубежа X - XI вв. языческие могильники на территории Булгарии уже не известны. Выводы эти в основном выдержали испытание временем и сейчас можно сказать, что расширение историко-исследовательской базы по материалам болгарских мусульманских могильников, лишь подтверждает основные положения работ исследователя.

Всего на территории Волго-Уральского региона в настоящее время обнаружено более 80 грунтовых могильников, из них 52 относится к концу X - XIII вв. Мусульманские могильники располагаются практически равномерно по всей территории Волжской Булгарии. Наибольшее количество некрополей известно и изучено в Западном Закамье, где широко исследованы Спасский (Старокуйбышевский) I (40 погребений), Суварский I (>

1), Танкеевский (56), Измерский (50), Кожаевский (144), в Центральном Закамье - Донауровский (> 6), Мурзихинский I (> 9), в бассейне р. Черемшан - Большетиганский II (> 20), в Предволжье - Богдашкинский (4), Тетюшский III (62), в Предкамье - Рождественский (31) и в окрестностях Болгарского (Ага-Базарский (1?)) и Билярского (I-V) (352) городищ. Важно, что, хотя и с разной степенью интенсивности, но во всех регионах изучены как городские (Спасский, Суварский, Данауровский, Богдашкинский, Билярские) могильники, так и сельские (Танкеевский, Измерский, Кожаевский, Мурзихинский, Большетиганский, Тетюшский, Рождественский и др.) некрополи. Одновременно заметно определенное количество сомнительных (т.е. зафиксированных недостаточно четко в отношении датировки или деталей обряда) в Центральном Закамье, Бассейне р. Черемшан, Предволжье и Предкамье, а также отсутствие достоверных сведений о мусульманских могильниках из Посурья и Примокшанья. Тем не менее, большая территориально и социально-топографически разнообразная выборка позволяет сделать вывод о распространенности ислама в Волжской Булгарии в X - XIII вв. и деталях обряда.

Булгарский погребальный канон: джаназа или язычество. Среди археологов в этой связи есть искушение “мистифицировать” свои материалы, придавая им не свойственную в действительности однозначность и определенность, в стремлении, в частности, считать все колебания и “отступления” от некоего “классического” исламского погребального обряда “пережитками язычества”, “следами двоеверия” или проявлениями “раннемусульманской обрядности”. Обычно “следы древней домусульманской обрядности” рассматриваются “в целом”, смешивая болгарский и золотоордынский периоды. Многие исследователи даже не задаются вопросом о возможном изменении обрядности с течением времени под воздействием политических, социальных, культурных и других причин. Нет объяснения у археологов и для объяснения того факта, что “домусульманская обрядность” на мусульманских могильниках бурно распространилась именно в золотоордынский период после трех веков абсолютного господства “канонического” мусульманского обряда. Среди элементов такой обрядности, хотя не всегда ясно можно ли отнести некоторые “языческие пережитки” к болгарскому периоду, называют, например, следы культа огня, жертвенные ямы, погребальный инвентарь, погребальную пищу, кенотафы и вторичные захоронения (4, с.19-22). С такой трактовкой невозможно согласиться, поскольку она ведет к полному произволу в выборе неких “языческих” элементов и, в конечном итоге, к признанию таких погребений немусульманскими. Дело доходит до абсурда, когда мусульманские погребения (обряд кыблы) из мусульманского могильника XV - XVI вв., на котором сохранились каменные изваяния с эпитафиями, включающими суры Коран, называются “языческими погребениями удмуртов” (18, с.84, №99). Хотя этот историографический казус относится к

погребениям более позднего времени, методика определения “язычества” несколько не отличается от применяемой в отношении и ранних погребений и заключается в отыскании некоторых “отклонений от классического мусульманского обряда” (это могут быть положение головы, наличие вещей и другие особенности).

Обычно намечая отступления от “канонического” мусульманского обряда археологи ссылаются на работы Е.А. Халиковой. Действительно, определенная непоследовательность ее взглядам была свойственна. Если она и сделала важные оговорки, что не считает некоторые отступления от него “немусульманскими” или “домусульманскими” и тем более “неязыческими”, то из контекста ее трудов следует, что именно “классический” обряд она и считала “настоящим”, а более ранний, насыщенный пережитками язычества - “отступлением” от канона, уступкой традициям язычества.

Несомненно, что в этом Е.А. Халикова следовала традиционным историографическим штампам тех археологов, которые, следуя в русле позитивистских теорий, исходили из постулата о том, что исповедывавшаяся большинством народа религия представляла собой вульгаризацию, насаждавшихся религией норм. Этот традиционный взгляд на проблему, благодаря кажущейся простоте, убедительности и эвристическому потенциалу, закрепленный в многочисленных трудах его сторонников стал историографической нормой. Исходя из простого понимания религиозной истории, исповедующие его историки и археологи, делят ее на два этапа. На первой стадии язычество сокращалось как религиозная система в социальном и общественно-политическом плане, низвергались прежние кумиры и происходила массовая насильственная исламизация населения, внедрялась новая обрядность, но население еще долго сохраняло прежнее язычество, в виде пережитков и суеверий. Только на втором этапе, спустя века, религиозные миссионеры добивались более глубокой и последовательной исламизации и более строгого исполнения всех канонов и обрядов, хотя пережитки доисламских верований еще долго изредка обнаруживаются, как единичные явления (16, с.149-152). Этот взгляд на проблему, во многом ориентированный на древнерусский материал и на выработанную на основе изучения народной религиозности Древней Руси теории “двоеверия”, сыграл определенную роль, когда происходило первое приближение к теме религиозности и обрабатывались связи археологии с историей и антропологией.

Современные синтезные исследования по сопоставлению данных всего комплекса наук все чаще заставляют отказываться от однозначного, унифицирующего подхода к раннесредневековой религиозности, а средневековая вера все в меньшей степени представляется монолитной системой артикулированных и зафиксированных в богословских текстах вероучительных норм. “Следом за антропологами, изучающими традиционные культуры за пределами Европы, историки приходят к пониманию того,

сколь огромны различия между доктриной и нормативными руководствами, с одной стороны, и религией как культурной системой - с другой” (5, с.199). Вся острота проблемы даже не столько в особенностях или архаизме, традиционности народной культуры, а в самом функционировании системы религиозной культуры. Элементы ее были общими для всего социума как единого целого, но при этом, несомненно, преломлялись с учетом социальных, сословных, культурно-образовательных страт общества, когда и элита, и народные массы трактовали их в зависимости от условий своего образа жизни, социального или общественного статуса, различий в картине мира. Внутри этой системы в тех ее аспектах, которые мы называем “религиозными”, как показывают исследования европейских антропологов, физическая реальность, конкретные действия и давление традиции были более важны, нежели “высокое” вероучение, эксплицитные интеллектуальные построения и умозаключения религиозных философов, а грани между религией и правом, привычкой и обрядом были зыбкими, произвольными и анахронистичными (5, с.190).

Именно поэтому, не имеет смысла попытка конструирования “языческих” верований в их противопоставлении исламским, создания теории “двоеверия”, где язычество составляла некую “катакомбную” религиозную систему под легким флером исламских обрядов. Народная религиозность не была искажением или внешним прикрытием традиционных верований, а синкретичной системой представлений, в которой различные элементы гармонично соединены, либо парадоксальным образом сосуществуют в диссонансе и для которой важна не логичность и однозначность, а структура взаимоотношений, соединяющая все эти элементы. Исходя из этого, методологически необходимо учитывать различные ментальные “значения”, которые формируются социальной средой как на уровне религиозных норм и законов, так и безотчетных действий. Кодицированные элитой общества религиозные нормы и обряды составляют только верхний пласт этой культуры. Гораздо более значительный и многозначный пласт представляют собой человеческие взаимоотношения, жесты, обычаи, вещный мир, суеверия и верования. Оба этих пласта культуры не были во всех аспектах едины, согласованы и непротиворечивы, их взаимопроникновение и взаимодействия были полны внутренней борьбы, а структура их отношений была релятивистской, а не строго очерченной, непротиворечивой. Но при этом изучение всех этих диссонансов и противоположностей возможно только в подвижном и лабильном взаимодействии элементов внутри системы, а не в отдельно взятых ее компонентах. Исходя из такого подхода к изучению средневековой религиозности, следует отвергнуть все попытки несистемного конструирования на основе разрозненных, разновременных и несовместимых элементов “языческих” или “двоеверных” верований под спудом исламского менталитета болгар.

Примечания:

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т.III.
2. Ал-Газали Абу Хамид. Воскрешение наук о вере (“Ихйа’ ‘улум ад-дин”). Перевод с араб. В.В. Наумкина. М., 1980
3. Большаков О.Г. Суеверия и мошенничества в Багдаде XII-XIII вв. // Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984.
4. Газимзянов И.Р. О некоторых элементах в погребальной практике волжских болгар X-XV вв. // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Секция археологии. Казань, 1997.
5. Гири П. Использование археологических источников в истории религии и культуры // Одиссей. Человек в истории. 1998. М., 1999.
6. Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
7. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.II. М., 1967.
8. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850.
9. Измайлов И.Л. Этнополитические аспекты самосознания болгар X-XIII вв. // Панорама-Форум. 1996. 1(4).
10. Коран. Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.
11. Леонова Н.Б., Ольховский В.С. Погребение как объект формального анализа / КСИА. 1977. 148.
12. Матузова В.И. Английские средневековые источники. М., 1979.
13. Пиотровский М.Б. ал-Ма’ад // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
14. Путешествие Абу Хамид ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1152 гг.) М., 1971.
15. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
16. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X - начала XIII в. Казань, 1986.
17. Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб, 1997
18. Шутова Н.И. К истории изучения удмуртских погребальных памятников XVI-XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987.
19. Zimonyi I. Volga Bulgars and Islam // Bamberger Zentralasienstudien (Konferenzakten ESCAS IV Bamberg 8-12. October 1991. Ingeborg Baldauf, Michael Friederich (Hrs.) (Islamkundliche Untersuchungen. Band 185).

К.А.Руденко

ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В С. БАЛЫМЕРИ В 1996-1998 гг.

Археологические памятники, находящиеся в окрестностях села Балымери до сих пор являются предметом дискуссий и ключом ко многим проблемам археологии и истории края. Около села расположено не менее 15 памятников археологии, относящихся к разным эпохам и культурам. Начиная с 70-х гг. XIX в. археологическим изучением их занимались В.И.Стоянов, П.А.Пономарев, Н.П.Лихачев. Целый комплекс археологических объектов расположен в самом селе, в том числе 2 городища и более 6 селищ (рис.1). Часть из них отметил их еще в конце XIX в. А.А.Спицин (13). На некоторых из памятников в 20-50-е гг. XX в. были проведены раскопки. Так, А.М.Ефимовой было вскрыто 268 кв. м культурного слоя на болгарском городище (рис.1-А). В.Ф.Смолиным и А.А.Жиромским исследована почти полностью площадка городища “Шолом”. Разведочными работами П.Н.Старостина были открыты многочисленные селища именьковского времени.

Особое внимание привлекли расположенные близ села погребальные памятники. Первым и самым известным из них является курганный могильник с обрядом кремации. В исторической литературе его связывали с захоронениями русов, именьковцев (1, с.144), древних хакасов (4, с.112). Большой вклад в изучение его внесла Е.А.Халикова.

Курганы располагались в версте от с. Балымери и трижды исследовались раскопками. Историографический обзор этих исследований был дан В.Ф.Смолиным (12). Первый раз их раскапывал А.И. Стоянов в 1870 г., вскрывший 6 курганов. Как писал Н.П.Лихачев, исследователь “отнесся к делу довольно небрежно” (5, с.109) и практически ничего не обнаружил, кроме золы, углей и обгорелых костей животных. Второй раз курганы раскапывались в 1882 г. П.А.Пономаревым. и Н.П.Лихачевым (Н.П.Лихачевым был вскрыт 1 курган). В этом году было изучено 7 насыпей. Всего же на этом месте было зафиксировано 25 курганов. В 1893 году П.А.Пономарев произвел дополнительный осмотр местности и установил, что все 25 курганов застроены деревней Арчиловкой (часть села Балымери). Видимые из них 2 кургана, перед домом Михаила Орлова и Поликарпа Петрухина были раскопаны П.А.Пономаревым. Здесь были найдено небольшое количество плоскодонной посуды (6, с.95-97). Таким образом в результате всех раскопок оказалось, что вещи находились только в 3 курга-

нах – это грубые плоскодонные горшки. Исключение составил один курган где были зафиксированы остатки трупосожжения и были найдены вещи, среди которых меч с согнутым клинком, кресало, медные накладки и обоймочки, а так же фрагменты глиняного сосуда (17).

Определенный итог исследований того времени подвел Н.П.Лихачев. Он пришел к выводу, что под курганами было выявлено 2 типа захоронений: “погребение тела в вытянутом положении на спине и трупосожжение. При одном из костяков найдена железная стрелка, при другом – бронзовая бляшка. В кургане с трупосожжением близ остатков костра лежал согнутый в дугу полуистлевший от ржавчины прямой железный меч” (5, с.109). Таким образом, исследованные в XIX в. курганы не являлись единичными в этнокультурном плане и скорее всего были насыпаны в разное время, что совершенно справедливо отметил Н.П.Лихачев.

В 1964 году Е.А.Халиковой были проведены поиски загадочных курганов, поскольку местоположение их после раскопок П.А.Пономарева определить не удавалось, а сам материал вследствие чрезвычайно низкой методики исследований (что отмечалось уже в 90-х гг. XIX в.) оставался предметом различных толкований. Трудность заключалась еще в том, что курганы были небольшой высоты – не выше 2,5 аршин неправильной формы, поскольку большей частью один курган присыпался к другому. Захоронения совершались на материке (не в черноземе), без заглабления в него. Вещи в погребениях единичны. Поэтому, когда в конце 80-х гг. XIX в. все курганы были застроены домами Гребенского выселка, полностью сnivelированы и перекопаны, то их следы практически исчезли с лица земли.

Курганы Е.А.Халиковой были найдены, но результаты исследований оказались очень неожиданными. Раскопанные подкурганные погребения были не раннеболгарского времени, как это предполагалось, а ордынского периода (15).

Вместе с тем, вне поля зрения исследователей остались погребальные памятники относящиеся к болгарскому времени, которые были связаны с остатками крупного болгарского городища. В этой связи особый интерес вызывают исследования нового могильника болгарского времени расположенного в селе Балымерях (9, с.277) и являющемся городским (?) некрополем.

Балымерский II могильник (Курганный могильник раннеболгарского и золотоордынского времени является Балымерским I могильником, а расположенный в самом селе, напротив него, Балымерским III). Расположен могильник на краю коренной террасы правого берега реки Волга, на месте Балымерского II селища (8, рис.122, 123, 147), в 300 м к юго-востоку от Балымерского городища, по левую сторону оврага, на первом мысу от городища “Шолом” (рис.1).

Наличие здесь погребений отмечено еще А.А.Спициным (13). Мыс занятый II селищем и II могильником во время обследования местности

В.Ф.Смолиным в 1925 г. имел название “Садок” или “Садочек”, на его месте в то время был разбит огород. При разработке этого огорода были найдены человеческие костяки и здесь же были обнаружены 2 золотоордынские монеты, которые видел, видимо, сам В.Ф.Смолин (12, с.121, прим.1). Могильник отмечен и на плане городища “Шолом” П.Н.Старости-на (14, с.59-68, рис.1). Тем не менее, в археологическую карту этот могильник включен не был.

При осмотре побережья в 1996 году вдоль обрыва было зафиксировано 9 погребений (рис.2). Из них захоронения №№ 2, 4, 10, 11 были почти полностью разрушены и поэтому не описываются. Все погребения были совершены в слое светло-серой пылевидной супеси содержащей материалы болгарского и именьковского времени. Мощность отложений культурного слоя достигает 75 см.

Погребение 1. Глубина 107см. Частично разрушено. Могильная яма (175x 50? см), ориентированная в направлении запад-восток, прослеживалась в виде пятна прямоугольных очертаний на глубине 78 см от поверхности. Дно ямы плоское, стенки вертикальные. Костяк, ориентированный головой строго на запад, лежал, вытянуто на спине, с небольшим поворотом на правый бок. Левая рука согнута в локте; предплечье положено на правую половину таза. Правая рука вытянута вдоль туловища. Череп и правые плечевые кости не сохранились.

Погребенный был похоронен в деревянном гробу (возможно, что это был не сколоченный из досок гроб, а деревянная обкладка стенок могильного котлована) из установленных вертикально на ребро досок толщиной до 2 см у стенки могильной ямы, которые фиксировались в материке в виде канавки по периметру котлована, заполненной бурым древесным тленом. Доски скреплялись железными гвоздями, один из которых выявлен на глубине 100 см. Гвоздь сильно корродирован и имел Г-образную форму. Заполнение котлована могильной ямы - рыхлая серая супесь, насыщенная фрагментами именьковской керамики.

Погребение 3. Глубина 165 см. Могильная яма не прослеживалась. На глубине 160 - 165 см от поверхности выявлен костяк человека. Погребенный, ориентированный головой на восток-северо-восток, лежал, вытянуто на спине. Левая рука, слегка согнутая в локте, была положена предплечьем на кости таза; ступни ног разведены в стороны. Умерший был положен в деревянный ящик (?) скрепленный железными гвоздями со сбитой набок г-образной шляпкой. Один гвоздь найден у северной стенки котлована могильной ямы на глубине 145 см.

Погребение 5. Глубина 165 см. Могильная яма прямоугольной формы (112x 46 см), ориентированная по линии запад-восток, выявлена в слое серой супеси на глубине 155 см. Южная часть ее разрушена обрывом. Дно ямы плоское, стенки вертикальные. Детский костяк, ориентированный головой на запад, лежал, вытянуто, на правом боку. Левая рука вытянута

вдоль туловища. Череп лицевой частью повернут к югу. У северной стенки могильной ямы, на дне расчищены два железных гвоздя, со сбитыми набок шляпками. В заполнении встречаются фрагменты именьковской керамики, угольки.

Погребение 6. Глубина 96см. Контуры могильной ямы прямоугольной формы (120x55см), вытянутой в направлении запад-восток, зафиксированы на глубине 75 см в слое серой рыхлой супеси. Западный и южный край котлована разрушен обрывом. На глубине 89 см могильное пятно сократилось до размеров 112x37 см при той же ориентировке. Дно ямы отмечено на уровне 96 см. По всей видимости, котлован имел уступ шириной 23 см. Стенки ямы вертикальные, дно плоское. Погребенный, ориентированный головой на запад, лежал на правом боку. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая нога выпрямлена, правая нога согнута в колене. Положение костей нарушено. Череп лицевой частью повернут к югу. Заполнение котлована - рыхлая серая супесь, насыщенная угольками; встречаются отдельные фрагменты именьковской керамики. Погребение детское.

Погребение 7. Глубина 125см. Контуры могильной ямы (40 x155 см), ориентированной по линии запад - северо-запад - восток - юго-восток были выявлены в материке, на глубине 123 см. Дно котлована плоское, стенки вертикальные; яма заглублена в материк на 2 см. Погребенный лежал, вытянуто на спине, головой на запад. Костяк немного повернут на правый бок. Правая рука не сохранилась, левая, согнутая в локте, лежала на тазовых костях. Череп не сохранился. Ноги вытянуты, ступни также вытянуты. У правой голени, на дне могилы обнаружен железный, сильно корродированный предмет: нож или гвоздь.

Погребение 8. Глубина – 125 см. Контуры могильной ямы (40x140 см), ориентированной по линии запад-восток, были выявлены в материке, на глубине 122 см. Дно котлована плоское, стенки вертикальные; яма заглублена в материк на 3 см. Погребенный лежал, вытянуто на спине, головой на запад. Костяк немного повернут на правый бок. Правая рука вытянута, левая, согнутая в локте, лежала на тазовых костях. Череп лицевой частью повернут на юг. Ноги вытянуты, правая ступня повернута направо, левая—вытянута прямо.

Погребение 9. Глубина –148 см. Контуры могильной ямы (50?x180? см), ориентированной по линии запад-восток, были выявлены в материке, на глубине 140 см. Дно котлована плоское, стенки вертикальные; яма заглублена в материк на 8 см. Погребенный лежал, вытянуто на спине, головой на запад. Костяк повернут на правый бок. Правая рука вытянута. Положение левой руки нарушено: предплечье провалились под ребра, и нижние концы его заходят под нижнюю часть грудной клетки. Ноги вытянуты, левая ступня повернута налево, правая - вытянута. От черепа сохранилась только нижняя челюсть.

Этот могильник, расположенный на месте именьковского поселения, является мусульманским и относится ко времени существования болгарского городища. Достаточно большая плотность погребений свидетельствует о том, что некрополь функционировал в течение длительного времени. Скорее всего, в XII – XIII вв. Вместе с тем не стоит исключать и возможность существования его и в ордынское время. Так Н.П.Лихачев, сообщает (правда, не известно к какому могильнику следует отнести это сообщение), что в 1889 г. один крестьянин при рытье погребка на глубине 6 четвертей отрыл костяк с двумя медными монетами. Одна из них оказалась болгарским фельсом с именем Насир лид Дина, вторая – подобной же монетой, но с перечекином Менгу. Обе монеты не были пробиты и в силу этого не служили украшением (5).

В связи с этим, встает вопрос о датировке курганного могильника. Вещи найденные здесь датируются в рамках конца X – середины XI в., что в целом согласуется с началом функционирования стационарных поселений в Балымерях. Однако, нет веских оснований связывать подкурганные захоронения по обряду кремации с русами. Такие элементы погребальной обрядности как согнутые мечи, трупосожжение на стороне и т.п. характерны не только для скандинавов или “русов”. Можно отметить, например, мордовские захоронения X – XI вв. (Шокшинский могильник) по обряду кремации с согнутыми мечами (16). Единичные находки женских украшений “скандинавского” облика или происхождения на территории болгарского государства вовсе не являются свидетельством этнического присутствия здесь пришельцев-скандинавов или русов. Использование таких украшений характерно, например, для финнов и карел (ряд типов равноплечных фибул: 3, с.67) прибалтийских и поволжских финнов, связь с которыми подтверждена многочисленными археологическими данными. Можно только согласиться со словами Пиркко-Лиизи Лехтосало – Хитландер, что этно-культурные связи между финскими народами и их соседями “остаются завуалированными тенью скандинавов” (7, с.92).

Появление ордынских захоронений в Балымерях – явление так же чрезвычайно интересное. Мы уже обращались к этому материалу (датировка, интерпретация) (10, с.125; 11, с.29-33). Отметим, что возможно ко времени сооружения поздних курганов (вторая половина XIV – начало XV вв.) поселения в Балымерях практически уже не существовало, хотя в раннезолотоордынский период оно здесь несомненно было. Отметим, что не далеко от Балымер находилось Полянское селище, материал которого относится к ордынскому времени.

Дальнейшие исследования балымерского комплекса дадут новые данные для анализа проблем связанных не только с данными объектами, но и с многими вопросами болгарской истории и археологии.

Примечания:

1. Генинг В.Ф. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии // МИА № 80, М. / Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III, 1960.
2. Ефимова А.М.. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымери Татарской АССР // МИА, 1962, №111.
3. Кирпичников А.Н. Историко-археологические исследования древней карелы (“карельский город” XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
4. Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.
5. Лихачев Н.П. О двух фельсах, найденных около сельца Балымер, Казанской губернии // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества, т.V. Спб., 1891.
6. ОАК за 1893 г. Спб, 1985.
7. Пиркко-Лииза Лехтосало – Хитландер Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
8. Руденко К.А. Отчет о археологических работах в Татарстане в 1996 году. т.II Разведки археологических памятников в Арском, Атнинском, Алексеевском, Алькеевском, Актанышском, Спасском, Новошешминском, Лаишевском, Рыбнослободском районах Татарстана. Казань // Архив ИА РАН, 1996.
9. Руденко К.А. Исследования в Татарстане // Археологические открытия 1996 года. М., 1997.
10. Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (у дамбы) в Татарии // Проблемы средневековой археологии волжских финнов/ АЭМК, вып.23. Йошкар - Ола, 1994.
11. Руденко К.А. Некоторые проблемы исследования золотоордынской истории болгар // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П.Смирнова. Тезисы научной конференции. Болгар, 1999.
12. Смолин В.Ф. Раскопки “Шолома” в сел. Балымерах, Спасского кантона Татарской Республики в 1925-м году. (Краткий обзор) // И ОАИЭ, т.33, вып.2-3. Казань, 1926.
13. Спицин А.А. Заметки из поездки 1898 г. // Известия Археологической Комиссии, вып. 60. Спб., 1916.
14. Старостин П.Н. Балымерский “Шелом” – городище // Вопросы истории и литературы Среднего Поволжья. Казань, 1965.
15. Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА, 1965, вып. 109.
16. Шитов В.Н. Шокшинский могильник: два погребения с монетами // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья. Труды НИИЯЛ, вып. 99. Саранск, 1990.
17. Штукенберг А.А. Древняя курганная могила около деревни Балымер в Спасском уезде // ИОАИЭ, т.X, вып.2. Казань, 1892.

С.И.Валиулина

СТЕКЛЯННЫЕ КУБКИ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА

В настоящее время установлена номенклатура стеклянных изделий Билярского городища: это, прежде всего, посуда столовая и химическая, бытовые изделия, оконное стекло, украшения.

Самой многочисленной группой столовой посуды являются кубки на ножке или рюмки. В литературе не установлены критерии для четкого разграничения этих форм, которые называют рюмкообразными сосудами, бокалами на ножке, кубками, рюмками, руководствуясь общими размерами сосудов.

Кубки на ножке или рюмки появились во второй половине V века н.э. и получили широкое распространение в раннем средневековье, прежде всего, в бассейне Средиземного моря (10, с.233). Прототипы этой формы посуды известны в античной керамике, металлических и стеклянных канфарах (15).

В Среднем Поволжье и Приуралье наиболее ранние стеклянные кубки происходят из погребальных комплексов второй половины VI- начала VII века (13, с.145, рис.33, 14; 19 с.38, табл. 1,31).

Кубки - высокие открытые сосуды без горла на ножке с подножкой.

Тип 1 - край выпуклый; венчик прямой - продолжение стенки или чуть отогнут; тулово цилиндрическое расходящееся; ножка округлая цилиндрическая, прямая, сплошная; подножка округлая плоская или линзовидная. Размеры: высота - 11-15 см; диаметр - 7,5-10 см; высота ножки - 3,5-5,5 см; диаметр подножки 5,5-6,5 см. Стекло тонкое (до 1 мм) бесцветное чуть желтоватое, светло-зеленое, прозрачное, блестящее. Декор рельефный, выпуклый, обычно выполнен в горячую, в цвете предмета тонкой, горизонтальной стеклянной нитью, одинарной или многократной в верхней и средней части тулова. У нескольких сосудов тонкой нитью цветного стекла голубого или коричневого, оформлен край венчика, украшено тулово, в двух случаях подножка (БХХVIД/2195; БХХVIII/10854). Такие кубки известны на Ближнем Востоке с VIII века (12 №12). В болгарских памятниках, кроме Билярского городища, высокая ножка кубка обнаружена на I Красносундюковском городище в комплексе X-XII вв. (21 с.229, рис.6).

Тип 2 - кубки из бесцветного или марганцевого стекла выделяются декоративным оформлением, в котором отличительным элементом является дисководный ободок, расположенный в нижней части тулова.

Тип 2а - ободок состоит из накладных стеклянных нитей, закрученных по спирали, последовательно друг на друга (5-10). В коллекции находятся пять подобных сосудов (БХХIII/1386; БХХIII/13641; БХХVIII/6838; БХХVIII/

6968; БIIc/2077). Кубок (БХХIII/1386) имеет сохранность, позволившую составить надежную реконструкцию. Сосуд выдут из бесцветного прозрачного стекла, толщина стенок 1 мм, край округлый - оттоплен. Тулово, близкое к цилиндрическому, очевидно, имело довольно высокую ножку и низкую почти плоскую подножку. Размеры: диаметр сосуда - 8 см, диаметр подножки - 5,5 см. Верхняя часть сосуда опоясана тремя тонкими горизонтальными нитями стекла основного цвета, расположенными плотно одна над другой, среднюю часть украшает рельефная выпуклая кайма (возможно надпись) из синего прозрачного стекла. В нижней части тулово имеет рельефный ободок из шести последовательно намотанных одна на другую нитей стекла основного цвета. Ободок отстоит от корпуса сосуда на 7 мм, край его чуть приподнят. Сосуд происходит из объекта XII - начала XIII вв.

Самыми близкими аналогами билярского сосуда являются кубок и рюмка XI века из Кувы - средневекового города в Ферганской долине (5, с.25-26). Практически целый подобный сосуд, но без центрального орнамента, был найден в Суваре (24, рис. 5,15).

Ободком из накладных нитей накрученных последовательно по спирали украшен край кувшина X века из городища Пайкенд (18, с.176).

Тип 2б - ободок в нижней части тулова монолитный и гладкий. В билярской коллекции один экземпляр (БХХVIII/10996), кубок из стекла темно-марганцевого цвета, высокого качества, без иризации. Сохранилась ножка высотой 4 см, подножка, очевидно, имела форму невысокой воронки, в центре - массивный след понтити. Тулово конусовидной формы, очень узкое в основании. Место соединения ножки с туловом было отмечено диском-ободком.

Наиболее ранние кубки и рюмки с дисковидным ободком в нижней части тулова или под ним известны с VIII века в коллекциях из Ирана (33, pl. 14 В,С). Близкий билярским сосудам кубок хранится в музее Франкфурта-на-Майне, место производства - Нишапур, время - IX-X вв. Сосуд выдут из бесцветного желтоватого стекла, у основания тулова расположен плоский, шириной 5 см ободок, в центральной части стеклянной нитью основного цвета выполнена арабская надпись "Здоровье постоянно" (32, S.42 №76).

Кубки с диском в нижней части тулова найдены в Византии (Коринф X-XIII вв.) (31, с.168. Рис.26, а(4) и в Закавказье (Двин) (11, с.64). В Согде Г.В.Шишкина отмечает появление дополнительного щитка в основании резервуара рюмки с XI века (28, с.31). Подобные сосуды присутствуют в материалах XII-XIII вв. городища Дашлыджа-депе (25, с.89), Тараза (2, с.11-12, рис.2).

Причудливо оформлен кубок X-XIII вв. из Ирана (Нишапур) в собрании Музея исламского искусства в Берлине. Сосуд имеет форму сильно вытянутой воронки, нижняя узкая часть тулова завершается ободком - диском. Средняя часть тулова украшена накладными цветными нитями и двумя миниатюрными петельками, в которые вставлены узкие подвижные стеклянные колечки (34, S. 185-186, №92).

Наличие ободка-диска или, как его еще называют, “юбочки” на сосудах объясняют двояко - как декоративный элемент или как элемент конструктивный, оправданный функционально - для устойчивости и прочности ножки (25, с.89), для удобства держания сосуда, для задерживания стекающих с венчика капель жидкости (5, с.25). Думается, что форма сосуда могла быть примером удачного сочетания эстетических и конструктивных устремлений мастера.

По колористическому решению эта группа изделий близка к византийской художественной традиции, для которой характерен “контраст цветного декора и бесцветно - прозрачного фона” (29, с.354). Византийским влиянием на стеклоделие Средней Азии объясняет Ж.Филипп находки подобных кубков с “юбочкой” в Куве (35, р.75). Билярские кубки с диском-ободком, очевидно, также совмещают в себе признаки восточного, в частности, иранского, и византийского стеклоделия. Местом производства этих изделий могло быть Закавказье - тот уникальный регион, где в раннем средневековье и в домонгольское время “совершенно явно сплетаются два мира - круг иранской культуры и, преломленной через Кавказ, культуры византийской” (7, с.30).

Тип 3 - кубки более миниатюрных пропорций в литературе часто называют рюмками (1, с.124). Размеры: высота - 10-12 см, диаметр венчика - 5-6 см; высота ножки - 0,5-2,5 см; диаметр подножки - 3-4,5 см. Стекло - бесцветное, светло-желтое, разных оттенков светло-зеленое. В Биляре они относятся к числу самых распространенных сосудов. Лучшую сохранность имеют подножки с ножками (32 экз.), несколько кубков могут быть представлены надежными реконструкциями (БХХIII/13189; БХХIII/357; БХIX/21915). Сосуды имеют конусовидное или почти цилиндрическое удлиненное узкое тулово на низкой ножке и миниатюрной подножке в форме полого конуса. Верхнюю часть тулова обычно украшают горизонтальные налепные нити, ниже - спиральный орнамент из стекла основного цвета, иногда дополненный каплями глухого бирюзового стекла (БХIX/21915). Такое оформление в билярской коллекции имеют некоторые стаканы и флаконы. На XXVIII раскопе в ремесленном районе внутреннего города найдено скопление бирюзового бисера и его брака. Капли бирюзового стекла на сосудах имеют тот же цвет и химический состав, что и бисер.(9, с.60) Ранее к деталям кубков 3 типа (рюмок), нами ошибочно были отнесены узкие донца (5, с.96), впоследствии было установлено, что эти донца принадлежат аламбикам. Одна подножка рюмки найдена в Болгаре (20, с.204, рис.88, 7). Кубки третьего типа широко представлены в материалах XI-XIII вв. Северного Кавказа (16, с.101-102; 17, с.108), Средней Азии (3, с.242-243) и Крыма (4, с.199).

Тип 4 - представлен тремя подножками (БХХII/4847; БХХV/199; БХХII/8302). Полная реконструкция формы составлена по аналогиям известным в Закавказье. Кубки имели воронкообразные или конусовидные

резервуары, плавно переходящие в вытянутые ножки на почти плоских кольцевых подножках. Верхняя часть сосудов имела слабое рифление, дополнительно украшалась накладными нитями и каплями желтого и марганцевого цвета. Подобные кубки характерны для грузинской стеклянной посуды - 4 тип по М.Н.Чхатарашвили - бытовали в XII-XIII вв. и являлись предметами экспорта из Грузии (27, с.87). Билярские сосуды происходят из верхнего горизонта культурного слоя (XII-XIII вв.). Известны такие находки и из домонгольского слоя Суvara (22, с.164, табл. II, рис.25). Ближайшие аналогии известны в материалах Двина (11, с.64, №71), Рустави (26, с.152) и Сиони (27, табл. VII).

Ножки и подножки кубков 1-3 типов, выполнены способом получившим широкое распространение с XI века (28, с.31). Узкая ножка и коническое основание - подножка выдувались одновременно с туловом сосуда, затем в полое основание вставлялся стержень, укреплявший ножку, подножка оформлялась с помощью шаблона. Окончательная отделка осуществлялась с использованием понтии, от которой имеется след с внутренней стороны на всех подножках. Ножки и подножки кубков четвертого типа представляют иной, более древний прием изготовления сосудов, при котором вершина стеклянного пузыря заправлялась внутрь тулова, образуя двойные стенки подножки (23, с.148).

Все билярские кубки выполнены из стекла класса Na-Ca-Si, типа Na-K-Ca-Mg-Al-Si. Стекла такого состава в средневековье изготавливали во многих производственных центрах: на Ближнем Востоке, в Византии, Закавказье, Средней Азии, Волжской Булгарии. По соотношению основных стеклообразующих и вспомогательных элементов, а также по микропримесям внутри типа выделяются варианты, обусловленные спецификой сырьевых ресурсов и традициями ремесленных центров конкретных регионов.

Большая часть кубков первого и третьего типов имеет состав характерный для основной массы стеклянных изделий Билярского городища. Эти стекла отличаются следующие средние величины химического состава: Na - 12,52%; K - 5,88%; Ca - 10,15%; Mg - 2,49%; Al - 5,24%; Fe - 1,82%; Ti - 0,33%. Стекло сварено из тройной шихты, на золе растений - галофитов солонцовых почв Западного Закамья, песка Волжско - Камской песчаной провинции с большой примесью соединений железа и титана и доломитизированного известняка.

Стекла кубков второго и четвертого типов сварены из тройной шихты на золе пустынных растений, с использованием доломита, в одном случае магнезита, и алюмосодержащего песка. Стекла содержат высокий процент окиси магния - в пределах 2-3,6% и алюминия до 6,4%, окиси свинца не более десятых долей процента, попавшего в стекло, очевидно, вместе с известняковым сырьем. Особенностью рассматриваемых стекол является большое количество окиси марганца (1-3,5%), которое не опускается ниже третьего ранга концентрации, а чаще значительно превосходит

верхний предел, определенный для марганца, введенного в стекло в качестве красителя (30, с.108, табл.5). В желтоватых и бесцветных сосудах окись марганца выступает как глушитель. Тулова двух бесцветных кубков оформлены нитями голубого стекла, окрашенного окисью кобальта. Особенности химического состава позволяют отождествить большинство кубков второго и четвертого типов со стеклянными изделиями средиземноморских центров и Закавказья.

Таким образом, стеклянные кубки Билярского городища, с одной стороны, включают в свой состав привозные импортные образцы, то есть являются отражением международных связей Волжской Булгарии, где приоритетным выступает восточное направление. С другой стороны, большая часть коллекции - продукция болгарского стеклоделия, возникшего под влиянием ближневосточной ремесленной традиции, что находит проявление в номенклатуре, морфологии, технологии и химическом составе болгарских стеклянных изделий.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект: 00-01-12013в.

Примечания:

1. Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963.
2. Агеева Е.И. Средневековое стекло из Тараза // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
3. Армарчук Е.А. Опыт классификации стекла средневекового Хорезма (по материалам городища Садвар) // Материальная культура Востока. Ч.II. М., 1988.
4. Армарчук Е.А., Сорокина Е.А. Богатое средневековое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Средневековые древности Евразийских степей. Вып.15. Воронеж, 2001.
5. Ахраров И. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы // Известия АН Уз. ССР. Серия общественных наук. 4. 1960.
6. Белов Г.Д. Стеклоделие Херсонеса // СА. 1965 №3.
7. Бертельс Е.Э. Придворная касыда в Иране и ее связи с развитием изобразительного искусства // Иранское искусство и археология. М.-Л., 1935.
8. Валиулина С.И. Некоторые формы стеклянной посуды Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.
9. Валиулина С.И. Стеклянные бусы как источник по международным связям волжских болгар в VIII - начала XIII вв. // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские болгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. СПб, 2000.
10. Голофаст Л.А. Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1998.
11. Джанполадян Р.М. Средневековое стекло Двина IX-XIII вв. Ереван, 1974.
12. Искусство ислама. СПб., 1990. №12.
13. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998.
14. Колесникова Л.Г. Восточное стекло из собраний Херсонесского музея // ВВ. Т.34. М.-Л., 1973.
15. Кунина Н. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997.
16. Кузнецов В.А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. №2, 1959.
17. Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1981.
18. Мухаметжанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкент // К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
19. Памятники эпохи средневековья. Каталог археологических коллекций МАЭ. Вып.II. Уфа, 1997.
20. Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
21. Семькин Ю.А. Исследование бани на I Красносуюндоковском городище // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
22. Смирнов А.П. Сувар. Итоги раскопок 1933-1937 гг. Казань, 1938.
23. Сорокина М.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани М., 1963.
24. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
25. Чарыева Э.А. Некоторые средневековые стеклянные сосуды Южной Туркмении // Каракумские древности. Ашхабад, 1979.
26. Чхатарашвили М.Н. К истории производства стекла в средневековом Рустави // Археологические памятники феодальной Грузии. I. Тбилиси, 1969.
27. Чхатарашвили М.Н. Стеклянная посуда Средневековой Грузии. Тбилиси, 1978.
28. Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика. Ташкент, 1986.
29. Шапова Ю.Л. Художественно стекло Древней Руси // Древнерусское искусство. М., 1972.
30. Шапова Ю.Л. Древнее стекло. М., 1989.
31. Шапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998.
32. Europaisches und Aussereuropaisches Glas. Frankfurt am Mein. 1980.
33. Lamm K.I. Glass from Iran. London, 1935.
34. Museum fur Islamische Kunst. Berlin. Katalog. 1979.
35. Philippe J. Le monde byzantin dans l'histoire de la verrerie. Bologna, 1970.

ЗООМОРФНЫЕ СЮЖЕТЫ КОРОПЛАСТИКИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

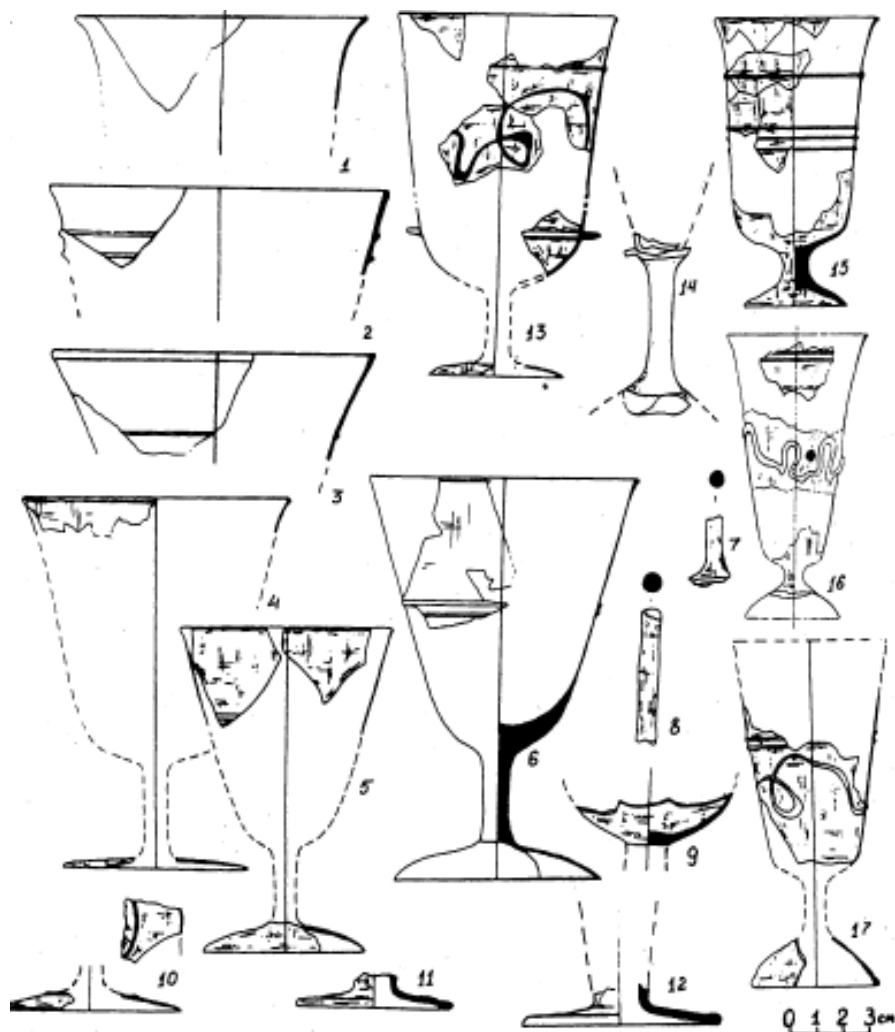

Рис.1. Стекланные кубки Билярского городища.
1-11 - Тип 1; 13,14 - Тип.2 (а, б); 15-17 - Тип 3; 12 - Тип 4.

Зооморфная керамика Волжской Булгарии привлекает внимание искусствоведов, археологов, исследователей духовной культуры, художников-керамистов, но как предмет материальной культуры остается до сих пор малоизученной. В предшествующих исследованиях рассматривались главным образом предметы из старых музейных коллекций из сборов и раскопок Билярского и Болгарского городищ. В последние десятилетия накоплен новый значительный материал по этой тематике. В данной статье рассматриваются лишь основные сюжеты лепного декора посуды Волжской Булгарии.

Сосуды с зооморфным оформлением, хотя и изготовлялись в городских гончарных центрах, не являлись массовой посудой. В богатый ассортимент мастерских наряду со столовой, кухонной, тарной и технической керамикой входили и сосуды специального назначения, а среди них образцы с зооморфным оформлением отличаются особенно богатым декором. По передаче зооморфных форм их можно подразделить на три группы. Первая передает основную форму животного, птицы; вторая – характерные детали (уши, лапы, хвост); третья – абстрагированные признаки (сосцы, ямки, пуговки, хвост-завиток).

Основные сюжеты зооморфной керамики Волжской Булгарии сложились в домонгольское время. К ним относятся следующие формы.

Декоративные сосуды в виде утки и гуся (казары) (рис. 1, 1-4). Сосуды в виде утки (казары), вероятно, солонки (рис. 1, 3, 4) из Тигашевского (36, рис. 32, 1; 40, рис. 22, б) и Билярского городищ имели ладьевидную форму тела водоплавающих, полное тулово и широкую горловину. На сосуде из Биляра глаза и комочек земли на клюве выполнены налепом-пуговкой; тулово от основания шейки покрыто ложками; поверхность тщательно залощена; цвет черепка ярко-красный, внутри – красный ангоб. Сосуд датируется XII – началом XIII в.

Пробки в виде гусиных голов (рис. 1, 1, 2) из Биляра и Болгара имеют цилиндрическую форму с навершием в виде головы гуся или утки с пристранным нижним концом; на носовой части – три продольных глубоких ложка; головка обычно низкая, подлощенная; принадлежали малым кувшинам (диаметр горла 5 см, у основания – 3,1–3,2 см).

Сюжет оформления сосудов в виде утки и гуся-казары связан с мифом о происхождении земли, распространенным у народов лесной и лесостеп-

ной зон Евразии и воплощенным в болгарских височных кольцах (41, с.5–8). Ладьевидные сосуды-солонки в виде водоплавающей птицы известны у многих древних и современных народов в дереве и глине (13, с.121, рис. 136, 2; 11, с.125, рис.4). Изображение гуся имеется в керамике Хорезма (городище Кой-Крылган-Кала (7, рис.15, 5). Кроме того, в керамике Хазарии, Волжской Булгарии и Золотой Орды получило распространение изображение гусиной лапки в виде клейм и граффити (21, с.27–29). Этот знак-тамга зафиксирован на литейной форме для височных колец из Болгара (22, с.44).

Фигурки в виде головы хищной птицы (сокола?) известны с Билярско-го (рис. 1, 8) и Болгарского городищ (рис. 3, 4). Головка из Биляра, хотя и выполнена примитивно, довольно выразительна по своим видовым признакам: на верхней части головки – едва заметные следы потертости, а на внутренней стороне – концентрические следы, свидетельствующие о том, что она являлась хватком крышки сосуда. Фигурка из Болгара выполнена более реалистично и художественно. Рельефом подчеркнуты глаза, тонкими линиями проработаны клюв, брови, чешуйчатое оперение с характерной полосой хищников по хребту. Была покрыта зеленой поливой.

Любопытны условия находки этих фигурок: билярская – в водостоке здания т.н. караван-сарая, болгарская – в дренажно-ряжевой системе.

Сосуды со стилизованной головой петуха (рис. 1, 11, 12; 3, 9–12) имеют биконическую форму тулова, три ножки, боковую ручку с тремя выступами – гребнем, клювом, бородкой и отверстием-глазом. Ручки в виде головы петуха встречаются на ряде городищ и селищ Закамья и Предкамья домонгольского и золотоордынского времени. Часть сосудов этой формы отделаны широким полем из заштрихованных треугольников и поливой.

Целый трипод с аналогичной ручкой из Биляра (рис. 1, 11) (24, с.75–80) имел уникальную руническую надпись – благопожелание к еде кислого молока. Анализируя палеографические особенности надписи, А.Ф. Кочкина высказалась за ее протоболгарскую принадлежность и указала на сходство с надписями северокавказских и волго-донских памятников (24, с.79). Северокавказские аналогии проявляются также в форме трипода (14, рис.48, 8) и орнаментации из поясов гребенки, характерных для памятников Дагестанской Хазарии (28, с.111, рис.31, 10, 32). В этом видится подтверждение того, что территория именно Северо-Западного Прикаспия была исконной для одного из компонентов культуры волжских болгар.

Форма и назначение сосудов с головой петуха в своих истоках связаны, вероятно, с верованиями индоиранцев, а именно: с праздником Науруз, праздником весеннего возрождения и плодородия земли, распространенного у земледельцев Средней Азии и Ирана. В ритуальную пищу праздника в современном Иране входят простокваша, крашенные яйца. На столе должны быть большой хлеб, Коран, петух (! – Н.К.) рыба, зеркало и т.д.

При этом идет гадание об урожае, пишутся благопожелания, варится каша из семи злаков (27, с. 9–16).

В связи с этим любопытна необычная композиция орнамента на вышеупомянутом сосуде из Биляра (рис. 1, 11), напоминающая колос. Магический смысл традиций, связанных с этими сосудами, сохранился у некоторой части населения Закамья, в частности Биляра, вплоть до начала XX в. (42, с.61). В весенне-летнем цикле праздников татар Поволжья и Приуралья, особенно у мишарей, по данным Р.К. Уразмановой, содержатся еще до сих пор многие обряды, связанные с празднованием, аналогичным Науруз (39, с.79–102).

Празднование возрождения земли в Средней Азии во времена Бируни имело и другие особенности. Необходимо было делать омовение, обливаться дождевой водой, брызгать водой на землю, а также курить девясил и т.д. (27, с.12). Широкое распространение у болгар в домонгольский период кувшинов с носиками (водолеи), крышек с соляной орнаментацией, сосудов с ручками в виде петушиных голов, триподов-курильниц и т.д. объясняется, на мой взгляд, наличием в Волжской Булгарии верований, связанных с празднованием весеннего возрождения земли.

Сосуды с ручкой в виде медведя (рис. 2, 1, 2; 3, 2, 3, 8), которым посвящена специальная статья автора (19, с.146–150), встречаются в обломках (12 экз.), не позволяющих реконструировать форму, кроме одного фрагмента из Биляра, сохранившего и часть стенки сосуда (рис. 2, 1). Эти ручки принадлежали, по-видимому, большим сосудам с горловиной конической формы. Они представляют собой распластанную фигуру зверя, обращенную мордой к устью сосуда. Сформованы из одного продолговатого куска глины, свернутого в трубку; поверхность залощена. Все фигурки выполнены с разной степенью реализма и абстрагирования. Уши на них отмечены налестками, глаза и ноздри – углублениями, насечками подчеркнута шерсть. Одна из фигурок найдена в гончарной мастерской Биляра конца домонгольского периода (19, рис.4).

Сосуды кружкообразной формы с ручками в виде стилизованной фигуры медведя (4 экз.) встречаются в слоях второй половины XIII в. Русско-Урматского селища и середины XIV в. Болгара. Фигурка медведя из Русско-Урматского селища (рис. 3, 2) близка домонгольским из Биляра (18, с.146–149, рис. 1–4), но выполнена в абстрактной манере и грубее. Аналогичную билярскую отделку ручки (клиновидные вдавления по спинке) имеет сосуд из Русского Урмата (рис. 3, 1) с молоточкообразным выступом, очевидно заменившим фигуру медведя. Две ручки в виде медведей (рис. 3, 8) – с черепком красного цвета, заметной примесью песка, зеленой поливой на одной из них, выполненные в схематичной манере – найдены в Болгаре в дренажно-ряжевой системе XIV в. и бане середины этого столетия. Еще одна подобная ручка найдена на Камаевском городище (рис. 3,3) в объекте первой половины XV в., связанном с ремесленным производ-

ством. Черепок у нее также красного цвета и покрыт двумя тонами поливы: желтым – основной фон фигурки, а болотным выделены глаза, нос и пятна на морде.

Сосуды с зооморфными ручками получили наибольшее распространение в сарматской культуре и ее наследии. Литература о них огромна (1-4, 6, 9, 15-17, 30, 32-34, 35, 37 и т.д.). Техника изготовления ручек болгарских сосудов в виде медведя аналогична сарматской: они изготовлены из полоски глины, свернутой вдвое и образующей изнутри желобок. По форме некоторые из ручек находят аналогии среди металлической пластики пермского звериного стиля (20, с.146–150). Сходство это, возможно, не случайно и может рассматриваться в контексте связей болгарского и прикамско-приуральского населения. Учитывая, однако, новые материалы с территории Волжской Булгарии (Биляр), севера Средней Азии (26, рис.10, 36, 40) и половецких кочевий (43, с.199–201), необходимо отметить следующее.

Култ медведя распространен широко у различных народов и в разных географических зонах (12, с.128–130). Медведь считался, в частности, родоначальником некоторых тюркских народов. Такие роды известны среди кыпчаков и половцев, а также среди тех башкирских племен, в состав которых вошли указанные народы (25, с.117). Сосуды с ручками в виде медведей известны с городища Джеты-асар 11 в низовьях Сырдарьи (VII–IX вв.) (26, рис. 10, 36, 46). Эти сосуды относятся к группе столовой лощеной посуды тонкого теста. Орнамент состоит, как правило, из треугольных отпечатков, резных извивающихся лент и зигзагов. Резной растительный и елочный орнаменты этой керамики Л.М.Левина рассматривает как результат смешения джетыасарской и семиреченской традиций. Отдаленные истоки этой керамики она видит в гуннских материалах Монголии и Алтая (26, с.85). Орнамент из треугольных отпечатков, свойственный гуннским сосудам (23, табл. XXV, 9), известен на керамике джетыасарской культуры II этапа (26, рис.5, 25; 21, 36; 19, 216–218, 230) и посуде Биляра и, вероятно, также уходит корнями в Центральную Азию.

Могут возникнуть сомнения по поводу определения вида животного как медведя на рассматриваемых сосудах. Аналогичные фигурки в казахстанских материалах определяются как собаки(?) (41, с.36) или кабаны (5, рис.31,31; 110), однако у некоторых из них подчеркнута обозначены, как и на билярских (рис. 2, 1), пятипалые лапы с когтями, что не свойственно парнокопытным кабанам. На сосуде с городища Джеты-асар 11 животное изображено четырехпалым. Четырехпалые медведи (пятый палец – вместилище души) – культовые изображения, известные у народов Сибири (селькупы, ненцы, манси, алтайцы). По мнению И.Н. Гемуева, четырехпалые медведи являются образом покойного “великого” шамана (8, с.138–143).

Сосуды с ручками в виде медведя у волжских болгар связаны, вероятнее всего, с традициями тюркского компонента, носителями которого могли быть как протоболгары, так и кыпчаки. Наследники последних –

татары-мишари – сохраняли как родоначальников этих животных в названиях отдельных этнических групп до начала XX в., в чем исследователи видят пережитки тотемных представлений этого населения (38, с.223).

Фигурки с изображением барана (рис. 1, 9, 10) относительно редки и встречены в основном в Биляре. Одна из них – обломок головки с завитыми вниз рогами (рис.1,9) от водолея(?), у нее желтоватый черепок, зеленая полива по белому ангобу. Другая фигурка изображает заднюю часть животного с большим курдюком (рис.1,10). Аналогичные керамические изделия встречаются на городищах Южного Казахстана и Семиречья и связаны с культом этого животного уже в I тыс. н. э. (5, рис.97; 33, рис.59). Изображения барана в керамике Волжской Булгарии появились, вероятно, под воздействием обычаев населения юго-восточных истоков – гурзов-куман, пришедшего из районов Южного Казахстана, вместе с которыми появилась у болгар и южная порода курдючных овец (31 с. 64–66).

Сосуды с головами козла (Тетюшское городище) и *козня* (Тетюшское и Муромский городок) являются более редкими (рис.1, 5, 7). Изображения этих животных известны в деревянной утвари и скульптуре у теленгитов и хакасов (13, рис.109, 130, 135, 136, 1), мордвы (конь) (11, рис.3,2) и чувашей (42, рис. 111, 112, 135).

Ручки с ушкообразными налестами (рис.3, 7) от кувшинов (2 экз.) найдены в Болгаре, в дренажно-ряжевой системе. Традиция изготовления сосудов с аналогичными ручками, вероятно, заимствована в Средней Азии, в частности, ручки с желобком (рис.3, 5).

Зооморфных деталей на посуде из Болгара золотоордынского периода значительно меньше. Они более стилизованы и абстрактны (рис.3, 2, 3, 8–12).

Многочисленные сосуды с сосцевидными и пуговковидными налестами и налестами-хвостиками (рис.3, 1, 6) встречены в ранне- и позднезолотоордынских слоях болгарских памятников.

Резюмируя, необходимо отметить следующее. Среди основных сюжетов коропластики Волжской Булгарии наиболее распространены и территориально и хронологически (XI–XV вв.) сосуды с головой петуха и фигурой медведя. Братинообразная форма сосудов с головой петуха утрачивает в XIV в. зооморфную ручку, но сохраняет характерный орнамент из косозаштрихованных треугольниками полей. Наиболее яркие образцы братины с аналогичным оформлением (вторая половина XIII в.) и сосуда с фигурой медведя происходят из Русско-Урматского селища (из раскопок Н.Ф. Калинина). Фигура медведя выполнена уже в условной, “закодированной” манере (19, рис.6). С XIV в. на смену зооморфным сюжетам приходят декоративные детали в виде налепов-сосцов, ямочек, хвостиков-завитков, свойственных для поздней болгаро-татарской посуды.

Рассмотренные редкие формы сосудов являлись атрибутами еще домусульманских верований, и их сюжеты находят отражение в космогонических представлениях волжских болгар (10, с.24–51). Сокращение и исчезновение этих сюжетов в золотоордынский период связано с укоренением ислама.

Примечания:

1. Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2.
2. Абрамова М.П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
3. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии: (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.
4. Алексеева Е.П. Зооморфные ручки Дружбинского городища 2 // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
5. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII вв.). Алма-Ата, 1986.
6. Виноградов В.Б. К вопросу об изображениях животных на сарматской керамике // Археологический сборник. М., 1961.
7. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного времени // ТХАЭЭ. 1955. Т. IV.
8. Гемуев И.Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика: (Археология, этнография, язык). Новосибирск, 1985.
9. Гущина И.И. Некоторые формы сарматской керамики из Пантикапея // ТГИМ. 1960. Вып. 37.
10. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: Духовная культура X – начала XIII вв. Казань, 1990.
11. Динес Е.И. Традиционная пища и домашняя утварь мордвы // ТИЭ, нов. серия. 1963. Т. 86.
12. Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2
13. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX вв.). Л., 1979.
14. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992.
15. Кастанян Е.Г. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных // СА. 1951. Т. XV.
16. Капошина С.И. Одна из групп керамики с Кобякова городища // КСИА. 1963. Вып. 64.
17. Кастанян Е.Г. Художественные элементы в лепной керамике Боспора // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. 1.
18. Кокорина Н.А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.
19. Кокорина Н.А. Булгарская керамика с зооморфными ручками в виде медведей // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986.
20. Кокорина Н.А. О технике билярского гончарства // Посуда Биляра. Казань, 1986.
21. Кокорина Н.А. О знаке “гусиная лапка” на булгарской керамике // Город Болгар и его округа. Болгар, 1989.
22. Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д. Исследование торгово-ремесленного квартала Болгара в 1989–1993 гг. // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья: 100-летие А.П. Смирнова. Болгар, 1999.
23. Коновалов П.Г. Хунну в Забайкалье: (Погребальные памятники). Улан-Удэ, 1976.
24. Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // СТ. 1985. № 4.
25. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: (Этнический состав, история расселения). М., 1974.
26. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. 1971. Т. VII.
27. Лобачева Н. П. К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии: (Историко-этнографические очерки). М., 1986.
28. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата: (По материалам археологических исследований и письменным данным). М., 1983.
29. Меджитова Э.Д., Трофимов А.А. Чувашское народное искусство. Чебоксары, 1981.
30. Мошкова М.Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. 1980. Вып. 162.
31. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
32. Петренко В.Г. Ручки сосудов в виде животных на Ханкальском 2-м городище // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
33. Плетнева С.А. От кочевий к городам: (Салтово-маяцкая культура) // МИА. 1967. № 142.
34. Плетнева С.А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
35. Скалон К.М. Изображения животных на керамике сарматского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. I.
36. Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. № 95.
37. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М., 1989.
38. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967.
39. Уразманова Р.К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников татар // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982
40. Федоров-Давыдов Г.А. Тигашевское городище: (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // МИА. 1962. № 111.
41. Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Из истории ранних булгар. Казань, 1983.
42. Худяков М.Г. Разведки в Билярске летом 1915 года // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 1.
43. Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1.

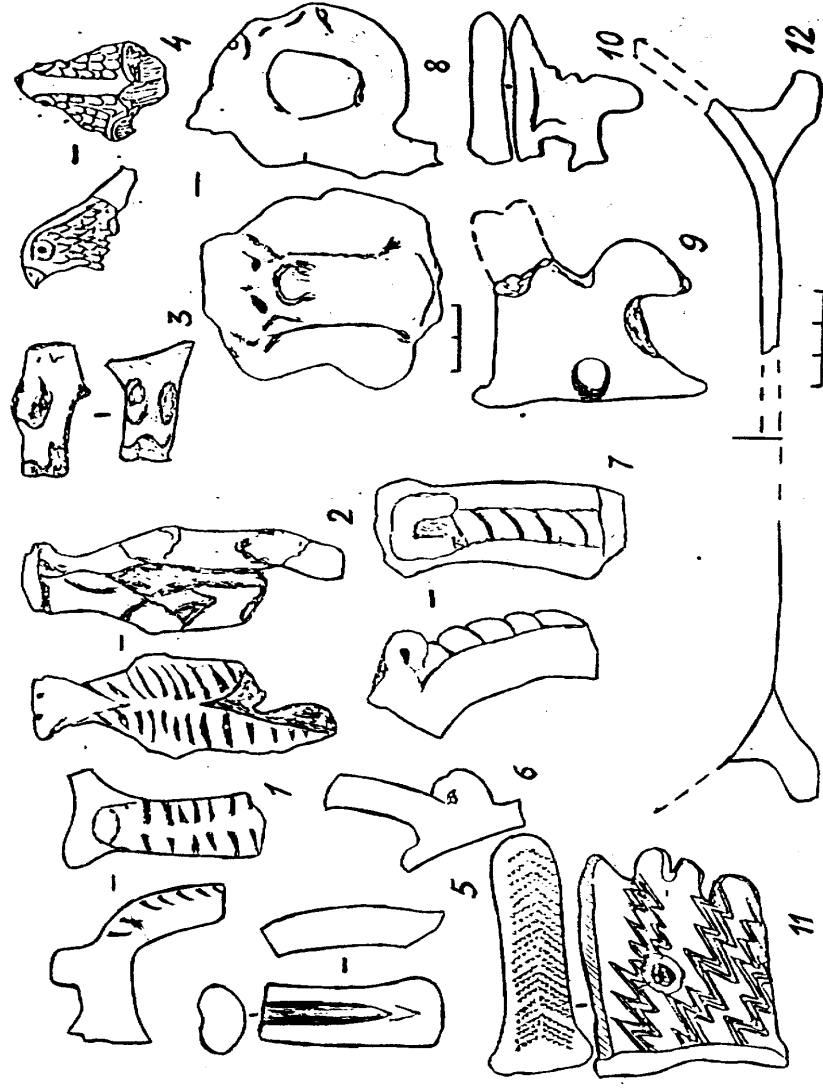

Рис. 1. Редкие формы керамики с зооморфными деталями оформления: 1–4, 6, 8–12 – Билярское городище; 5 – Муромский городок; 7 – Тетюшское городище.

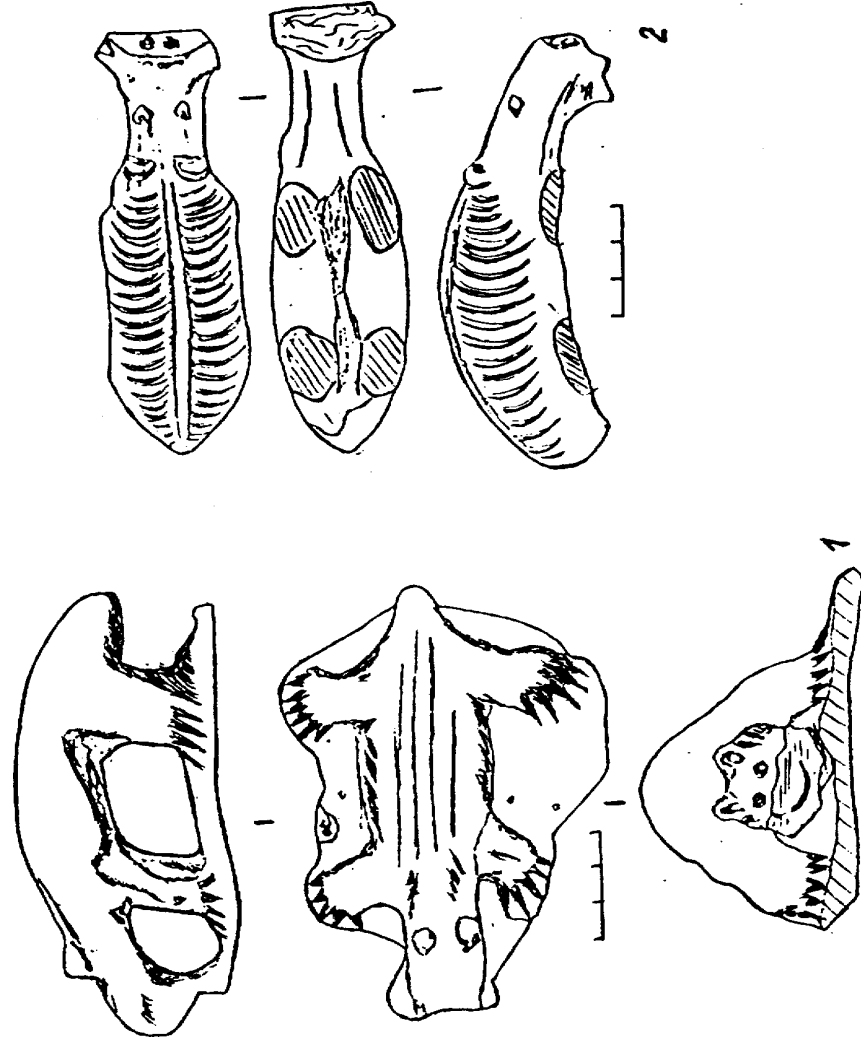

Рис. 2. Редкие формы керамики с фигурками в виде медаведя: 1–2 – Билярское городище

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ДРЕВНОСТИ В БАССЕЙНЕ р. СЫЛВЫ

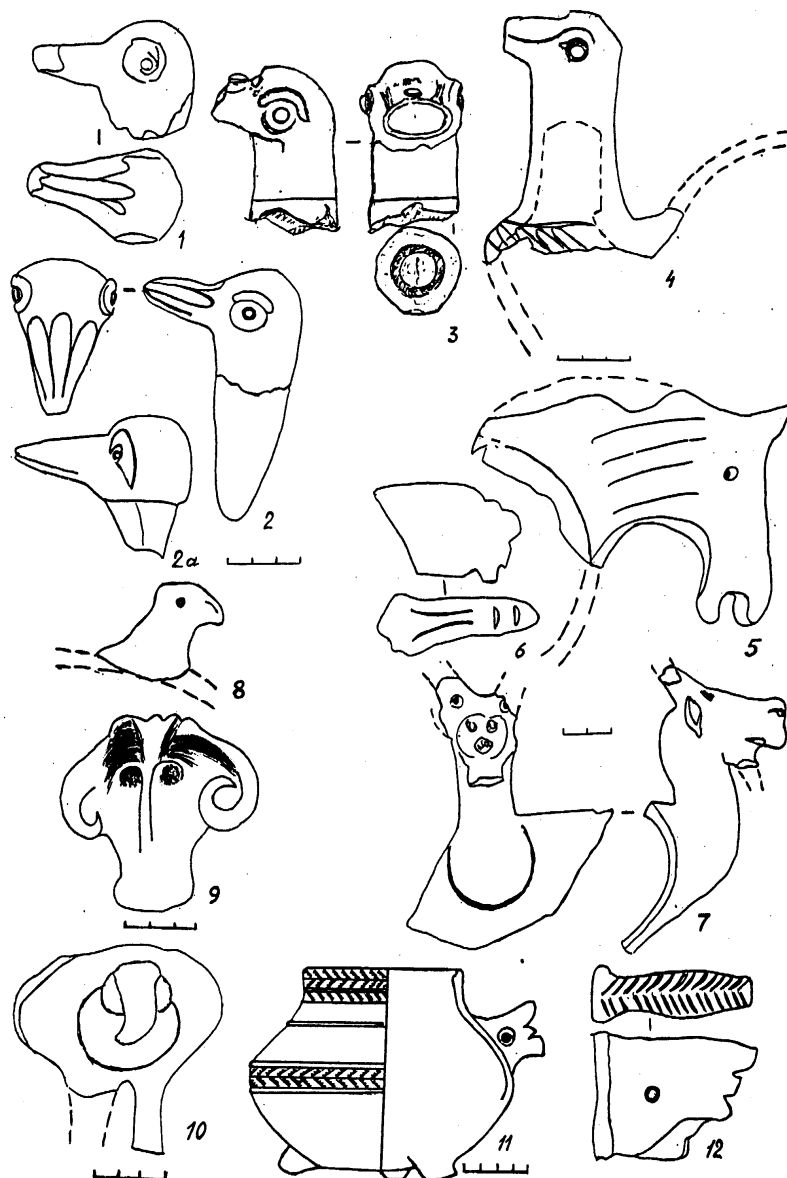

Рис. 3. Редкие формы керамики с зооморфными деталями оформления: 1, 4, 7, 8, 11, 12 – Болгарское городище; 2, 6, 10 – Русско-Урматское селище; 3, 5 – Камаевское городище; 9 – Чаллыное городище.

Для многих регионов лесной полосы Восточной Европы время, последующее за монголо-татарским нашествием, представляется “белым пятном”. Сылвенско-Иренское поречье в этом плане не является исключением. Лишь в последнее время удалось вычленить материалы, которые с достоверностью можно отнести к этой эпохе. Большая часть их выявлена на различных памятниках и теряется в массе более раннего, но на Бартымском I селище (среднее течение р.Шаквы правого притока р.Сылвы), исследовавшемся Н.В.Водолаго в 1980, 1981 и 1983 гг. они составляют единый комплекс, включающий в себя хозяйственные ямы, керамику, украшения, орудия труда, предметы быта и вооружения.

В литературе традиционно сложилось мнение, что круговая керамика, происходящая с памятников Сылвенско-Иренского поречья является болгарской (Генинг В.Ф., Оборин В.А., Белавин А.М.). Вместе с тем, анализ показывает ее крайнюю неоднородность. Подавляющее большинство посуды, изготовленной с помощью гончарного круга, связано с достаточно интенсивным торговым обменом племен неволинской культуры с южными регионами: Хорезмом, Нижним Поволжьем и Северным Причерноморьем, происходившим в VIII - первой половине IX в. Она представлена афрасиабским красноглиняным кувшином, амфорами причерноморских типов, лощеными кружками и кувшинами (отличающимися от волжскоболгарских отсутствием канелюров, ограничивающих зону лощения), кувшинами с сильно запесоченным тестом (5, с. 36-38).

Комплекс керамики, соотносимый с Волжской Болгарией и Золотой Ордой, крайне немногочислен. В первую очередь это 10 фрагментов, которые с достоверностью можно отнести к первой группе общеволжской посуды. Они изготовлены из хорошо отмученного теста с крайне незначительной, почти незаметной, примесью мелкого песка, реже растительности. Имеют красный или красно-коричневый цвет, поверхность залощена.

Пять фрагментов принадлежат хумам - три стенки и два венчика от сосудов диаметром 26 и 30 см (рис.1, 7, 8), они утолщены и имеют желобок по внешнему краю. Толщина их 12 и 17 мм, в тесте заметна примесь органики, лощение не очень качественное. Есть венчик (рис.1, 6) и стенка от корчаги, по форме аналогичной хумам, но меньшего размера. Посуда такого типа хорошо представлена на болгарских поселениях, где появляет-

ся в X-XI вв., но подобный нашим тип венчиков Т.А.Хлебникова датирует XII - первой половиной XIII в., отмечая, что у корчаг он доживает в незначительных количествах до первой половины XV в. (8, с.139, рис.37, 39; 9, с.79, 149, 187-189, рис. 119; 10, с.77-81).

Представлены в коллекции и фрагменты двух днищ, их диаметр 7 и 12 см (рис.1,9,10). Стенки в придонной части слегка подлощены и несколько вогнуты во внутрь. Меньшее принадлежало, скорее всего, кружке или крынке, хотя могло относиться и к кувшину или горшку; второе - более крупному сосуду, вероятно, горшку. Посуда с подобным оформлением чаще встречается в X-XIII вв. (8, с.139, рис.37,39; 9, с.79,149,187-189, рис.119; 10, с.77-81).

Последний фрагмент представлен небольшим обломком от места перехода шейки в плечико. Он тщательно залощен, причем видны полосы вертикального лощения, и орнаментирован рядом наклоненных влево от тисков гребенчатого штампа овальной формы (рис.1,1).

Еще два фрагмента отличаются от вышеописанных лишь отсутствием тщательной обработки поверхности. Один имеет ярко-красный цвет, примесь песка и мелкого шмота, украшен горизонтальным пояском из 4-х прочерченных линий, выполненных, скорее всего, гребенчатым штампом (рис.1,3). Второй, грязно-красного цвета с примесью органики и мелкого песка, орнаментирован горизонтальным пояском резных линий и волной, прочерченными семизубым гребенчатым штампом (рис.1,4). Скорее всего, оба относятся также к первой группе общебулгарской посуды.

Семь фрагментов происходят от сосудов типа амфор. Их цвет варьирует в оттенках золотисто-желтого и молочного. Достаточно тонкостенны, не более 5-6 мм. В тесте фиксируется незначительная примесь мелко-рубленной растительности, мелкого песка с белой крошкой, возможно, известковой. К сожалению, в силу фрагментарности определить их форму невозможно, но отличия от амфор, поступавших в регион в салтовское время (VIII - первая половина IX в.), позволяют предположить, что они появляются в более позднее время - булгарское, или в начале золотоордынского периода.

В коллекции имеется также фрагмент плечика узкогорлого кувшина с рельефным орнаментом (рис.1,5). Он изготовлен из глины с примесью шмота, песка и растительности (все тщательно измельчено и присутствует в небольших количествах), имеет серый с зеленоватым оттенком цвет. Подобная посуда известна в Хорезме и Нисе XII-XIV вв. и в золотоордынских городах Поволжья (1, с. 306-308, рис. 23-25).

Вся описанная керамика найдена на Бартымском I селище, за исключением одного фрагмента, происходящего с Бартымского III селища, находящегося на другом краю одноименной деревни. Скорее всего, вся она одновременна и поступила в Сылвенско-Иренское поречье в XIII-XIV вв., в золотоордынский период.

Вещевой комплекс вычленил сложнее, но отдельные находки укладываются в рамки домонгольского и золотоордынского времени. Это стеклянные бусы, изготовленные способом навивки на твердую основу, полупрозрачные шарообразная светло-оливкового и зонная ярко-синего цвета, зеленая битрапецивидная и черная зонная, орнаментированная вдавливанием разноцветных крошек стекла в еще мягкую массу с последующей огневой полировкой (6, с. 165, 167, 171; 2, с. 61), круглые сердоликовые бусы, хрустальная каплевида и сердоликовая трапецивидная подвеска (7, с. 20-23, 61-70, 91). В эту же группу можно отнести обломки бронзовой посуды, кресала овально-удлиненной и калачевидной формы, кочедыки и крючок для гири безмена украшенные витьем, обломок цилиндрического замка и ключи.

Одной из уникальных и интереснейших находок является бехтерец, фрагменты которого были обнаружены в яме 35. Он представлен прямоугольными (размер 28-29x28-32 мм), трапецивидными (18-22x30 мм) и треугольными пластинами с 4 отверстиями по длинным сторонам, а иногда и по третьей, и более крупными, а также кольчужным плетением. Пластины расположены вертикальными рядами, внахлест на четверть высоты, между ними помещалось не менее пяти колец диаметром 11-13 мм (кольца, соединяющие пластины меньше, их диаметр 9-10 мм). Доспехи данного типа получили широкое распространение в XVI-XVII вв., но, судя по находкам из Усть-Лабинского погребения, их появление в Восточной Европе могло произойти и ранее в XIV-XV вв. (4, с. 38-40; 3, с. 264).

Таким образом, из нескольких сот памятников археологии в Сылвенско-Иренском поречье лишь Бартымское I селище можно с уверенностью отнести к золотоордынскому времени. Группа населения, оставившая его, была, судя по остальному материалу, близка племенам южных вариантов (Чусовской и Обвинско-Иньвенский) родановской культуры.

Примечания:

1. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // Керамика Хорезма. М., 1959.
2. Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983.
3. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV - начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Материалы юбилейной конференции. М., 1983.
4. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. М., 1976.
5. Пастушенко И.Ю. Волго-Камский торговый путь в I тыс.н.э. // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии. Березняки, 1997.
6. Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. М., 1988.
7. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.

8. Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжских болгар X - начала XIII в. // МИА. №111. М., 1962.
 9. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984.
 10. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. М., 1988.

Д.К.Валеева, Д.Д.Хисамова

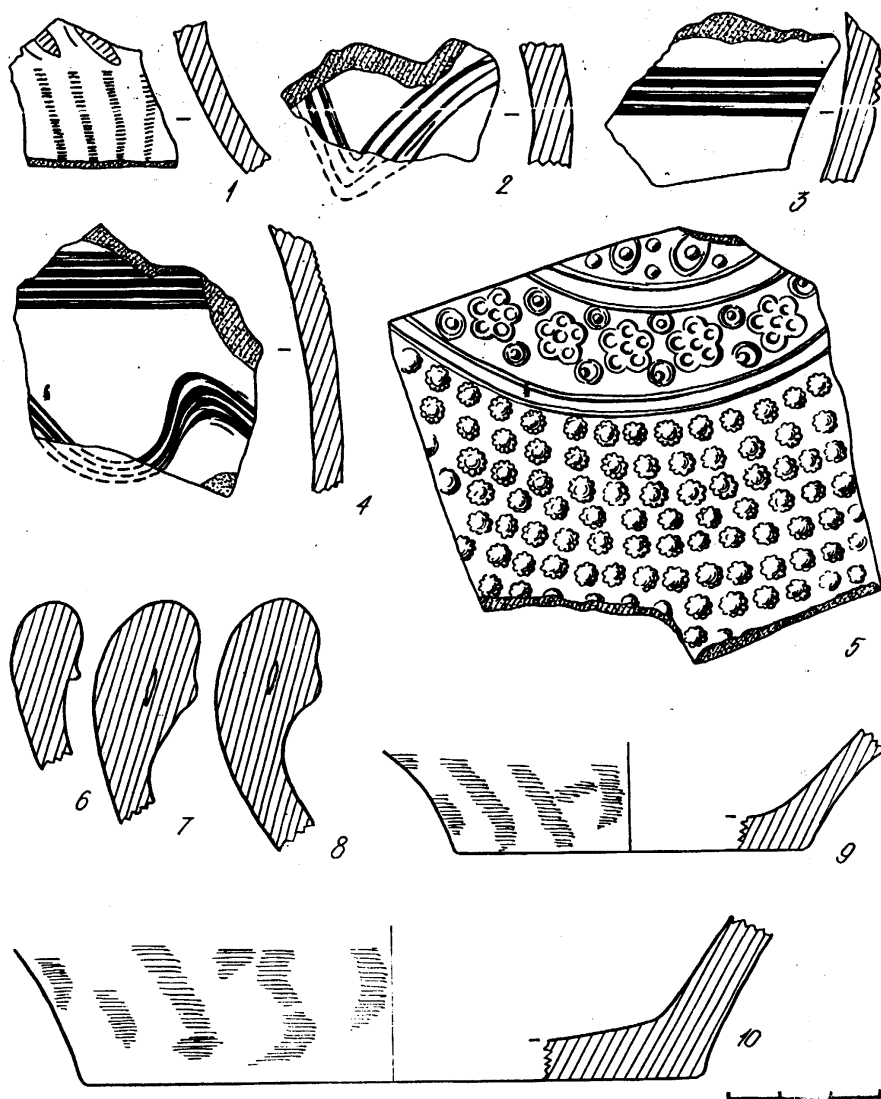
К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ИСКУССТВА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР НА ИСКУССТВО НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Культура народов Поволжья, Приуралья и северо-востока Европы в целом хранит отголосок искусства древних народов, проживавших на территории современных национальных республик - Татарстана, Башкирии, Чувашии, Удмуртии, Мари-Эл и Коми. Искусство каждого из этих народов своеобразно, неповторимо, имеет свою специфику, но в тоже время в нем отражено влияние искусства волжских болгар.

Чтобы определить конкретно как это влияние проявилось, необходимо вкратце вспомнить, в чем суть искусства самих болгар. Искусство волжских болгар, особенно в его ранний, предшествующий домонгольскому период, является составной частью средневековой языческой культуры Восточной Европы. Произведения, орнаменты на них, дают возможность представить художественное мышление болгар, их отношение к природе, их взгляды на мирозданье. Отношение к окружающему миру как к живому, имеющему "душу", породило богатство орнаментальных мотивов и композиций художественных изделий. Орнаменты в искусстве болгар, как и у многих народов, в одних случаях являлись знаками, обозначающими общественное положение человека и его принадлежность к тому или иному племени, в других, с орнаментами связаны условные изображения растений и животных, различных явлений природы.

История искусства синхронна историческому процессу. Поэтому, если в науке принято считать началом эпохи ранних болгар приход салтовских племен с юго-востока Европы и кушнаренкомских - с Южного Урала - в середине VIII века, то и истоки искусства болгар также датируются этим временем.

Общеизвестно, что наиболее распространенными видами орнамента является геометрический, растительный, зооморфный и как производное от них - сюжетный. В произведениях раннеболгарского искусства, найденных в Большетарханском, Большетиганском и Танкеевском могильниках (5; 12; 13; 8), сохранилось большое количество изделий из металла, на которых наиболее распространенными и разнообразными являются геометрические и растительные мотивы, образующие яркий и богатый орнамент, отголоски которого проявляются позднее в искусстве народов Поволжья и Приуралья. Зооморфный встречается реже, чем в последую-

ций, домонгольский период, хотя имеет место. Прежде всего, это относится к мотиву птицы. Геометрический и растительный орнаменты часто переплетались, переходили один в другой. Поэтому в одних случаях их определили как геометрический, в других - как растительные.

Круглые, замкнутые и незамкнутые височные кольца, овальные или расширяющиеся в нижней части, просты по форме, но красивы и по своему изящны. Имея постоянно в виду языческий взгляд древних болгар на мир, одухотворяющий все вокруг, и в этих простейших овальных формах украшений ищешь свой смысл, свой символ, заложенный, возможно, в них. Круглыми, по языческим представлениям, были божественные светила: солнце, луна; вообще - замкнутый круг имел волшебный смысл - он как бы ограждал человека от воздействия злых сил. Поэтому естественно, что носить на себе украшения, имеющие круглую форму, являлось как бы гарантией спасения от зла.

Но встречались и более усложненные формы височных колец и подвесок. Так, нередко были трапециевидные - с висющимися в несколько рядов круглыми бубенчиками на цепочках.

Во всем болгарском мире довольно много подвесок в виде колец с бусинами. Это украшение прежде всего идет от салтово-маяцкой культуры, оно встречается на огромном регионе Евразии в VIII-X веках и говорит о распространении и влиянии салтово-маяцкой культуры на пространствах, в которых жили самые различные народы (10). Очевидно, это влияние передалось благодаря кочевникам.

Украшение - кольцо с бусинкой - совершенствовалось. В более поздние времена - в X-XI вв. стали чаще встречаться кольца с тремя бусинками. И здесь уже можно говорить, об отражении в прикладном искусстве болгар и других древних народов мифа о "триединстве" или "равноценности" трех миров, трех "существований", трех "сфер": небесной, земной и водной (7). Интересно то, что единство "трех образов жизни" древних язычников, выражавшееся в мифологии, в жизни, искусстве и погребальных обрядах, в форме этого маленького произведения искусства находит удивительно краткое, но емкое и глубоко философское выражение.

Но в целом формы подвесок довольно разнообразны и отличаются также и техникой исполнения. Так, встречаются булавообразные подвески, украшенные зернью в виде пирамидок. По мнению С.А.Плетневой, технику зерни ранние болгары любили и часто использовали ее при изготовлении разных изделий. Зернь - одна из древнейших технологий, используемых в ювелирном искусстве. Впоследствии она будет часто выражаться уже в развитом болгарском искусстве (XI-XIII вв.) и далее достигнет высокого расцвета в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства, у казанских татар в XVIII - XIX вв.

Кроме техники зерна, уже в раннюю эпоху развития искусства болгар, в ювелирном деле, в металлообработке в целом существовали другие

виды обработки украшений. Например, также нередко использовались литье, штамповка, ажурная резьба (3).

Если говорить дальше о формах подвесок, то они довольно разнообразны. В погребениях в большом количестве встречаются подвески, закрытые, с узкой прорезью снизу или составленные из двух половинок, сплошные. Формы подвесок - грушевидные, шаровидные, желудеобразные. Изящными смотрятся подвески в виде колокольчиков, действительно, похожие на отлитые в бронзе цветы. Много подвесок, составленных из мелких частей - спиралевидных, бусиновых пронизок - трубочек, они подвешивались на ремешках. Довольно распространенными у древних болгар является также подвески, оканчивающиеся лапками различных водоплавающих птиц - гуся, утки (4). С древнейших времен священными были птицы-существа, которые как бы соединяли воедино земной и небесный мир, потому что они могли летать, могли ходить по земле и свободно плавать по волнам. Естественным было в языческом искусстве, культуре придавать птице самые необычные и волшебные свойства и изображать их или их части (лапки, крылья, клювы) в предметах искусства, в украшениях. С птицами были связаны древние языческие поверья и приметы. В жизни человека птицам нередко придавались символические значения. С ними были связаны мечты о счастье, они связывали людей с небом, солнцем, весной.

Орнаментальные мотивы и композиции болгарских мастеров соприкасаются и перекликаются с орнаментальным искусством других народов, и влияние их на искусство соседних племен, безусловно, немалое. Это влияние в древности распространялось, главным образом, путем торговли. Например, в Верхнее Прикамье попадали болгарские серебряные украшения, посуда, керамика. В удмуртских более поздних изделиях прикладного искусства до сих пор встречаются орнаменты, перекликающиеся с болгарскими. Особенно это относится к геометрическому орнаменту, которой широко используется в вышивке, в том числе бисером, ткачестве, вязанье. Также широко бытует у удмуртов и красочные полотенца, нарядные ковры-покрывала. Широко распространен орнамент, образованный из разных компонентов, напоминающих латинскую букву S (9). Такой узор был характерен и в болгарском искусстве, S -образный мотив в нем, очевидно, возник из образа хищного зверя, приготовившегося к прыжку и в упрощенной форме напоминавшего контур буквы S. В удмуртском искусстве, как и в болгарском, также встречается много фигур ромбов, зигзагов, звезд, листьев.

Интересно, что болгарские мотивы отмечаются далеко на севере - у народов коми - также в их декоративно-прикладном искусстве. В деревянной резьбе, например, мотив "конских головок" распространен повсеместно в деревнях. Там этим узором украшаются карнизы крыш, охлупни и стамики на крышах. А ремешковые бляшки северных оленеводов, сделан-

ные из бронзы, в виде листьев, лепестков, очень близки по очертаниям к болгарским ременным бляшкам (6).

Влияние болгарской культуры особенно сказалось на керамике северных - прикамско-пермских племен. Их посуда в болгарские времена еще сохраняет основную форму "открытой чаши", но уже часто имеет плоское дно, лощение на стенках, налепленные ручки (иногда в виде фигур животных) и волнистый орнамент, чем сильно напоминает красноглиняную болгарскую керамику. Вообще усиление болгарского влияния на севере могло быть также связано не только с торговлей, но и притоком болгарского населения, переместившегося на север во время военной опасности (конфронтация с Русью, монгольское нашествие и т.д.).

Много сходных с болгарскими мотивов, орнаментов и форм предметов можно найти и у других народов Приуралья и Поволжья. Это сходство наиболее часто наблюдается в культуре башкир. Башкиры переняли от болгар не только некоторые мотивы орнаментов, что является чисто внешним заимствованием, но приняли от них ислам. То есть внутренняя, духовная суть их культуры стала предельно близкой к болгарской. И не даром впоследствии татарский и башкирский народы оказались такими близкими друг другу - и в языке, и в музыке, и декоративно-прикладном искусстве. Если же взять отдельные орнаменты, то в них встречаются сходные с болгарскими - усеченные конусы, звезды, шестигранники. Прекрасны башкирские ювелирные украшения из серебра, близкие по форме некоторым шумящие подвески из Булгара (2).

Шумящие подвески до настоящего времени сохранились в декоративно-прикладном искусстве мордвы. Они имеют очень древнее происхождение и существовали в начале I тысячелетия у приуральских финно-угорских племен до болгар. Позднее болгары переняли у местных племен этот вид украшения, но шумящие подвески в руках болгарских мастеров стали более тонкими, богатыми, совершенными по форме и по технике, материалу. Шумящие подвески, появившиеся после болгар у разных племен, особенно тюркоязычных, стали одним из оригинальных, наиболее значительных видов женских ювелирных украшений (чулпы - у татар, башкир). Они в то же время выполняли не только эстетическую функцию, но и в какой-то степени сохраняли и древнее свое предназначение - быть оберегом, отгонять от их владелиц злые силы. Также, очевидно, влиянием болгар можно объяснить и бытование у ряда соседних с ними племен фигурных блях, представляющих собой стилизованные изображения птиц с расправленными крыльями, бронзовых несомкнутых браслетов с нацарапанными на них геометрическими орнаментами.

Влияние болгарской культуры на искусство чувашей тоже немалое. Издавна древнечувашские и болгарские племена существовали в тесном соседстве и постоянном общении (11). Поэтому в культуре чувашей более, чем у других народов, встречаются компоненты болгарского орнамен-

та. Например, изображенные в чувашских вышивках звезды, коня, фигуры меандра перекликаются с подобными элементами болгарских произведений искусства. Как в болгарском орнаменте иногда сам фон, на котором изображен тот или иной мотив, становится узором, так и в чувашском искусстве это свойство является характерным.

Предметы, найденные в древнемарийских могильниках - накладки, подвески, браслеты, бляшки - орнаменты на них растительные и геометрические - идентичны древнеболгарским мотивам и формам (1).

Следует заметить, что общность, сходство мотивов искусства племен и народов говорит о том, что эпоха средневековья, в которую жили болгарские и соседние с ними племена, была временем, когда человек в своем отношении к природе обращался не к реальной действительности, а как бы к жизни ирреальной. Все искусство этого времени было символическим, давшим представление о мире и бытии в знаковых формах, образах, чему, в определенной степени, и служили различные орнаменты. Этим символизмом, условностью мышления отмечена культура средневековья во многих регионах земли. Этот глобальное явление. Таков тип бытия и мышления средневекового человека и художника.

Без сомнения, болгарская культура как наиболее развитая на северо-востоке Европы в конце I - начале II тысячелетий, на своих более ранних этапах связана с искусством салтово-маяцких, причерногорских и прикаспийских племен. Именно поэтому мы говорим о влиянии болгарской культуры на культуру племен Приуралья и Поволжья - сначала в древности, когда эти земли были заняты различными племенами, а потом позднее - когда их населили ныне существующие народы. Но это вовсе не значит, что искусство всех этих обширных северных областей было менее значимым. Оно также, в свою очередь, обогатило болгарскую культуру. В этой связи мы уже проводили пример с шумящими подвесками.

Вся эта краткая характеристика орнаментального искусства племен и народов Поволжья, Приуралья и некоторых северных областей говорит о том, что сложная, богатая болгарская художественная культура, естественно, оказала влияние на общее развитие искусства многих племен и народов волжско-уральского региона. Но, конечно, как уже было отмечено выше, это влияние было обоюдным. Поступательное развитие культуры, искусства возможно лишь во взаимодействии и взаимовлиянии народов между собой, и именно поэтому древнейшие элементы орнаментов сохранились в искусстве народов Поволжья и Приуралья и по сей день. Это свидетельствует о том, что в искусстве каждого народа вырабатываются определенные каноны, которые оказывают влияние на дальнейшее развитие его, в том числе на современное декоративно-прикладное искусство. Они могут послужить одним из ключей к раскрытию проблем этногенеза того или иного народа.

Примечания:

1. Архипов Г.А. Марийцы IX-X вв. Йошкар-Ола, 1973.
2. Ахмеров Р.Б. Об истоках декоративно-прикладного искусства башкирского народа. Уфа., 1996.
3. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
4. Валеева Д.К. Искусство волжских булгар. Казань, 1982.
5. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
6. Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980.
7. Давлетшин Г.М., Волжская Болгария: духовная культура (X - начало XIII вв.) Казань, 1990.
8. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
9. Климов К.М. Удмуртское народное творчество. Ижевск, 1979.
10. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.
11. Трофимов А.А. О чувашском орнаменте // Ученые записки НИИ при СМ Чув. АССР, вып.35. Чебоксары, 1967.
12. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. №3.
13. Chalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetire de Tankeevka. // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines al' Est. Budapest, 1977.

Р.Д.Голдина

ВКЛАД Е.А.ХАЛИКОВОЙ В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОЙ УДМУРТИИ

Средневековым древностям Южной Удмуртии повезло меньше, чем ананьинским или пьяноборским. Целенаправленно их стали изучать значительно позже, так как из-за своей специфики - менее выразительные, да и более рассеянные по территории - они не сразу обратили на себя внимание, хотя впервые стали объектом изучения еще до революции 1917 г. В 1882 г. Г.Н.Потаниным были проведены небольшие раскопки на Верхнеутчанском городище и осмотрены Варзиятчинские городища на юге Удмуртии (22, с.308-311). Городища по рр.Иж и Тойма обследовал в конце 80-х гг.А.А.Спицын и отметил их вотское (удмуртское) происхождение (25, с.1-38). В 1893-1894 гг. Ф.Д.Нефедов провел небольшие раскопки на Нырғындинском I (Ола-Курук, Ильнешском) городище и осмотрел несколько памятников в бассейне р.Тоймы (14, с.42-75). Благодаря Л.И. Беркутову в начале XX в., наряду с ананьинским и пьяноборским, пополнялся и средневековый материал (3, с.35-89). В 1936 г. на юге Удмуртии организовал разведочные работы А.П.Смирнов и пришел к выводу, что эта территория была мало заселена и ее освоение относится лишь к X - XII вв. (24, с.110).

Существенно пополнился список известных средневековых объектов в 1954-1957 гг. в связи с работой Удмуртской экспедиции, руководимой В.Ф.Генингом (4, с.25 и др.). Важные данные были получены В.А.Семеновым в результате раскопок в Алнашском районе Удмуртии Петропавловского могильника VI - VII вв. Он открыл также несколько новых поселений этого же времени (23, с.3-50).

60-70-е гг. - время интенсивного изучения средневековых объектов Южной Удмуртии. Довольно значительные материалы получены на городище Чеганда I (5, с.141-163), Быргындинском II (2, с.160-161), Зуево-Ключевском II (6, с.86-89) и других памятниках. Большие исследовательские работы проведены Т.И.Останиной на средневековых городищах, Кузубаевском I, Староигринском, Постольском, Сосновском и др. (16, с.192; 17, с.194-195; 18, с.163-164; 19, с.170; 20, с.190).

В 70-х гг. исследования начала Камско-Вятская археологическая экспедиция Удмуртского университета под руководством Р.Д.Голдиной. Коллективом этой экспедиции в Южной Удмуртии было организовано более

30 разведочных маршрутов, что способствовало результативным раскопкам. Наиболее значительные результаты получены Т.К.Ютиной, целенаправленно изучавшей средневековые памятники Южной Удмуртии. Под ее руководством раскопаны Верхнеутчанское, Благодатское I, Варалинское, Варзи-Пельгинское городища и другие памятники (31, с.181-182; 32, с.53-66; 35, с.163-164; 36, с.219).

Верхнеутчанская культура (VI - IX вв.) располагалась в южной части Камско-Вятского междуречья, включая бассейны правобережных притоков р.Камы: Сивы, Ижа, Тоймы, а также верховья р.Валы - притока р.Кильмези. Выделена и исследована в 80-90-е гг. Т.К.Ютиной (33, с.71-94; 34, с.174; 37, с.109-111; 38, с.123-127; 39). Известно около 100 памятников этого времени. Среди них более 30 неукрепленных поселений - селищ, которые занимали обычно невысокие мысы. Площадь их весьма вариативна: 250 - 6000 кв.м. Селища группировались вокруг городищ, которые располагались, как правило, на предшествующих ананьинско-чегандинских. Мощностные культурных слоев - 0,1-1,5 м. Среди городищ Т.К.Ютиной выделены административные центры, убежища, сторожевые крепости.

Городище на одном из правобережных притоков р.Тоймы у с.Верхний Утчан Алнашского района Удмуртии, давшее название выделенной культуре, исследовано Т.К.Ютиной (32, с.53-66). Обнаружены остатки наземных сооружений, зольники, хозяйственные ямы и остатки металлургического производства: шлаки, литейная форма, пинцет, тигель и льячка для разлива металла. Среди находок - бусы, пряжка, подвеска, накладка, кольчужное кольцо, наконечники стрел из кости, глиняные пряслица, железное шило, рыболовные крючки, ножи и другие вещи. Интересный материал, свидетельствующий об оригинальном бронзолитейном производстве, был собран Т.К.Ютиной при раскопках Благодатского I городища.

Из могильников верхнеутчанской культуры пока исследован лишь один - Петропавловский (23, 1976, с.3-50). Он находится на высокой террасе р.Голюшурминки, правого притока р.Ижа в д.Петропавловке Алнашского района Удмуртии. Здесь исследовано 28 захоронений VI-VII вв. Могилы располагались нечеткими рядами и группами. Ориентировка могильных ям двух видов - широтная и меридиональная. Глубина ям небольшая - 0,38-0,76 м. Размеры их соответствуют размерам погребенных людей. Зафиксированы два обряда погребения: труположение в гробовище, вытянуто на спине (17 захоронений) и трупосожжение на стороне, без вещей, причем остатки праха ссыпали в гроб и довольно компактной массой (9 случаев). Украшения и сопровождающий инвентарь бросали в могилу по мере ее засыпания. Характер находок от способа захоронения не зависел.

На Петропавловском некрополе собрано большое число поясной гарнитуры: пряжек, различных вариантов геральдических накладок, наконечников ремней. Встречались также сердоликовые и стеклянные бусы, височные подвески, нагрудные подвески, пронизки, шейные гривны, раз-

личные бляшки, фибулы и другие вещи. Многочисленны железные предметы: наконечники стрел, удила, шило, ложкарь, скобели, серпы, наконечники копий. Несмотря на достаточно разнообразный погребальный инвентарь, шесть могил оказались без вещей. При этом в двух из них умершие были погребены по способу труположения, в четырех - трупосожжения.

Из единичных находок верхнеутчанской культуры интерес представляет бронзовая культовая пластина размером 10x18,2 см, найденная А.А.Спицыным в 1898 г. возле д.Нырғында. А.А.Спицын написал о ней: "великолепная поделка... огромный весьма типичный ящер, длинный, изогнутый, с коротким пушистым хвостом и короткими лапами, на сильно вывернутой нижней челюсти и на шее - волоса, верхняя челюсть иззубрена. По туловищу семь рыб для обозначения водного существа. Сульде (человеко-лось) со сложенными вперед ногами, также очень типичен: крылья длинные, трехперые с глазками. Из головы сульде, головы и крестца ящера выступают длинные головы лося с выступающими из них фигурами кричащих птиц; у голов лося перистые уши и подбородки, у птиц перистые бока и уши. Отдельные головы: две человеческие и 11 звериных, группами и в одиночку" (26, с.52). Эта пластина представляет собой один из выдающихся образцов пермского звериного стиля, расцвет которого падает на эпоху раннего средневековья. С точки зрения художественной композиции совершенна: мастер не только воплотил в бронзе сложные многофигурные элементы, но и живо передал стремительность движения, полета всех составляющих его фигур. Нырғындский ящер датируется VI-VIII вв.

На верхнеутчанских памятниках Т.К.Ютиной выделено несколько комплексов глиняной посуды (39, с.9-10). Собственно верхнеутчанский, местный, обязанный происхождением чегандинско-мазунинскому, тип керамики имеет преимущественно характерную, довольно низкую округлодонную чашевидную форму с разными вариантами оформления горловины: профилированную открытую и закрытую, а также непрофилированную прямостенную. Глиняное тесто этой посуды содержит традиционно камские примеси: толченую речную раковину, шамот, растительные остатки в разных сочетаниях. Однако поверхность их не так тщательно заглаживалась, как в ананьинско-чегандинское время. Орнамент нанесен по верхнему срезу горловины сосудов в виде насечек, одного, или нескольких рядов вдавленных различной формы по шейке. Около 40% посуды не украшено.

На памятниках Южной Удмуртии второй половины I тыс. н.э. встречается и посуда бахмутинского типа, распространенного в основном на территории Башкирии. Она представляла собой круглодонные округлобокие сосуды с оформленной горловиной, содержащие в глиняном тесте примесь песка или мелкого галечника, сплошь украшенные редкими, чаще круглой формы, ямочками. Появление их на правобережье р.Камы - результат начавшегося давления на удмуртское население со стороны бель-

ского бассейна турбаслинских и романовских групп, появившихся там в VI в. Бахмутинцы, поселяясь на правом берегу р. Камы, попадали в родственную среду и жили совместно с верхнеутчанцами на одних поселениях.

Наряду с местными типами керамики на верхнеутчанских памятниках найдены и инородные. Среди них довольно многочислен именьковский. По данным П.Н. Старостина, именьковское население заняло устье Камы и прилегающее Поволжье, дойдя по правому берегу р. Камы до устья р. Вятки (27, табл.1). Т.К. Ютина выявила в Южной Удмуртии, преимущественно на камском побережье и в бассейне Тоймы, 14 пунктов с находками именьковской керамики, что отражает процесс прямого внедрения этого иноязычного населения в древнеудмуртскую среду. Наиболее значительная коллекция именьковской посуды происходит с Благодатского I городища в Алнашском районе Удмуртии. Именьковская посуда - это плоскодонные сосуды с раздутым туловом, профилированной горловиной, почти не имеющие орнамента или украшенные насечками по венчику. Глиняное тесто содержит примесь шамота или песка. Наряду с посудой грубой выделки встречаются тонкостенные горшки с хорошо заглаженной поверхностью.

Именьковское население и его предшественники, оставившие славянский и лбищенский типы памятников в Поволжье, представляли собой наиболее крупный массив древних славян, который оказал мощное воздействие на пермян. У именьковцев были хорошо развиты железодельное и бронзолитейное производство, а также животноводство. Они разводили новые, более крупные породы крупного рогатого скота южного происхождения, у них было очень популярно овцеводство, умели разводить верблюдов (21, 1984, с.140). Особенно прогрессивным, нежели у финно-угорского населения, было пашенное земледелие: на поселениях, кроме сошников, часто находят косы-горбуши, серпы, мотыги, лесорубные топоры. Из культур возделывали пшеницу, просо, рожь, овес, полбу, ячмень, горох. Не случайны поэтому на пермских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья именьковского времени массовые находки кос, серпов, мотыг (клад из 186 мотыг на Буйском городище и др.). Пребывание именьковцев отразилось и в языке пермян: В.В. Напольских нашел в пермских языках заимствования из диалектов позднеславянского и считает возможным соотносить их носителей с населением именьковской культуры (12, с.197-206). Эту же идею развивал и Р.Ш. Насибуллин (13, с.76-79).

Следующей инородной группой населения, привнесшей на верхнеутчанские поселения очень своеобразную посуду, было угорское население кушнареноквского типа. Керамика отличается тщательной выделкой, хорошей заглаженностью поверхности, тонкостенностью, своеобразной формой - шаровидным или несколько вытянутым туловом, высоким, прямым горлом. Орнамент покрывает верхнюю половину сосуда и состоит из нескольких тонких горизонтальных линий, перемежающихся зонами с вертикальным узором в виде наклонных оттисков гребенчатого и фигурного

штампов, елочки, зигзагов. Посуда настолько оригинальна, что даже небольшие фрагменты позволяют ее идентифицировать достаточно точно. Проанализировав этот тип керамики, найденный на 9 памятниках правого бережья Камы: Благодатском I городище (около 400 фрагментов), Кузубаевском I, Чеганда I городищах, Луговском, Петропавловском могильниках, Верхнеутчанских городище и селище, Варзятчинском I городище и селище, О.А. Казанцева и Т.К. Ютина (10, с.110-129) пришли к выводу, что эта посуда дополняла местную, верхнеутчанскую. Кроме того, картографирование кушнареноквской посуды (там же, рис.1) показало, что носители ее, заняв преимущественно левобережье Белой, расселились и на юго-восточной периферии верхнеутчанской культуры. На правом берегу р. Белой, как и в Нижнем Прикамье кушнареноквские памятники единичны.

В последние годы пришлый характер кушнареноквцев никем не оспаривается. Большинство исследователей видит их истоки в лесостепной части Зауралья и Западной Сибири, где известны памятники этого же времени, оставленные потчевашским и молчановским населением, которое связывают с древними уграми. Причиной их переселения в Приуралье, в частности, В.А. Могильников считает нестабильную обстановку из-за набегов воинов Первого тюркского каганата (11, с.27). Время прихода кушнареноквцев в Приуралье - рубеж VI-VII вв. Кушнареноквцы, пройдя по Южному Уралу, дошли по р. Белой до Нижней Камы и здесь были остановлены именьковским и пермским населением. Смешанные материалы верхнеутчанских поселений показывают, что кушнареноквцы и южные пермяне довольно интенсивно контактировали.

По мнению В.А. Иванова (8, с.61), в середине VIII в. имела место еще одна волна западносибирского угорского населения, известного под названием караякуповского. Исходный их район - та же зауральская лесостепь. Они прошли через Южный Урал и были вынуждены остановиться в предгорных и горно-лесных районах Южного Приуралья, где и оставили памятники этого типа. Постепенно кушнареноквско-караякуповское население просачивалось по левобережью и в низовья Камы, но путь ему преградили сначала именьковцы, а затем и булгары, занявшие их территорию.

Однако некоторые следы пребывания здесь угров все-таки сохранились. В 1974-1975, 1978 гг. возле с. Большие Тиганы недалеко от устья на левом берегу р. Камы Е.А. Халиковой был исследован бескурганый могильник, состоящий из 56 могил (40, 1981, с.3-132). Среди них обнаружено несколько богатых мужских воинских захоронений, вокруг которых группировались остальные: женские и небогатые мужские. Кроме многочисленных украшений, поясной гарнитуры, орудий труда, конской сбруи, найдены и богатые наборы оружия: мечи, сабли в серебряной оправе. Примечательно, что глиняная посуда этих погребений относилась к характерному кушнареноквско-караякуповскому типу. Часть умерших сопровож-

дена лошадиными головами, иногда вместе со шкурой (сохранились череп, кости ног, хвостовые позвонки). Памятник датирован концом VIII-IX вв. (29, с.178).

В результате сопоставления материалов этого могильника и венгерских “эпохи завоевания родины”, проведенного Е.А.Халиковой, установлено их близость и доказано, что Большетиганский могильник является не просто угорским, но древневенгерским (29, с.158-178; 30, с.141-156). Таким образом, и население кушнареновско-караякуповской культуры представляет собой далеких родственников современных венгров. По антропологическим данным Больше-Тиганский могильник занимает обособленное место. Однако, антропологи отмечают сходство черепов X в. с территории Венгрии с саргатскими и ранне-булгарскими материалами (Больше-Тарханский и Кайбельский могильники) (7, 1991, с.64).

Вероятно, появление в Поволжье в конце VII - середине VIII в. воинственных тюркоязычных булгар и, начавшееся соперничество за земли с древними венграми-кушнареновцами, послужили причиной миграции последних на юго-запад в местность Леведию, находящуюся вблизи Хазарии, а затем в Ателькузу. Около 896 г. для венгров началась “эпоха завоевания родины”, они закрепились на современной территории в Паннонии. Видимо, не все угры ушли из Приуралья, так как известны отдельные находки кушнареновских сосудов и погребений, датированных IX-X вв. (9, с.131-133). Да и собственно Большетиганский могильник принадлежал, видимо, одной из оставшихся в Прикамье групп. Они довольно долго сохраняли свой язык, о чем говорят свидетельства венгерского монаха-доминиканца Юлиана, предпринявшего путешествие в 1235-1236 гг. с целью найти своих соплеменников на далекой родине. Он нашел их в двух днях пути от большого булгарского города (1, с.81). Оставшиеся в Приуралье венгерские группы, скорее всего, вошли в состав формирующегося Булгарского государства.

Контакты пермян с протовенграми отразились и в языке. И в венгерском и в пермских языках имеется некоторое число общих слов “хлеб”, “порог двери”, “серебро”, а также зафиксированы интересные совпадения в морфологии и фонетике языков (15, с.99; 28, с.194).

Благодаря научной деятельности Е.А.Халиковой некоторые аспекты древней истории населения Южной Удмуртии в эпоху средневековья приобрели вполне доказанную и оригинальную оценку.

Елена Александровна Халикова прожила короткую, но яркую жизнь. Ее отличали не только любовь к археологии, увлеченность выстраданной идеей, но и критическая оценка фактов, их глубокое осмысление, а также постоянный, неутомимый поиск новых аргументов в подтверждение своей концепции.

Примечания:

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе. Исторический архив. Т.III. М.-Л., 1940.
2. Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
3. Беркутов Л.А. Разведки и раскопки, проведенные по поручению Сарапульского земского музея. Сарапул, 1914.
4. Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.
5. Генинг В.Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время // ВАУ. Вып. 7. Ижевск, 1967.
6. Голдина Р.Д. Исследования памятников Южной Удмуртии в 1969-1970 гг. // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.
7. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.
8. Иванов В.А. Magna Hungaria - археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.
9. Казаков Е.П. Кушнареновские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981.
10. Казанцева О.А., Ютина Т.К. Керамика кушнареновского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986.
11. Могильников В.А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.
12. Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996.
13. Насибуллин Р.Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордскем Кыл, №2, 1992.
14. Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893-1894 гг. // МАВГР. Т.3. М., 1899.
15. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
16. Останина Т.И. Экспедиция Удмуртского республиканского музея // АО-1977. М., 1978.
17. Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского музея // АО-1978. М., 1979.
18. Останина Т.И. Работы Удмуртского республиканского музея // АО-1979. М., 1980.
19. Останина Т.И. Раскопки Староигринского городища // АО-1981. М., 1983.
20. Останина Т.И. Раскопки около с.Кузубаево // АО-1986. М., 1988.
21. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1984.
22. Потанин Н.Г. Городища близ деревень Утчан и Варзи-Ятчи (Елабужского уезда

- Вятской губернии) // Известия и ученые записки Казанского университета. Т.18, №3-4. Казань, 1882.
23. Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.
 24. Смирнов А.П. Обследование р.Валы // Археологические исследования в РСФСР, 1934-1936 гг. М.:Л., 1941.
 25. Спицын А.А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края // КВГ на 1890 г. Вятка, 1889.
 26. Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА РАО. Т.8, вып.1. СПб, 1906.
 27. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып.Д1-32. М., 1967.
 28. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
 29. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. №2. М., 1976.
 30. Халикова Е.А. Ранненевенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. №3. М., 1976.
 31. Ютина Т.К. Исследования в Южной Удмуртии //АО-1981 г. М., 1983.
 32. Ютина Т.К. Исследования 1980 г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып.1. Ижевск, 1984.
 33. Ютина Т.К. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып.2. Ижевск, 1984.
 34. Ютина Т.К. Этническая история древнего населения Южной Удмуртии в I тыс. н.э. (на англ. яз.) // VI междунар. конгр. финно-угроведов. Сыктывкар, 1985.
 35. Ютина Т.К. Исследования средневековых памятников в Прикамье // АО-1984 г. М., 1986.
 36. Ютина Т.К. Исследования Варалинского городища // АО-1985 г. М., 1987.
 37. Ютина Т.К. Этническая история древнего населения Южной Удмуртии в I-II тыс. н.э. // XVII Всесоюз. финно-угорская конф. Ижевск, 1987.
 38. Ютина Т.К. Направление и характер культурных контактов населения Южной Удмуртии Среднего Прикамья в эпоху средневековья // Congressus septimus internationalis finno-ugristarum / Sessiones sectionum. Debrecen, 1990.
 39. Ютина Т.К. Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Ижевск, 1994.
 40. Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). Budapest, 1981.

М.Г.Иванова

ДРЕВНЕУДМУРТСКОЕ ГОРОДИЩЕ ИДНАКАР IX - XIII вв.: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Городище Иднакар, расположенное у д.Солдырь Глазовского района Удмуртской Республики, - один из крупнейших и самых значительных памятников Прикамья. Оно относится к кругу городищ, связанных с богатырским циклом преданий северных удмуртов, которые давно уже стали своеобразным эталоном удмуртских древностей. Более того, в настоящее время Иднакар - одно из немногих городищ финно-угорского средневековья, наиболее полно охваченных исследованиями. В течение 17 полевых сезонов здесь вскрыто более 8 тыс. кв. м площади на всех структурных частях, в том числе и всех трех линиях оборонительных укреплений. Анализ огромного фонда качественно новых источников, полученных на этом городище, позволили сформулировать концепцию развития, во многом аналогичного древнерусским городам. Поэтому материалы этого уникального памятника имеют исключительно важное значение не только для решения историко-культурных проблем удмуртского средневековья, но и в значительной степени расширяют источники для исследования особенностей эволюции топографической и планировочной структуры средневековых поселений финно-угорских этнических образований.

Городище известно в литературе с XIX в.. Краткие упоминания о нем и богатыре Идне, чье имя содержится в названии памятника, довольно часто встречаются в фольклорных текстах об удмуртских богатырях. Первые сведения о нем как археологическом объекте наряду с другими чепецкими городищами содержатся в работах А.А.Спицына, отметившего, что огромный и богатый находками Иднакар с массивным культурным слоем наряду с Дондыкарским и Учкакарским заслуживает самого серьезного внимания исследователей 1889. С.104). Особенно важно его замечание об аналогичности процесса роста чепецких городищ с двумя валами развитию древнерусских городов (33, с.73-74).

В работе Н.Г.Первухина содержится первое обстоятельное описание памятника, включая сведения о топографии с указанием размеров, зарисовками очертаний площадки, продольного и поперечного разрезов, двух линий оборонительных укреплений, состоянии и содержания культурного слоя. Автор впервые публикует подробное содержание легенд и преданий о богатыре Идне, его родственных связях с другими богатырями, а также о сокровищах, якобы скрытых в подземелье у подножия городища.

Им же была собрана коллекция, хранящаяся ныне в Государственном историческом музее. Не менее интересно и его предположение о том, что Иднакар "...по своему положению составляет центр причепецких городищ" (26, с.66-70). Материалы Н.Г.Первухина огромного значения, предоставляя реальные возможности для увязки археологических материалов с историко-этнографическими.

Значительный интерес представляют материалы переписей, 1615, 1646, 1678 гг., и приведенные в одном документе итоги переписи 1629 г., собранные и опубликованные выдающимся историком П.Н.Лупповым (21). Весьма любопытно, что в материалах дозорной книги 1615 года приводится "Погост на городище Солдарском над рекою над Чепцою", где имелось 8 дворов (26, с.186) К 1646 году здесь находилось 16 удмуртских дворов (26, с.232). Позднее, в конце XVII в. упоминаются уже д.Солдарская и д. Старый Солдырь и указывается, что из Старого Солдыря в починок Сепычкарский переселилось 12 дворов (26, с.334.). По-видимому, в конце XVII - начале XVIII в. деревня Старый Солдырь на городище перестала существовать. Но название Иднакар сохранилось за современной деревней Солдырь как неофициальное.

Целенаправленные и систематические исследования чепецких памятников начались в 1920-е гг. По-видимому, именно сочетание археологических и фольклорных материалов определило интерес к ним московских ученых С.Г.Матвеева и А.П.Смирнова, приглашенных в 1924 г. в Удмуртию научным обществом "Боляк" (Соседство). Раскопки городищ проводились по характерной для того времени методике взаимно-перпендикулярных траншей, но тем не менее они предоставили значительный материал для хронологических определений, характеристики сооружений и вещевого материала, раскрывающего различные стороны культуры оставившего их населения.

На городище Иднакар исследования проводил С.Г.Матвеев в 1927 - 1929 гг. Траншея была заложена по центру вдоль площадки, включая линию внутреннего вала. Для выяснения характера обнаруженного вала вдоль его внутреннего и наружного склона были заложены еще две траншеи, перпендикулярные по отношению к первой. В отчете С.Г.Матвеева подробно описаны укрепления, вскрытые сооружения, проанализирована большая коллекция вещевого материала, датированная им X-XII, возможно, XIII вв. (24).

Не удивительно, что Иднакар наряду с другими городищами фигурирует и в серии работ А.П.Смирнова, опубликованных в довоенный период. В работе "Финские феодальные города" среди чепецких городищ он выделил Гукьякар, Иднакар и Учкакар, имеющих по два вала, расположенных друг от друга на значительном расстоянии, поддержал точку зрения А.А.Спицына о возведении второй линии валов и рвов в связи с необходимостью расширения площади с возрастанием населения (31). Он отмечал, что

городище Иднакар по внешнему облику, найденному там материалу и по преданиям являлось своеобразным племенным центром (32, с.37,170)

Впоследствии вещевой материал городища выборочно использовался в работах многих исследователей, обращавшихся к истории и культуре чепецкого населения конца I- начала II тысячелетия н.э., но вопросы о роли и значении самого памятника специально никто не рассматривал. По всей вероятности, мало известными оставались и материалы развернутого отчета, не введенные в научный оборот. В последующих публикациях карт археологических памятников Прикамья, Удмуртии и бассейна р.Чепцы площадь памятника указывалась в пределах среднего вала, не упоминались и сведения о внутреннем вале, который ныне не прослеживается (35, №194; 7, №150; 13, №50).

В дальнейшем систематические планомерные исследования продолжила Удмуртская археологическая экспедиция, созданная в 1954 г. под руководством В.Ф.Генинга. В 1957 г. разведочный отряд А.А.Семенова обследовал и городище Иднакар. Однако из-за дислоцирующейся на городище воинской части более значительные раскопки в те годы были невозможны. В 1962 г. на мысовой части небольшую площадь исследовала Г.Т.Кондратьева. К сожалению, отчет о работах не сохранился, достаточно обширная коллекция хранится в Национальном музее Удмуртии (№219).

Планомерные раскопки экспедиции Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН на Иднакаре начались в 1974 г. Первоначально раскоп был заложен на юго-западном углу мысовой части рядом с территорией современного кладбища. В целях предупреждения дальнейшего разрушения культурного слоя раскопки последующих лет планировались таким образом, чтобы исследуемая площадь пересекала всю площадку вдоль линии могил. Поэтому раскоп I расширялся сначала на север, затем на восток. Раскопы последующих лет привязывались к предыдущим по единой сетке. Раскопы, заложенные на других частях городища: близ среднего вала, на внутренней линии укреплений. Между валами (раскопы II, III, IV) имеют собственную систему разбивки.

Методика раскопок была основана на опыте археологических исследований средневековых поселений Удмуртии и в целом Приуралья с некоторыми коррективами. Раскопки велись условными участками 3х3 м. Учитывая аморфность культурного слоя и определенную сложность наблюдений за изменениями его характера из-за значительного перепада высот, большая роль отводилась вертикальным разреза. Бровки оставались между условными квадратами, и в значительной мере наблюдения за разрезами позволяли определить синхронность и хронологическую последовательность слоев. Выборка грунта производилась горизонтальными пластами толщиной до 20 см. При вскрытии сооружений или изменениях в слое выборка велась меньшими пластами по 5-10 см, но общая фиксация слоев и вещевого материала при этом сохранялась.

В первые годы раскопок вскрывались небольшие площади - в среднем 200 - 300 кв.м. И это обстоятельство в значительной мере затрудняло функциональную идентификацию вскрываемых объектов, поскольку в раскоп попадали только их части. К тому же смущал и значительный перепад высот. И лишь после изучения слоя на раскопе II, заложенном в средней части вблизи вала (1975 - 1977 гг.), где были вскрыты жилые сооружения, а также раскопок аналогичных жилищ на городище Гурьякар в 1979 г. (14), удалось определить их основные признаки. В дальнейшем идентификация сооружений была уже возможна по мере их вскрытия.

С 1988 г. появились возможности расширения масштабов работы. В 1988 г. была заложена траншея через внутреннюю линию укреплений, в 1989 г. параллельно велись работы по внутренней части городища, на оборонительных укреплениях и начались раскопки территории между средним и внешними валами. За 17 лет работы (1974 - 78, 1980 - 81, 83 - 84, 88 - 95 гг.) на Иднакаре вскрыто 7632 кв.м культурного слоя. В результате работ была обнаружена еще одна самая ранняя линия укреплений, выявлен характер слоя и сооружений на всех частях памятника, установлены принцип планировки поселения и особенности возведения укреплений, изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений, получена огромная коллекция вещевого материала, раскрывающая богатейшую культуру средневекового населения, различные стороны хозяйства и производственной деятельности, торговых связей. Особенно важное значение имеют наблюдения за стратиграфическим распределением сооружений и инвентаря, позволяющие рассматривать происходившие процессы в динамике.

Следует заметить, что в первые годы раскопок материалы Иднакара не выглядели особенно исключительными. Продолжение исследований диктовались угрозой его разрушения как современным кладбищем, так и организациями, занимавшими постройки, оставшиеся после воинской части. Однако после проведения сравнительно небольших раскопок на Гурьякаре и Восьякаре, обширных работ на ряде погребальных памятников, в том числе и могильника Чемшай (18), накапливающиеся материалы Иднакара приобрели качественно иную окраску и стали привлекать пристальное внимание многих исследователей. Исключительно интересными оказались результаты специального изучения остеологических, ботанических материалов, продукции металлургии и кузнечного ремесла, итоги которых уже нашли отражение в публикациях В.В.Туганаева и Т.П.Ефимовой (1982), А.Г.Петренко (1894, 1991) и О.Г.Богаткиной (1995), В.И.-Завьялова (1988, 1991). В 1993 г. были проведены геоботанические и флористические исследования, в результате которых обнаружили уникальные редкие растения, произрастающие на склонах мыса и окрестностях городища, нуждающиеся в специальной охране с выделением заповедной территории (Баранова О.Г., Ильминских Н.Г., Туганаев В.В., 1995).

Важное значение для расширения исследований на городище сыграло открытие значительного культурного слоя и сооружений между сохранившимися валами. Наряду с результатами углубленного изучения других категорий источников это позволило рассматривать Иднакар в контексте генезиса древнерусских городов лесной зоны. В связи с этим же в институте родилась идея создания электроразведочного комплекса для изучения культурного слоя неразрушающимися методами. С 1991 года городище Иднакар стало экспериментальной базой для совместных работ с сотрудниками Физико-технического института УрО РАН (г.Ижевск) по созданию полевого электроразведочного комплекса для изучения археологических памятников без вскрытия культурного слоя на основе электрометрических измерений (Алексеев В.А., Журбин И.В., 1994; Алексеев В.А., Журбин И.В., Зверев В.П., Иванова М.Г., Куликов К.И., 1995).

В настоящее время с помощью разработанного комплекса появилась возможность определения контуров объектов из прокаленной глины, камня, залегающих на разной глубине, очертаний ям, углубленных в материк. Учитывая особенности сооружений Иднакара, состоящих из площадки прокаленной глины каменных очагов и хозяйственных ям, появляется перспектива выявления общей планировки памятника в различные хронологические периоды. Но для получения максимальной информации о характере слоя, содержащихся в нем предметах из различных материалов и других включений необходимы дальнейшие исследования как в плане совершенствования методики, так и самого прибора.

Итак, в результате исследований выявлено, что городище было основано во втор. пол. IX в. на высоком мысу, выступающем в долину р.Чепцы, имеющем прекрасные возможности для контроля над окружающей территорией и дальнейшего развития. Первоначальная площадь, ограниченная валом и рвом длиной 102 м, составляла около 10 тыс. кв. м. Но площадка достаточно быстро оказалась застроенной жилыми, производственными и хозяйственными сооружениями, и уже в X в. появилась необходимость в расширении территории. Вторая линия укреплений длиной 134 м была возведена на расстоянии 74 м от внутренней. Площадь поселения достигла 20 тыс. кв. м и приобрела двухчастную структуру. В IX в. на расстоянии 130 м от среднего была возведена третья линия оборонительных сооружений длиной 129 м. Площадь достигла 40 тыс. кв. м. Средний и внешний валы отличаются от среднего отсутствием срубных конструкций и значительной мощностью в результате многократных расширений. Анализ стратиграфии оборонительных сооружений показывает, что с освоением третьей части поселения его двухчастная структура сохранялась. Не позднее XI в. внутренний вал утратил свое значение, верхняя часть его была срыта. В заполнении рва разместились производственные сооружения. В середине XIII в. жизнь на городище угасла.

Характер культурного слоя внутренней и средней части схож и достигает 100-120 см. В нем условно выделяются два основных горизонта. Нижний горизонт содержит материалы X-XI вв., верхний - XI - XIII вв. Но в нижнем горизонте внутренней части имеются серии материалов, которые начинают бытовать а Прикамье в конце I тысячелетия н.э. Поэтому есть основания считать, что внутренняя часть городища была заселена несколько раньше средней, по всей вероятности, во второй половине или в конце IX в. Планиграфическое распределение ранних вещей позволяет полагать, что первые сооружения были возведены вдоль центра внутренней части.

Культурный слой третьей части городища значительно меньше и составляет 30-55 см. По хронологии он соответствует позднему периоду внутренних структурных единиц. Обширная коллекция находок укладывается в хронологические рамки XI-XIII вв.

Детальное изучение всего комплекса источников, полученных на памятнике, убедительно доказывает, что уже ранний период функционирования Иднакар имел значение военно-оборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности. Но все же его эволюция была обусловлена преимущественно потребностями внутреннего развития. Относительная удаленность от междуречных торговых путей, с одной стороны, не способствовал активному включению в торгово-экономическую систему Восточной Европы, но с другой стороны - позволила в этот период сохранить относительную независимость и этническое своеобразие. Закономерным следствием внутреннего развития удмуртского общества в этот период являлось то, что в материалах Иднакара археологические признаки-критерии, определяемые для древнерусских городов, проявляются в ослабленной форме.

1. При развитом сельском хозяйстве, ремесле и торговле, все же не все виды ремесла получили достаточно высокое развитие, к примеру, гончарство оставалось на уровне ручной лепки, как показывало металлографическое исследование значительной серии ассортимента изделий, кузнечное ремесло не получило узкой специализации.

2. Основной планировочной и социальной единицей оставалось жилище с примыкающей ямой для хранения припасов, усадебная застройка не выявлена.

3. Нет монументальных сооружений культового назначения, религия оставалась языческой.

4. Нет явных свидетельств наличия письменности, хотя предметы, аналогичные древнерусским писалам, обнаружены.

Можно отметить и особенности в соотношении функций структурных частей поселений: внутренняя часть, соответствующая детинцу древнерусских городов, представляла собой не только резиденцию князя, но и центра ремесла (кузнечного, ювелирного, косторезного). Во второй период

функционирования поселения в конце XI-XIII вв. с застройки территории между валами, возможно, доля ремесленного производства и сократилась, но продолжала иметь место. Во второй пол. XIII вв. жизнь на Иднакаре, как и на других городищах, угасла, внутренние процессы развития были прерваны.

В связи с социальной типологией укрепленных поселений Прикамья весьма примечательны имеющиеся упоминания о городах в русских письменных источниках. В "Повести о стране Вятской" говорится о походе двух новгородских отрядов из городка в низовьях Камы на Среднюю Вятку. Один из них проследовал по Каме, пробрался по волокам в верховья р.Чепцы и "...вниз по оной плывуще, пленяюще отяцкие жилища и окруженные земляными валами ратию вземлюще, и обладающе ими,...внидоша в великую реку Вятку... и узревше на правой стороне на высокой прекрасной горе устроен град чудской. и земляным валом окружен,... называемой чудью **Болванский городок**... И приступише к тому граду вельми жестоко и сурово..., той крепкий град взяша воинским промыслом в лето 6689 (1181) месяца июля в 24 день... и побиша ту множество Чуди и Отяков, а они по лесам разбегашася..., и нарекоша той град Никулицын. От того обладания новгородцы начаша множитися...". В приведенном отрывке, по-видимому, отражен реальный процесс военного подчинения населения чепецкого бассейна (22, с.142). Но в контексте рассматриваемого вопроса представляет интерес упоминание о граде чудском, городке (в отрывке выделено мной. - М.И.).

Сейчас трудно судить, как выглядело Никульчинское городище до его взятия, финно-угорские материалы обнаружены только на небольшой части - Малом городище, но и в XIII-XV вв., в период функционирования здесь русского поселения, по мощности значительно уступают и две линии оборонительных сооружений.

В русских летописях с XIII в. как город упоминается и Арск (9, с.5-9). Арское городище расположено на подтреугольном мысу высотой 20 м и занимает площадь около 20 тыс. кв. м, укреплено валом и рвом. Ко времени взятия его войсками Ивана Грозного Арск был хорошо укрепленным городом с башнями, бойницами, в которых скрывалось до 15 тыс. человек. К сожалению, этот памятник разрушен современными постройками, археологически не изучен, поэтому и конкретные сопоставления затруднены. Тем не менее по приведенным сведениям рассмотренные выше аргументы о начавшихся здесь процессах градообразования представляются вполне правомерными.

Сравнительный анализ чепецких городищ в сопоставлении с памятниками финно-угорских этнических объединений значительно затруднен. К сожалению масштабы исследований подобных памятников ограничены. Раскопки производятся небольшой площадью, публикации далеко не полные, в лучшем случае проводится общая характеристика памятника, вы-

борочное описание вскрытых сооружений и вещевого инвентаря. По общему характеру чепецким безусловно близки синхронные родановские на Верхней Каме. Однако после развернутой публикации результатов изучения Родановского городища М.В.Талицким (1951), материалы верхнекамских городищ вводились в научный оборот преимущественно в работах информационного или обобщающего характера. Остались неопубликованными и чрезвычайно интересные материалы городища Анюшкар раскопок В.А.Оборина 1951 - 1955 гг.; представленные только в кандидатской диссертации (1957). Знакомство с материалами отчетов, информацией о результатах полевых исследований, а также личные наблюдения во время раскопок на городище Анюшкар (1991 г., раскопки Г.Т.Ленц и А.А.Терехина) убеждают в идентичности родановских и чепецких памятников по характеру и мощности культурного слоя, жилых и производственных сооружений. Но, к примеру, плотно заселенное небольшое по площади Роданово городище (2000 кв. м) возвышается над окружающей местностью всего лишь на 1,5 м, а близкое по площади и характеру чепецкое городище Весьякар (7200 кв. м) расположено на высоком мысу (42 м).

Иднакару более близок Анюшкар, хотя второй значительно уступает по площади (22400 кв. м), высоте мыса (12-18 м) и мощности оборонительных сооружений (2 линии вала шириной основания 7-12 м). Но по характеру и толщине напластований, расширению площади за пределы внутреннего вала, утратившего свое значение, наличию слоя за вторым валом он аналогичен Иднакару. В последние годы активизировались работы на Рождественском городище, которое рассматривается пермскими археологами как протогород (3). Судя по информации и выступлениям на региональных конференциях, их исследования идут по линии выявления признаков торгово-ремесленных поселков Северной и Восточной Европы: развитая торговля и ремесло, полиэтническое население, значительная роль дружинного сословия.

На территории расселения перми вычегодской аналогичных крупных укрепленных поселений нет. Небольшой площадью отличаются и средневековые городища Волго-Вятского междуречья (Никитина Т.Б., 1994). Мало-Сундырское городище, выделяющееся крупными размерами (52000 кв. м), высотой мыса (до 40 м), имеет небольшой культурный слой (до 50 см), укреплено одной линией укреплений (Хлебникова Т.А., 1967).

Среди мордовских памятников в качестве торгово-ремесленных центров выделяются Жуковское (Вихляев В.И., Халин В.В., 1977, 1978) и Федоровское (Мартьянов В.Н., 1976, 1977) городище, однако, объем материалов не сравним с полученными на Чепце.

Значительный интерес представляют материалы городища Крутик - открытого торгово-ремесленного центра веси (Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991). Правда, следует заметить, что площадь памятника соответ-

ствует первоначальной территории Иднакара (10000 кв. м), как впрочем и хронология (IX-X вв.).

И, наконец, по многим параметрам Иднакару ближе всего Сарское городище - племенной центр мери VIII-XI вв. Это и площадь поселения (2,7 га), развитие топографической структуры и усиление оборонительных сооружений, характер вещевого материала. По мнению А.Е.Леонтьева, здесь наблюдается тенденция к развитию городских черт, но посад не получил развитие, потенциальные возможности не были реализованы (Леонтьев А.Е., 1996). Материалы Иднакара, который был основан позже Сарского и функционировал до XIII в.; показывают, что факторы развития городских черт здесь выражены больше, но тем не менее они также завершения не получили. По всей вероятности, материалы городища Крутик, с одной стороны, Сарского и Иднакарского - с другой, отражают два пути развития поселений финно-угорских этнических объединений по линии формирования городских черт: открытых торгово-ремесленных поселков и укрепленных племенных центров, которые более отчетливо наблюдаются на материалах древнерусских городов лесной зоны. Но, как уже указывалось, у финно-угров процессы формирования городских черт завершения не получили.

Таким образом, приведенный краткий обзор показывает, что пример аналогичного памятника у других финно-угорских народов Поволжья и Приуралья привести трудно. По топографии и структуре ему близки некоторые городища на Верхней Каме, оставленные предками коми-пермяков, Сарское городище мерян, однако по степени сохранности, изученности, а следовательно, и возможностям историко-культурных реконструкций Иднакар значительно выигрывает.

Предварительные результаты отдельных исследований вводились в научный оборот в различных изданиях. В т.ч. и целом ряде зарубежных, некоторые итоги нашли отражение в тематическом сборнике, опубликованном в 1995 г. Сейчас уже ощущается настоятельная необходимость в комплексном анализе полученных источников, надеемся, что в ближайшее время систематизированные материалы будут опубликованы в отдельной монографии. Но раскопки на памятнике продолжаются, и каждый полевой сезон открывает новые виды источников и выдвигает новые вопросы. Думается, что многие категории источников (керамика, предметы резной кости, бусы, графические реконструкции сооружений и т.д.) потребуют еще дополнительных специальных исследований. В дальнейшем необходимо и специальное издание всей коллекции памятника. С расширением исследованной части реальны возможности более глубокого изучения социальной типологии жилых сооружений, социально-территориальной структуры поселения. Отдельным направлением исследований видится разработка семантики зоо-, орнито- антропоморфных изображений, системы орнаментации, представленной на уникальной коллек-

ции изделий резной кости. Хотелось бы надеяться на продолжение работ по внедрению неразрушающихся методов изучения культурного слоя с применением компьютерных технологий, создание баз данных.

Следует отметить, что все годы работы на Иднакаре были заполнены непрерывной борьбой за сохранение памятника. Как уже указывалось, продолжение исследований диктовалось угрозой его разрушения как современным кладбищем, так и организациями, занимавшими постройки, оставшиеся после воинской части. В 1989 г. в честь 90-летия видного археолога финно-угроведа Алексея Петровича Смирнова на городище был проведен I Всесоюзный полевой симпозиум, посвященный обсуждению проблем средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ведущие ученые страны, участвовавшие в его работе, признали, что Иднакар и ныне представляет собой великолепный эталон средневековой крепости лесной зоны, имеет исключительно важное значение для историко-культурных реконструкций и выразили большую тревогу за состояние его охраны.

И уже с этого времени началась систематическая работа по созданию эколого-археологического заповедника и музейного комплекса. В 1997 г. удалось добиться принятия Правительством Удмуртской Республики Постановления "О создании историко-культурного музея-заповедника Иднакар" и включения финансирования работ по его созданию в Федеральную целевую программу "Социально-экономического развития Удмуртской Республики на 1997-2000 гг." Впереди предстоит огромная работа по его созданию, и мы надеемся, что этот пока единственный музей средневековой культуры финно-угорских народов будет интересен и в полной мере будет решать все задачи, которые стоят перед учреждениями такого типа.

Примечания:

1. Алексеев В.А., Журбин И.В. Использование электрометрии для идентификации археологических объектов по их составу // РА, 1994, №3.
2. Алексеев В.А., Журбин И.В., Зверев В.П., Иванова М.Г., Куликов К.И. Некоторые итоги использования электроразведочного комплекса в исследованиях городища Иднакар IX - XIII вв. Ижевск, 1995.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Раскопки средневековых поселений в Верхней Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск. 1992.
4. Богаткина О.Г. Археозоологические исследования материалов городища Иднакар IX - XIII вв. // Материалы и городища Иднакар IX - XIII 1995.
5. Вихляев В.И., Халин В.В. Раскопки Второго Жуковского городища // АО 1977. М., 1978.
6. Вихляев В.И., Халин В.В. Жуковское городище // АО 1976. М., 1977.
7. Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.
8. Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX - X вв.). Петрозаводск, 1991.

9. Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по истории удмуртов в IX - XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.
10. Завьялов В.И. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I начале II тысячелетия н.э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988.
11. Завьялов В.И. Итоги и перспективы изучения кузнечного ремесла древних удмуртов // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1999.
12. Иванов А.Г. Средневековые памятники окрестностей Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск, 1995.
13. Иванова М.Г. Памятники чепецкой культуры (Материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э., Ижевск, 1979.
14. Иванова М.Г. Городище Гурьякар // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск, 1982.
15. Иванова М.Г. Городище Иднакар (Результаты исследований 1975-1977 гг.) Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985.
16. Иванова М.Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск, 1987.
17. Иванова М.Г. Производственные сооружения городища Иднакар // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988.
18. Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв.. Ижевск, 1992.
19. Иванова М.Г. Городище Иднакар IX-XIII вв.: Материалы исследований территории между валами (1989 - 1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар. Ижевск, 1995.
20. Леонтьев А.Е. Археология мери (К предыстории северо-восточной Европы. Ижевск, 1996.
21. Луппов П.Н. Удмурты в XV - XVII вв. Сб. документов. Ижевск, 1958.
22. Макаров Л.Д. Формирование территории Вятской земли в XII - XIV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.
23. Мартыанов В.Н. 1979. Федоровского городище // Труды Мордовского НИИ. Саранск, Вып.63, 1979.
24. Матвеев С.Г. Отчеты о раскопках в Глазовском уезде Вотской автономной области в 1925-1929 гг. Архив ИИМК РАН, ф.2, оп.1, №155, 156, 176, 177.
25. Никитина Т.Б., 1994. Средневековые городища Волго-Вятского междуречья: проблемы и перспективы изучения // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994.
26. Первухин Н.Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Т.II. М., 1896.
27. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.

28. Петренко А.Г. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Приуралья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.
29. Семенов В.А. Отчет об археологических разведках по правобережью р.Чепцы в Глазовском районе УАССР. // Отчет УАЭ под руководством В.Ф.Генинга за 1957 г. Архив ИА РАН, р-1, №1537.
30. Оборин В.А. Формирование этнической территории древних коми-пермяков // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991.
31. Смирнов А.П., 1931. Финские феодальные города // На удмуртские темы / УЗ НИИ народов Советского Востока. М. Вып.2, 1931.
32. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. №28, 1952.
33. Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. М. Т.1, 1893.
34. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Прикамья // МИА. №27, 1952.
35. Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. №22, 1951.
36. Туганаев В.В., Ефимова Т.П. Возделываемые культуры и их засорители // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск, 1982.
37. Туганаев В.В., Баранова О.Г., Ильминских Н.Г. Очерк растительного покрова района городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX - XIII вв. Ижевск, 1995.
38. Хлебникова Т.А., Результаты исследований Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // История, археология, этнография мари / Труды Марийского НИИ. Йошкар-Ола. Вып.6, 1967.
39. Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.
40. Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М., Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.

А.Ф.Кочкина

НЕКРОПОЛИ МУРОМСКОГО ГОРОДКА

Одним из признаков крупнейших городов домонгольской Волжской Болгарии является наличие нескольких городских кладбищ. Так, в Биляре известны 5 могильников, причем некоторые из них, в частности Билярский I, имели колоссальные размеры. Два могильника выявлены в Суваре. На Муромском городке в настоящее время обнаружены и частично исследованы 2 могильника. Что касается наличия третьего, то пока трудно говорить, был ли это отдельный могильник или являлся одной из частей I Муромского некрополя.

Могильники расположены вне укреплений городища на противоположных сторонах: один - на юго-западе, другой - на северо-востоке (рис.1). Муромский I могильник примыкает к укреплениям городища с юго-западной стороны (рис.1). Его протяженность вдоль городских стен составляет около 600 м. Протяженность к югу по меньшей мере 100-150 м, юго-западная граница могильника окончательно не установлена. Можно предположительно определить площадь могильника в пределах 10га. Могильник частично перекрывает поселение именьковской культуры - Муромское I селище. Он был обнаружен при отсыпке шоссе с.Валы - с.Жигули в 1973 г., тогда же проведены первые исследования Р.М.Ключниковой (Юнусовой). В 1975-77 гг. при раскопках на селище, предпринятыми САЭ под руководством Р.М.Ключниковой (Юнусовой) и Н.П.Салугиной, выявлено около 50 погребений, совершенных по мусульманскому обряду. Обобщая данные исследований, Г.И.Матвеева предположила, что наиболее ранняя часть могильника относится к концу XI в., а поздняя, которая территориально удалена от границ города, к XII в.. В 1999 г., охранно-спасательные раскопки, предпринятые непосредственно за оборонительными сооружениями городища, с северо-западной стороны упомянутого выше шоссе, позволили получить новые материалы для характеристики могильника, его соотношения с городищем и поселением именьковской культуры, датировки, особенностей погребального обряда. Исследовано 34 погребений.

Муромский II могильник выявлен в 1996 г. за северо-восточной окраиной городища. Он занимает площадку на мысу подтреугольной формы, заключенном между оврагами. На могильнике были предприняты охранно-спасательные раскопки трех погребений, которые располагались на дне прорытой траншеи. Судя по плотности захоронений траншеей могло быть уничтожено до 15 погребений. На исследованном участке (XXVII раскоп)

наблюдается следующая стратиграфия: I дерн - 4-5 см; II - светлый коричневато-серый крупноструктурный слабо гумусированный плотный суглинок, содержащий немногочисленные фрагменты круговой керамики; III - материк - желтовато-красная глина, прорезанная норами грызунов.

В 1999 г. раскопки были продолжены. К восточной стенке траншеи были прирезаны 6 квадратов, на которых были проявлены и исследованы 7 погребений. Все они выполнены по мусульманскому обряду. Оригинальной и своеобразной является деталь обряда - наличие в насыпи захоронений небольшого количества угля.

Насколько большим был этот могильник, пока судить трудно, возможно, он занимал, весь мыс. Время его функционирования до проведения широких исследований может быть определено предварительно. Отсутствие мощного культурного слоя на раскопанном участке, и сам слой - серо-коричневый суглинок, перекрывает практически все погребения и могильные ямы большинства погребений не фиксируется на фоне материка. Не исключено, что этот могильник является ранним и синхронен первоначальному периоду существования городища.

Г.М.Давлетшин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСЛАМИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА УЛУСА ДЖУЧИ И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

Этой проблеме посвящены некоторые труды Г.А. Федорова-Давыдова (13), А.Ю. Якубовского (3), М.А. Усманова (11), В.Н. Тизенгаузена (10), Р.А. Амирханова (2). Отдельные вопросы ислама и золотоордынского Булгара освещаются и в трудах А.П. Смирнова (8), А.Х. Халикова (14). Но данная проблема в целом остается неизученной. Мы в данной статье затрагиваем лишь некоторые аспекты этой большой темы.

Наличие в Золотой Орде древних культурноразвитых мусульманских центров (Хорезм, Крым, Северный Кавказ, Булгар и др.) способствовали выбору мусульманской религии. Какова же роль булгар в этом? Пока ответить на этот вопрос трудно. Проблема нуждается в конкретном исследовании. Но интересен тот факт, что в Золотой Орде распространение ислама шло примерно тем же путем, что и почти 400 лет тому назад в Булгаре.

Как и в домонгольской Булгарии ислам в Улусе Джучи принимался из Бухары, в данном случае конкретно от Сейф ад-дина Бахарзи (ум. 1261 г.), ученика Наджм ад-дина ал-Кубра (1145-1221гг.), основателя суфийского братства Кубраийа (10, 245, 379). Похоже, впоследствии Наджм ад-дин Кубра становится духовным отцом всего мусульманства Булгарии. Позже, в Ургенче в 1321—1333 годах на его могиле сооружается великолепный мавзолей. А.Ю. Якубовский отмечал поразительное сходство “более того, тождество как в технике, так и в орнаменте майолик Наджм ад-дина Кубра и расписных изразцов из Булгар” из Ханской усыпальницы (15, с.54—56). Ханафитский толк ислама, что характерно регионам Средней Азии, нашел отражение в монетах, ханских ярлыках и даже личных именах. Ханафитами были ханы Улуса Джучи. Однако сохранение избранного ханафитского толка, в связи наплыва в центральные города Улуса Джучи с разных концов мусульманского мира, стало проблематичным. В г.Сарае собрались ученые богословы разных толков ислама — шафииты, маликиты, ханбалиты. В Сарае одна из 13-ти соборных мечетей была шафиитской (10, с.306). Это все свидетельствует об остроте религиозной идеологической борьбы в обществе. Да и демонстративное подчеркивание отдельных золотоордынских просвещенных людей, принадлежность тому или иному толку ислама в своих длинных именах говорит об этом. Например, в имени известного булгарского ученого XIV в. Бурхан ад-дина Ибрагим ибн Хозыра ал-Булгари ал-Ханафи (5, с.81).

Тема “толки (партии) в исламе” в то время была достаточно популярной в богословской литературе. Например, упомянутый болгарский ученый XIV в. Бурхан ад-дин Ибрагим ибн Хозыр ал-Булгари ал-Ханафи в 1350 году творчески переписал книгу Хосам ад-дина Акситани “Начало мусульманских партий”. Вроде противостояние отдельных толков ислама прослеживается и в археологических материалах. Например, на перстне, найденном в Булгаре в 1966 г., припаяны из проволоки слова “Да будет вечен Али” (9). А вот в надписи “Мухаммед Али” на перстне из Сарая прослеживается как бы попытка объединить, согласовать два толка ислама — суннитов и шиитов.

После принятия ислама ханом Берке в 661 г. (1262-1263 гг.), как и болгарским царем Алмышем в 921 г., к багдадскому халифу было направлено в мамлюкский Египет к султану Бейбарсу посольство с официальным извещением о принятии многими знатными монгольскими родами ислама (10, 96-99). Возможно, такие совпадения не случайны. И роль волжских болгар в принятии ислама золотоордынскими ханами была значительной.

Ислам, принятый при хане Берке, становится государственной религией. Берке хан выполнил все ритуалы официального принятия ислама. Именно ко времени его правления относится строительство соборной мечети в Болгаре. Последний так же можно рассматривать как один из актов официального принятия ислама. Правда, в исторической литературе принято связывать официальное принятие ислама с именем Узбек хана.

Однако в данной проблеме исследователи мало обращают внимание на уточнение таких вопросов, как, что же подразумевается под понятиями “официальное принятие ислама”, “становление его официальной, государственной религией”. Часто это отождествляется с принятием ислама подавляющим большинством населения. По нашему мнению, в эпоху средневековья религия становится официальной, государственной тогда, когда она принимается официальной властью и свои политические действия обосновывает религиозными канонами. Статус религии может измениться со сменой монарха. Так после смерти Берке хана его преемники не были готовы принимать ислам. Они (Туда Менгу - 1282-1287гг., Гиясетдин Токта - 1291-1312гг. и др.) поднимаются на престол будучи язычниками. Правда, и при них не прерывается оживленная связь с Египтом. Этот могущественный, авторитетный центр играл значительную роль в исламизации государства. В 1283 году Туда Менгу в Каир посылает посольство с письмом. В письме говорится о принятии ханом мусульманства, об установлении в своей стране мусульманских порядков после его воцарения. Он просит у халифа нарекать его мусульманским именем, прислать знамя и горны в борьбе против своих врагов (10, с.362). Все это распространное, давнее традиционное явление в мусульманском мире. Вспомним, после прибытия багдадского посольства в страну болгар, царь Алмыш нарекается мусульманским именем (хотя он еще до этого имел

его), вручаются знамена. Это атрибуты обряда официального признания правителя и его страны мусульманской. Все это говорит об усилении ислама и после Берке среди монголо-татар и кыпчаков.

Но ислам в Улусе Джучи, особенно в кочевых степях, распространялся долго, с большим трудом. Поэтому среди кочевников он укрепился лишь силовыми методами. В 1312 г. при Мухаммед Узбек хане он снова становится официальной государственной религией.

Ислам в домонгольской Волжской Булгарии был периферийным. Великий Бируни охарактеризовал болгар как “единственный народ, оторванный от коренных стран ислама”. В эпоху Золотой Орды этого почти не стало. Между старыми центрами ислама и Булгаром, в степях, выросли мусульманские города.

Принятие ислама в центрах Улуса Джучи, как официальной религии, оказалось благотворным и для старых мусульманских центров. Позиция мусульманства в Волжской Булгарии в это время усиливается. Она и в золотоордынский период остается “самым северным форпостом мусульманского мира” (В.В. Бартольд). Булгары распространяют ислам и среди своих соседей - башкир (8, с.54), определенной части финноугорских народов (5, т.1, с.31). Многовековые (более 400 лет) традиции ислама в Волжской Булгарии были очень сильны. Не зря фламандский монах Гильом де Рубрук, побывавший в 1253 г. в Булгаре, с раздражением писал о том, что “Булгаре - самые злейшие Сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой” (6, с.103). Наличие на далеком севере сильного центра ислама, удаленного от других центров мусульманского мира, продолжало удивлять ревнителей ислама. Поехать из центров мусульманского мира туда, помочь единоверцам в делах религии, просвещения, считалось святым долгом, определенным подвигом. Об этом говорится в татарском баите “Шәһри Болгар әүлияләре” (“Святые города Булгара”).

Шәһри Болгар мәжәвирләре каршы чыгып алалар,
Ихлас берләң барганнар хаж савабын алалар.

(Дервеш-хранители склепов города Булгара встречают у ворот. Кто приходит сюда от души, чистосердечно, получит вознаграждение такое, какое бы они получили за совершение хаджа). Или:

Әчтерханнан, Омнан, Томнан килә хажилар тупланып,
Хажилар төмам жыелгач, бар да китә хушланып.

(Из Астрахани, Омска, Томска, идут группами хаджи. Когда соберутся все, всем становится радостно).

Кроме этого, в этих байтах прослеживается древнетюркский культ предков, почтительное отношение к родной истории. В большом почете была служба дервишей-хранителей склепов. О такой службе у склепов на горе Балынгуз около Биляра пишет путешественник XVIII в. Н.П.Рычков

(12, с.20). Такую почетную службу нес и Мухамедьяр — великий поэт Казанского ханства. Погибшие болгарские города были в большом почете у татарского населения. Они стали местами паломничества. Функционировала и служба охраны руин, склепов в этих городах и служба приема паломников. Археологи-булгароведы тоже писали, что “около мусульманских святынь (г.Булгара. — Г.Д.) оставались верующие, бережно охранявшие развалины” (1, с.6).

Правда, с усилением проникновения в Волжскую Булгарию, особенно кочевых этносов, происходит просачивание языческих элементов. Результат этого процесса фиксируется и археологически. Это отступление от канонов ислама в погребальных обрядах в центре и новых, восточных землях. Например, такое мы наблюдаем в Такталачукском могильнике, исследованном Е.П.Казаковым (4). А также, например, находками — изображениями монгольских ильтаханов (антропоморфных фигурок, вырезанных из медной пластины). Они найдены в надмогильном кирпичном сооружении на кладбище Болгарского городища недалеко от Малого минарета (12). Они обнаружены также в нижневолжских золотоордынских городищах и селищах. Но, несмотря на отдельные вспышки язычества, в целом ислам остается господствующей религией. Новые веяния язычества не могли уже создать новые проявления исламского - языческого синкретизма, что было характерно для домонгольского периода. Противостояние язычества и мусульманства завершилось. Оно ознаменовалось окончательной победой последнего. Ислам в Булгаре оказался и под покровительством центральных властей Улуса Джучи.

Углубление исламизации, частая нестабильность в болгарском обществе, в основном связанные социально-политическими потрясениями в центрах Джучиева Улуса, и характер ислама в золотоордынском обществе способствовали усилению позиции суфизма и Волжской Булгарии. Появление болгарских надгробных памятников с эпитафиями, постройка мавзолеев-дюрбе, усыпальниц, погребения умерших около мечетей связаны с суфизмом. В рамках канонического ислама суфизм получил даже официальный статус и его представители пользовались широкими правами (2). В этом отношении интересно назначение одного из монументальных архитектурных памятников Болгарского городища “Черной палаты”. По мнению ряда ученых это сооружение была ханака — пристанище странствующих суфиев-дервишей. Подобные белокаменные и кирпичные здания мавзолеев были возведены на могилах знати, суфиев в древнем Наровчате (Мордовии), на горе Балынгуз севернее Биляра и недалеко от Уфы - мавзолеи-кешене Турахана и Хусаин-бека (14, с.146-147).

Ислам имел господствующее положение в обществе и культуре. Он был ядром в духовной культуре того мира, который в культурно-идеологическом значении принято называть мусульманским.

Примечания:

1. Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века. — М: Наука, 1970.
2. Амирханов Р.М. Татарская социально-философская мысль средневековья (XIII – середина – XVI вв.). Казань, 1993.
3. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая орда. Л., 1941.
4. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.
5. Мгрўани Ш. Містафадел-гхбар фи гхвали Казан вг Болгар. –Казан, 1885. — 1 т.; 1887. – 2 т.
6. Путешествия в восточные страны П. Карпини и Г. де Рубрука. Алматы, 1993.
7. Рычков Н. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб, 1770.
8. Смирнов А.П. Волжские болгары. // Труды ГИМ. М., 1951.
9. Смирнов А.П., Янина С.А. Находки редких золотых перстней в болгарях // СА, 1967. - №3.
10. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинения арабских, т.1. Спб., 1884.
11. Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева Улуса и мусульманского духовенства в татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
12. Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
13. Федоров-Давыдов Г.А. Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья // Новое в советской археологии. М., 1965.
14. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994.
15. Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча. Л., 1930.

ЕЩЕ РАЗ О МОГИЛЬНИКЕ “БАБИЙ БУГОР”

История изучения могильника и историография вопроса о времени его функционирования, характере погребального обряда и этнической принадлежности насчитывает более ста лет. Однако, эти вопросы и по сей день остаются открытыми, что заставляет нас снова обратиться к этой теме, используя новые данные по раскопкам средневековых могильников, как на территории Болгарского городища, так и за его пределами в первую очередь Средневожского региона.

Могильник занимает сильно выступающий мыс верхней волжской террасы к западу от центральной площадки Болгарского городища. Местное население называет это урочище “Бабьим Бугром”, где издревле молодые женщины водили хороводы. Первые упоминания о нахождении на этом месте древнего могильника относятся к середине прошлого столетия (4, с.138). В 1869 г. П.Ф.Лесгафт и Э.Д.Пельцман проводят на памятнике небольшие раскопки разведочного характера (16, с.20; 10, с.63). Более масштабные исследования на Бабьем Бугре проводятся Н.Ф.Высоцким и Н.М.Малиевым в 1880 году, где ими было изучено более двухсот погребений (5). В 1913 г. эти исследования были продолжены М.М.Хомяковым, вскрывшим на Бабьем Бугре еще около 100 захоронений (21). Однако, несмотря на внушительные масштабы этих раскопок, уровень их проведения и публикация полученных материалов не давало полного представления о характере погребального обряда данного могильника и его этнокультурной принадлежности. Только в советский период археологические раскопки на Бабьем Бугре принимают научный и планомерный характер.

Так, в рамках Куйбышевской археологической экспедиции под общим руководством А.П.Смирнова в течение двух полевых сезонов (1947-1948 гг.) А.М.Ефимовой производились раскопки на Бабьем Бугре. На относительно небольшой площади более 240 кв.м ею было изучено 218 погребений стратиграфически и хронологически относящиеся к домонгольскому и золотоордынскому периоду жизни г.Болгар (7).^{*} По мнению автора раскопок, погребальный обряд средневекового некрополя характеризуется, в целом, мусульманскими чертами с включением языческих пережитков, а население, оставившее могильник на Бабьем Бугре, являлось местным болгарским, финно-угорских истоков (7,8).

^{*} К сожалению, в публикации не дана разбивка погребений по выделенным этапам.

С этим мнением была не согласна Е.А.Халикова, считавшая, что такие признаки, как: небольшая глубина захоронений, простая могила без дополнительных устройств, использование гробов и западная ориентация погребенного не могут быть, как отмечала А.М.Ефимова, типично болгарскими и тем более мусульманскими, являясь общераспространенными в погребальной практике многих народов, придерживающихся монотеистических или иных идеологических воззрений (19, с.207). Основываясь на материалах раскопок средневековых мусульманских некрополей Волжской Булгарии, Е.А.Халикова пришла к выводу, что главным условием для выделения мусульманского погребального обряда на археологическом уровне является направление лица умершего к Мекке и полное отсутствие вещевого или погребального инвентаря в могиле (20, с.49). Отсутствие у большинства погребенных на Бабьем Бугре направления лица к югу, т.е. к Мекке и нестабильное положение верхних и нижних конечностей позволило Е.А.Халиковой считать, что большая часть погребений на этом могильнике не могут относиться к мусульманским, как не могут они относиться и к языческим из-за их безинвентарности (19, с.208). По ее мнению, некрополь на Бабьем Бугре, исходя из близких аналогий по погребальному обряду и антропологическому типу со средневековыми христианскими кладбищами Подонья и Северного Кавказа, является христианским и оставлен пришлой группой населения — аланами или славянами (19). Таким образом, мнения ученых в интерпретации памятника — его погребального обряда и этнической принадлежности — разошлись. Кто прав?

В последние годы на Болгарском городище нами открыт и исследуется Усть-Иерусалимский могильник, расположенный, также как и могильник на Бабьем Бугре, на мысовидном выступе верхней коренной террасе, образованного при слиянии Большого и Малого Иерусалимского оврагов. За четыре года на относительно небольшой площади более 300 кв.м было изучено 133 погребения. Исследованная часть могильника датируется второй половиной XIV в. (могилы прорезали культурный слой поселения раннезолотоордынского времени). Некоторые черты погребального обряда этого памятника находят близкие аналогии с обрядом захоронения на Бабьем Бугре. Это, в целом, небольшая глубина могил, имевших, в плане, подпрямоугольную форму, отвесные стенки и ровное дно; использование гробовищ различных конструкций (рама, колода, сруб и т.д.) не скрепленных гвоздями; рядность в расположении могил, образующих семейно-родственные группы, западная ориентация костяков и почти полное отсутствие сопровождающего инвентаря, то есть те признаки погребального обряда не несущие этнокультурной нагрузки. В то же время, имеется ряд специфических черт, объединяющих эти памятники. Во-первых, чрезвычайная плотность залегания могил, образующих двух-трех ярусное расположение, наличие парных и впускных захоронений. Во-вторых, наличие скорченных костяков на правом или левом боку, положение

рук перед лицом и направление лица к северу. Но наиболее примечательно то, что на этих могильниках имеются вторичные погребения и погребения со следами обезвреживания умершего, касающихся, главным образом, женских или детских захоронений. Следует отметить и такую деталь погребального обряда, как наличие в засыпи могил изделий из цветного и черного металла чашевидной формы. По-видимому, не случайным является и нахождение золотоордынских монет в верхних горизонтах заполнения могил (Бабий Бугор — 5 случаев, Усть-Иерусалимский — 1 случай).

И последнее, среди черепов Усть-Иерусалимского могильника предварительно можно выделить мезо-долихокранную группу с резко выраженными европеоидными признаками, то есть, тот антропологический тип, который превалировал в краниологической серии из могильника на Бабьем Бугре.

Но, несмотря на определенную близость в погребальном обряде, между этими памятниками наблюдаются и определенные различия. Эти различия касаются, в основном, положения погребенного в могиле (см. табл.1).

Таблица 1

Сопоставление некоторых элементов погребального обряда
“Бабьего Бугра” и Усть-Иерусалимского могильника
(в процентном соотношении к числу прослеженных случаев)

признак могильник	Б.Бугор	Усть-Иерусалимский
Наличие деревянных конструкций в могиле	21.1	27.0
Ориентация погребенного		
З (255-285°)	55.5	23.7
ЗЮЗ (255-225°)	23.0	56.1
ЮЗ (225-195°)	-	14.9
ЗСЗ (285-315°)	18.3	4.4
СЗ (315-345°)	3.2	0.9
Положение лица		
на восток (перед собой)	6.6	9.4
на север	60.7	7.3
на юг	32.7	73.9
вверх	-	9.4
Положение рук		
обе в области грудной клетки или живота	41.3	7.7
обе на тазовых костях	31.7	8.8
обе вытянуты	-	5.5
правая - вдоль, левая- на таз или грудь	3.2	47.3
левая - вдоль, правая- на таз или грудь	7.9	1.1
иное	15.9	27.6

Если для погребений на Бабьем Бугре характерно вытянутое положение на спине, западная ориентация, направление лица к северу и расположение верхних конечностей на груди или на тазовых костях, то для погребенных на Усть-Иерусалимском могильнике характерна несколько иная комбинация признаков — вытянуто на правом боку; западная ориентация с отклонением к югу сочетается с поворотом лица вправо, т.е. к югу или юго-востоку; правая рука, как правило, располагается вдоль корпуса, а левая — либо уложена на таз, либо покоится в области живота. Таким образом, в погребальном обряде Усть-Иерусалимского могильника мусульманские черты выражены более отчетливо, чем на Бабьем Бугре. Чем это вызвано?

На наш взгляд, одной из причин этих различий является разновременное функционирование этих памятников, отражающие разные стадии единого процесса — перехода от язычества к мусульманству. Если могильник на Бабьем Бугре маркирует начало этого процесса, протекавший со второй половины домонгольского периода и, судя по монетному материалу из засыпи могил, до начала XIY столетия, то погребальный обряд Усть-Иерусалимского некрополя указывает на его завершение в позднезолотоордынский период, т.е. в сер. XIV - нач. XV вв. Не исключено, что население, оставившее эти могильники было многокомпонентным как по происхождению, так и по культурным традициям. Интерпретировать эти различия, как этнические, довольно затруднительно, так как мусульманский погребальный обряд нивелирует их, особенно на археологическом уровне. Однако, фиксируемые нами отклонения от классических норм погребальной обрядности, в данном случае мусульманских, могут наметить связи с каким-либо конкретным этносом.

Так скорченное труположение на правом или левом боку и нахождение кистей рук перед лицом является характерной чертой для мордовских средневековых могильников, главным образом мокшанских (З, с.75).

Лопастные сьюльгамы, считающиеся типично мордовским украшением, встречены в захоронениях на Бабьем Бугре и Усть-Иерусалимском могильнике* (З, с.75 и сл.). С Болгарского городища известно более 30 бронзовых сьюльгам со спиральными и лопастными концами (15, с.199). Интересно нахождение в засыпи могил обоих памятников небольших металлических чаш и чугунного котла, перевернутых вверх дном. Аналогичные чашки, серебряная и медная, обнаружены в захоронении Елизавет-Михайловского мордовского могильника IX-X вв. (раскопки П.П.Иванова 1928 г., материалы Моршанского музея). Медные, клепанные котелки имелись в составе погребального инвентаря Аткарского могильника (12, с.185; 11, с.88). Все эти предметы связаны либо с обрядом заупокойной пищи, либо с поминальной тризной и, возможно, являются специфической деталью

* Раскопки Б.А.Адлера в 1920 году.

языческого погребального обряда финно-угорских народов, в том числе и средневековой мордвы. Специфичен также и обряд обезвреживания умершего, прослеженный нами, в различных его проявлениях (разрушение грудной клетки, отчленение черепа или нижних и верхних конечностей) в захоронениях Усть-Иерусалимского могильника (6, с.31). Вероятно, с этим же обрядом следует увязывать те погребения на Бабьем Бугре, отмеченные А.М.Ефимовой как вторичные или со смещенным костяком (7, с.192-193). Данный обряд был широко распространен у многих народов, но наиболее близкие аналогии имеются, опять таки, в средневековых мордовских могильниках: Муранский, Аткарский, Комаровский и др. (2, с.296 и сл.; 11, с.84, 88; 13, с.98). Эти памятники объединяют не только географическая привязанность к Волге и синхронность в функционировании, но и общие черты в обряде обезвреживания. Возможно, данный обряд возник у мордовских племен под воздействием южных соседей, в первую очередь, лесостепного населения салтово-маяцкой культуры (14, с.80; 18, с.53-60). Не исключено, что болгаро-аланское население хазарского каганата контактировало с мордовскими племенами и на генетическом уровне, придав последнему более европеоидную окраску среди поволжских, финноязычных групп (1). Вспомним, что антропологический тип населения, оставившее могильник на Бабьем Бугре также указывает на его юго-западные истоки (9, с.67).

Таким образом, соглашаясь со мнением А.М.Ефимовой “о мусульманском характере погребального обряда на Бабьем Бугре”, отметим, что он отражает начальную стадию мусульманизации каких-то групп населения, вошедших в состав Волжской Булгарии во второй половине домонгольского периода. Не исключено, что приток нового населения происходил и позднее, вероятно, уже в золотоордынское время. Одной из этих групп могла быть средневековая мордва-мокша. Не следует отрицать и болгаро-аланский элемент в погребальном обряде и антропологическом типе населения, оставившего могильник на Бабьем Бугре. Наш вывод не оригинален, а лишь, более аргументировано подтвердил мнение А.П.Смирнова о том, что кладбище на Бабьем Бугре дал смешанный болгаро - мордовский комплекс (17, с.304).

Примечания:

1. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969.
2. Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА, № 42, М., 1954.
3. Алихова А.Е. Хронологические и племенные отличия в культуре мордвы // СА, 1958. № 2.
4. Березин И.Н. Булгары на Волге // Ученые записки Казанского университета, 1852, кн.ИИИ.
5. Высоцкий Н.Ф. Очерки антрополого - этнографические исследований, произведенных в течение лета 1880 г. // Труды общества естествоиспытателей. Казань,

1881, Т.Х., В.З.

6. Газимзянов И.Р. Исследования Усть-Иерусалимского могильника на территории Болгарского городища // Тезисы конференции: “Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья”. Болгар, 1998.
7. Ефимова А.М. Могильник на Бабьем Бугре городища Болгары // МИА, № 80, М., 1960.
8. Ефимова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгары // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
9. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья // М., 1991.
10. Известия Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1878/79 гг. // М., 1880. Т.ХХХI.
11. Ляхов С.В. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII-XVI вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997, вып.2.
12. Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991.
13. Моржерин К.Ю. Комаровский грунтовой могильник XIII-XIV вв. на р.Сердобе // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997, вып.2.
14. Плетнева С.А. От кочевий к городам // М., 1968.
15. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
16. Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей, 1869-1870 // Казань, 1870.
17. Смирнов А.П. Об этническом составе Волжской Булгарии // Новое в археологии. М., 1972.
18. Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата // Волгоград, 1993.
19. Халикова Е.А. О могильнике “Бабий Бугор” в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
20. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X - начала XIII вв. Казань, 1986.
21. Хомяков М.М. Отчет М.М.Хомякова о раскопках в Болгарах летом 1913 г. // Протокол общих собраний ОАИЭ при Казанском университете за 1914. Казань, 1915.

А.М.Губайдуллин

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ФОРТИФИКАЦИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Вопросы фортификации средневековья, в силу своей недостаточной изученности, довольно актуальны до сих пор. Не является исключением в данном аспекте и история военного зодчества Урало-Поволжья, а точнее Волжской Булгарии и Казанского ханства. Если для первой многие проблемы давно уже решаются, то для второго тема касающаяся оборонительных сооружений чрезвычайно малоизучена и требует внимательного рассмотрения. Несомненно, что с развитием военной техники, тактики и стратегии осады и обороны крепостных сооружений не могли не происходить изменения в фортификации. Одной из задач исследователей и является выявление, а также осмысление этого. Именно в эпоху Казанского ханства дерево-земляные сооружения достигают пика своего развития. Однако, принцип “разумной достаточности” сохранялся в фортификации и в этот период времени.

На сегодняшний день относительно хорошо известны укрепления Чаллынского (1, с.24-27; 2, с.81-83; 3, с.140), Камаевского городищ (1, с.24-27; 4, с.16; 5, с.135-137), а также, частично, Казани (3, с.14; 6). Имеются некоторые сведения и по крепостным сооружениям Арского городища (6, с.41, с.102; 7, с.480; 8, с.508; 9, с.12). На основе рассмотрения этого материала можно сделать некоторые предварительные выводы.

Чаллынское городище в исследуемый период времени имело четыре линии обороны (рис.1). Первые две представляли собой ряды частокола, третья (основная) - крепостную стену, построенную в виде городней, четвертая (внутренняя) - частокол. Последняя, по-видимому, несла функции дополнительной защиты в случае захвата противником главных укреплений. Она служила для укрытия обороняющихся и обстрела внутренней стороны основного вала. В более поздние времена данный тип получил название “абшнит”. В свою очередь, сама главная насыпь была покрыта панцирем, сложенным из крупных известняковых камней, причем по верху он шел в три ряда. По словам местных жителей его разобрали в 30-х гг. XX века для строительства дороги. Чаллынское городище не было рядовым поселением в эпоху Казанского ханства. Об этом, в частности, может говорить его сложная и дорогостоящая система укреплений. Не случайно также, что Чаллы были и одним из последних оплотов сопротивления русским войскам вплоть до 1556 г.

Не менее интересный памятник для нашего исследования - Камаевское городище. Возникшее не раньше конца XIV - нач. XV вв., оно играло важную стратегическую роль в Заказанье, доминируя над долиной р.Казанки и контролируя ее русло. Не смотря на продолжающееся изучение фортификации городища, мы уже имеем представление об основных ее элементах. С напольной стороны памятник огражден двумя валами и рвом между ними. Археологическими исследованиями было определено, что по верху внешнего вала был установлен частокол (4, с.16), а внутренняя линия состояла из городней, заполненных землей (5, с.135-137) (рис.2). Последнее, кстати, подтверждается и сообщением Никоновской летописи (6, с.41). С юга стрелка мыса, на котором находится памятник, перегорожена дополнительными укреплениями в виде вала со рвом. Кроме того, с внешней стороны рва имеется еще одна невысокая отлогая насыпь, устроенная в виде гласиса. Н.Ф.Калининым в 1957 г. был изучен вал и, частично, ров этой линии обороны. Им выявлены следы каких-то сгоревших конструкций, установленных на эскарпе (надолбы?) (10).

Во все времена одним из важнейших узлов обороны любой крепости являлись ворота. Это наиболее уязвимое место в системе фортификационных сооружений всегда стремились защитить как можно более лучше. Не составляет здесь исключения и основной проезд на Камаевском городище. Еще Н.Ф.Калинин отметил систему въездов на площадку поселения с восточной стороны и западной, вдоль обрыва (10, с.139). Эти дороги были вырублены в известняке, из которого сложен мыс, причем первая представляет собой лишь неширокую тропу, а вторая - пологий пандус в среднем 4-5 м шириной.

Нашими исследованиями определено, что поверхность последнего состояла из плотно утрамбованного мергеля, что, возможно, являлось наилучшим предохранением от скольжения. Кроме того, каждый поднимающийся на площадку городища у самого верха дороги попадал в узкий (до 2,5-3 м) коридор, состоявший из столбовых конструкций. По-видимому, он представлял собой предворотный въезд, устроенный в виде перибола.

Здесь налицо сложный комплекс фортификационных сооружений, вобравший в себя многие достижения военно-инженерной науки. На примере Камаевского городища видна связь и преемственность в военном зодчестве на протяжении нескольких сотен лет. Свообразным же венцом крепостного строительства того периода времени можно назвать Казань. Не случайно в “Казанской истории” написано: “Поэтому и обрели казанцы немалую силу и ничего не боялись, хотя бы и все окрестные царства, соединившись, поднялись и выступили против них, ибо крепок был их город” (6, с.100).

До сих пор, однако, точно не определено, что из себя представляла фортификация Казани. По русским источникам известно: посад города ограждал острог (6, с.26). Была ли его стена устроена в виде тына с бое-

вой площадкой, частокола или городней - пока не известно. Сами же летописцы обычно путают различные термины, касающиеся оборонительных укреплений. В связи с этим, у исследователей часто возникают трудности в интерпретации тех или иных названий. Мы можем лишь предположить, что это была тыновая ограда. Правильно это или нет - покажет будущее изучение Казани.

Более точно судить об облике стен возможно только применительно к основной крепости. Русские источники говорят о тарасах великих, заполненных землей (6, с.42) толщиной в три и семь сажень (6, с.100). Тарасы - наиболее передовой тип оборонительных сооружений того времени (рис.3, А-Б)*. Их внутрстенное пространство, забитое землей и камнями, залитое речным илом, являлось серьезным препятствием для пушечных ядер и камнеметных машин. Возможно, именно такой участок стены был вскрыт нами в северо-западной части Казанского кремля. Судя по остаткам сгоревших бревен (диаметр около 40 см), один их ряд шел вдоль края кремлевского мыса, а другой перпендикулярно примыкал к нему с внутренней стороны. Последний, однако, не был сделан в виде сплошной стенки. Зазор между бревнами составляет 35-40 см. Не исключено, что данная конструктивная деталь препятствовала давлению грунта на внутреннюю и внешнюю стены, а также не ослабляла толщину как первой, так и второй в местах врубки. Особенностью же тарас можно назвать их обязательную установку на преимущественно ровной поверхности. Поэтому, вдоль различных склонов (например, в районе Тайницкой башни Казанского кремля) должны были строиться крепостные стены в виде городней, также, возможно, заполненных землей. Кроме того, существовали над теми и другими крытые боевые ходы, снабженные не только бойницами для горизонтальной стрельбы, но и для вертикальной. Последние были выполнены в виде обломов (6, с.41), рода машикулей в деревянном крепостном зодчестве, через которые бросались камни и бревна, лился кипяток и сыпался раскаленный песок.

Открытым остается вопрос о форме башен в эпоху Казанского ханства. Археологическими исследованиями пока достоверно не выявлены их остатки. Возможно, они имели 4-х - 8-ми гранную или круглую форму, т.к. облик башен диктовался не только месторасположением и функциональным назначением. Многие зависело и от использованного при строительстве материала - дерева (рис.4) или камня.

Таким образом, используя имеющиеся сведения, мы попытались подойти к рассмотрению той сложной картины, которую представляла из себя фортификация Казанского ханства. Думается, что многие проблемы найдут свое решение в будущем, например, вопрос, касающийся времени возникновения каменных крепостных стен Казани. На наш взгляд, яв-

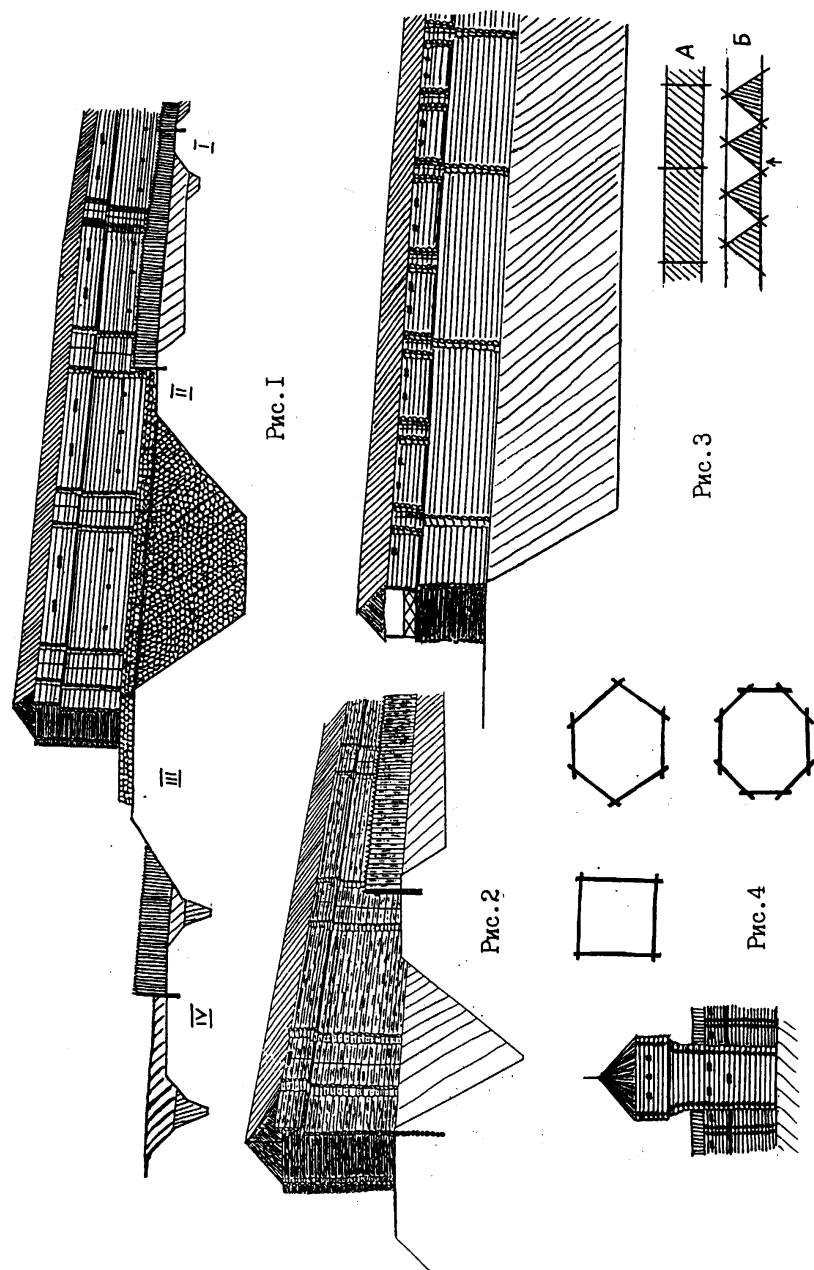
* Тараса - участок двухсрубной стены между двумя поперечными стенами, заполненный землей.

ляется перспективным не только изучение памятников военного зодчества XV-XVI вв. и поиск новых, но и прослеживание связей и взаимовлияний в этой области между периодами истории и различными территориями.

Примечания:

1. Губайдуллин А.М. Городища Волжской Булгарии в Предкамье // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995.
2. Хузин Ф.Ш., Газимзянов И.Р. Губайдуллин А.М., Гарипов Н.Г. Чаллыньское городище: проблемы сохранения, исследования и музеефикации // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тезисы научной конференции. Казань, 1997.
3. Губайдуллин А.М. Укрепления городищ Волжской Булгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
4. Бурханов А.А., Губайдуллин А.М. Археологические исследования в Заказанье // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995.
5. Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Новые данные по фортификации Казанского ханства (по итогам раскопок памятников Заказанья) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999.
6. Древняя Казань глазами историков и современников // Составители и авторы комментариев Ф.Ш. Хузин, А.Г.Ситдилов. Казань: "Фест", 1996.
7. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
8. Борисов В.М. "Историографическое описание Казанской губернии" Капитона Милковича // ИОАИЭ. Казань, 1898. - Т.ХIУ, вып.5.
9. Порфирьев С.И. Древности Казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ: Казань, 1904. - Т.ХХ, вып.1-3.
10. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до ХУП в. - Дисс. на соискание ученой степени док.ист.наук. Машинопись. Казань // Архив ИЯЛИ. ф.8. оп.1. ед. хр.202, 1957.

БОЛГАРО-ТАТАРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ

Взаимоотношения населения Вятской земли с Волжской Болгарией, Золотой Ордой и Казанским ханством оставались на протяжении XIII-XV вв. достаточно напряженными. Об этом свидетельствуют данные русских летописей и некоторых других письменных источников, повествующих об исключительно враждебном характере этих контактов. Первое известие относится к 1374 г., оно повествует о разорении новгородскими ушкуйниками сначала Вятки, а затем и Болгара, последующем походе большей их части к Сараю (судьба этого отряда не известна), а остальных - вверх по Волге (где они грабят "все Засурье и Маркваш" и "много сел по Ветлузе") и возвращении к Вятке (5, с.396). В 1379 г. вятчане разбивают отряд ушкуйников во главе с Рязаном, оказавшийся в Арской земле (5, с.419). В данном случае возможно какое-то сотрудничество вятчан с арскими князьями (2, с.105-107). Важнейшее событие летописи описывают под 1391 (1390, 1393) г.: "Того же лета царь Тохтамыш посла царевича своего, именем Бектута на Вятку ратью. Он же шел, Вятку взял, а люди посече, а иных в полон поведе, мужи, и жены, и дети" (5, с.437,438). На следующий год состоялся ответный поход русских войск. Под 1409 г. упоминается неудачный поход Анфала Никитина на Волжскую Болгарию, в котором участвовали и вятчане. Возникновение Казанского ханства еще более обострило политическую обстановку в регионе. Достаточно вспомнить походы хана Ибрагима на Вятку в 1468 и 1478 гг. и ответные акции русских войск.

Таким образом, летописные данные производят однозначное впечатление о взаимоотношениях Вятки и ее южных соседей как о непрекращающейся конфронтации. Так ли это на самом деле? Обратимся к археологическим источникам, которые в какой-то мере могут прояснить ситуацию.

Болгаро-татарские материалы выявлены в ходе раскопок городов Вятской земли. Сразу же оговоримся, что количество их невелико. Прежде всего отметим находки золотоордынских серебряных монет. Древнейшей из них является дирхем хана Джанибека (1342-1358 гг.), обнаруженный Л.П.Гуссаковским в 1960 г. в яме на уч.ДД-ЖЖ/59-62 Никульчинского городища (рис.1-7; прорисовка Гуссаковского, определение С.А.Яниной). Второй предмет (рис.1-8) не имеет, к сожалению, сохранившихся изображений, но, судя по рисунку (самых монет я не видел), также является монетой. Автором в 1981 г. обнаружено пять обрезанных монет хана Джанибе-

ка, имевших хождение в 70-е годы XIV в. (4, с.105-112). Все они происходят из первоначального Котельнича - Ковровского городища (рис.1-2-6, прорисовка автора, определение А.Г.Мухамадиева). Еще одна монета найдена в 1979 г. в яме 18 Никульчинского городища, она чеканена основателем Казанского ханства Улу-Мухаммедом (1419-1436 гг.) (рис.1-1; прорисовка автора, определение М.Б.Северовой).

В строительной траншее на территории Хлыновского кремля найдена медная бляха, украшенная арабской вязью и растительным орнаментом (рис.1-9), предположительно датирующаяся XIII-XIV вв. (1, с.175, рис.1-13). В ходе раскопок Ковровского городища обнаружены половинка бронзового замка в виде коня, украшенная циркульным орнаментом, и пружина такого же замка (рис.1 - 10,11), изготовленные в Волжской Болгарии и бытовавшие в X-XIV вв. (7, с.211, 235, рис.79-24). На Никульчинском городище выявлена пара костяных щипчиков, покрытых циркульным узором (рис.1 - 13,14), аналогичных находкам XIV в. с Царевского городища (8, табл.II-2,3,6). Здесь же найден железный наконечник стрелы - двурогий срезень с неглубоким вырезом без упора и выделенным пером (рис.1 - 12), похожий по оформлению на более крупные изделия Каракорума XIII-XIV вв. (3, с.115, табл.23, 10-12).

На вятских поселениях обнаружена также керамика южного происхождения. В числе находок фрагменты четырех высокогорлых сосудов с отогнутыми наружу или срезанными внутрь краями венчиков диаметром 5,5-9 см с выступом-ручкой на плечике одного из них, в примеси песок, черепок серого цвета (рис.2 - 24-27). Найдены они в переотложенных слоях раскопа 1990 г. в Хлыновском кремле. По определению Н.А.Кокориной и Д.А.Салангина такие кувшины датируются домонгольским временем, а бытовали они в степях Нижнего Поволжья. Не исключено, что они попали на Вятку с одним из отрядов войска Батыя. Небольшая коллекция фрагментов превосходно обожженной посуды ярко-оранжевого или серого цвета выявлена на памятниках близ устья р.Моломы. В Котельниче обнаружено два фрагмента коричневого цвета, покрытых сплошным горизонтальным лощением, один из которых в верхней части был украшен резными горизонтальными линиями, а также ручка кувшина (рис.2 - 21,18). Посуда такого облика может датироваться XIII-XIV вв., истоки ее находятся в посуде домонгольской поры (9, с.183). Наибольшее количество подобной керамики происходит с Ковровского городища, где представлены обломки венчиков горшков и корчаг (рис.2 - 1-5), фрагменты стенок, орнаментированных глубоко врезанными прямыми или волнистыми линиями, сочетанием насечек и треугольных ямок, вертикальным лощением (рис.2 - 6-17), а также двумя обломками днищ и ручкой кувшина (рис.2 - 20,22,23). По определению Т.А.Хлебниковой, такая посуда бытовала в золотоордынское время, вероятнее всего, в XIV - начале XV в. на территории Волжской Болгарии. Впрочем, мнения специалистов здесь расходятся.

Например, А.Х.Халиков склонен был отнести ее к более раннему времени. В фондах Кировского краеведческого музея хранится обломок сосуда, орнаментированного врезными линиями и "глазчатыми" ямками красно-коричневого цвета, найденный на Орловском городище и также происходящий, очевидно, из Волжской Болгарии.

Как же оценить представленные материалы? Безусловно, что подавляющая часть находок, включая и керамику, попала на Вятку как результат торговых контактов и использовалась здесь местным нерядовым населением. Постоянное татарское население появляется на Вятке, по-видимому, лишь вместе с арскими князьями не ранее середины XV в., т.е. после образования Казанского ханства. При этом оно сосредоточилось к востоку от Хлынова - в междуречье Вятки и Чепцы вокруг Карино. Исследование этого района пока результатов не принесло. В то же время из источников хорошо известно, что вплоть до середины XVI в. татары проживали в городах региона. Вероятным маркером этого является, по-видимому, выделенная Д.А.Салангиным так называемая "татарская" керамика, выявленная по материалам Казани, Москвы, Подмосковья, Чердыни, и Вятки (6, с.15). Во всяком случае, проблема существования булгаро-татарского компонента на Средней Вятке, как впрочем, и многих других районах Прикамья, требует дальнейшей разработки.

Примечания:

1. Макаров Л.Д., 1994. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск.
2. Макаров Л.Д. Вятская земля и Арское княжество: проблемы взаимоотношений // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Казань, 1995.
3. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел: VIII-XIV вв. // САИ, 1966. Вып.Е1-36. М.
4. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV веков. М., 1983.
5. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950.
6. Салангин Д.А. Круговая неполированная посуда Вятского края в XII-XVIII вв. (по археологическим источникам): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Ижевск, 1999.
7. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
8. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1970.
9. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

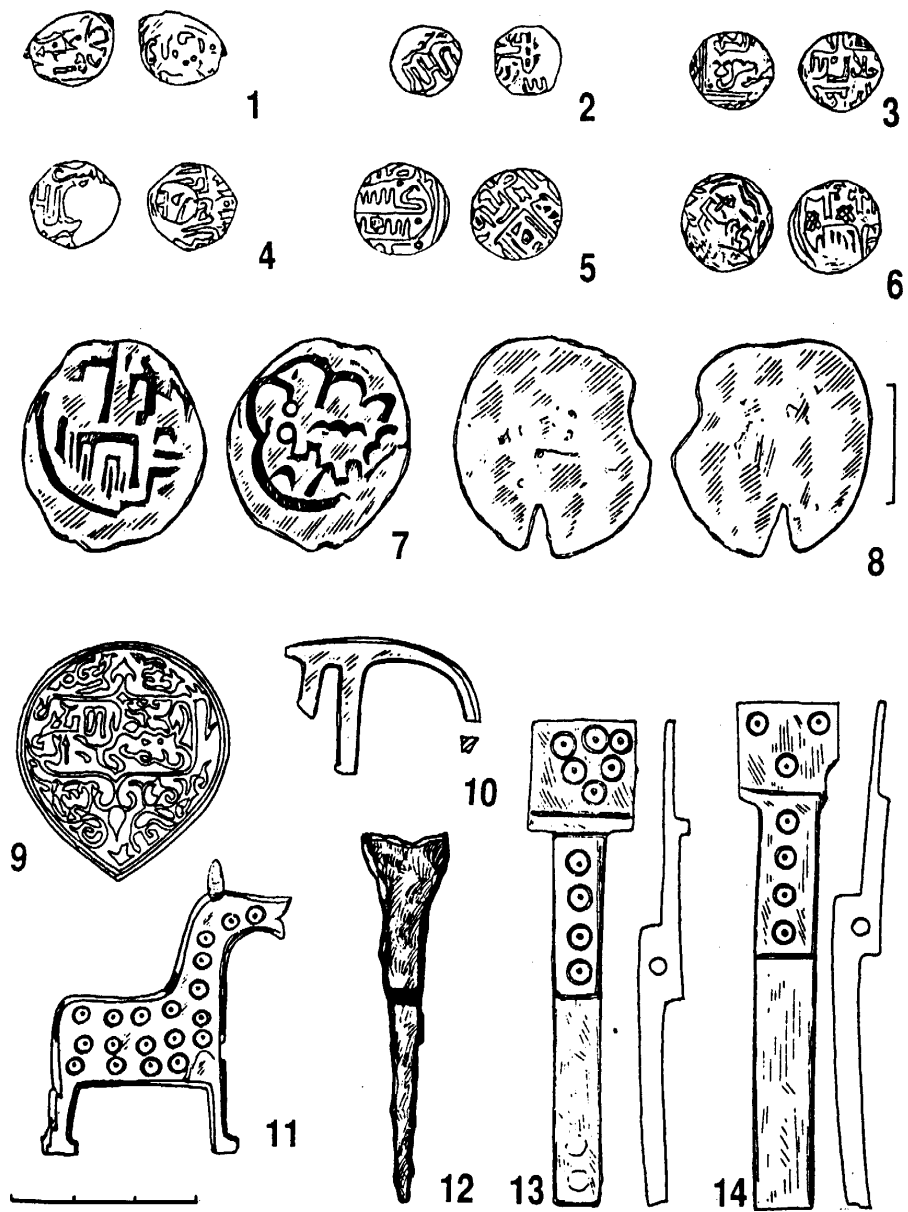

Рис.1.

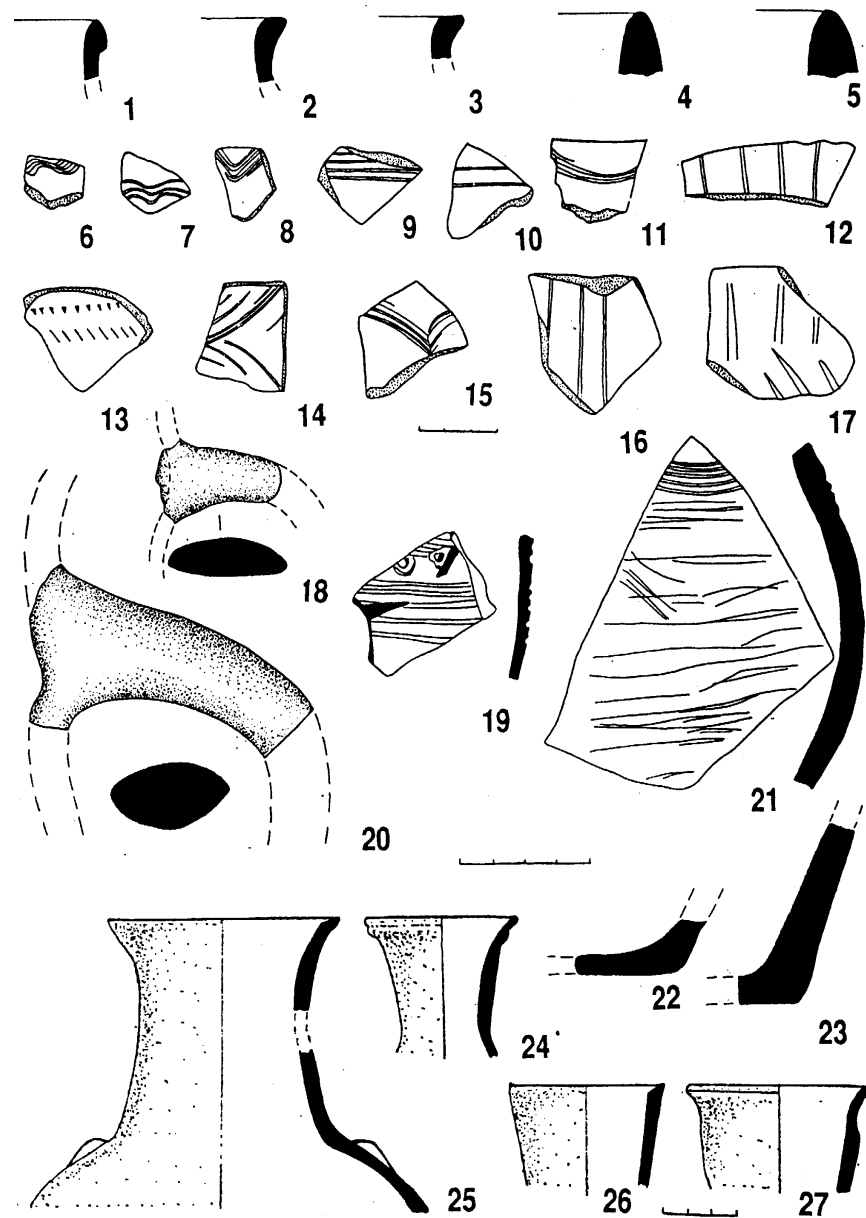

Рис.2.

С.Е.Перевощиков

ЖЕЛЕЗООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ЕМАНАЕВСКОГО ГОРОДИЩА

Еманаевское городище, материалы которого отражают процесс оформления в бассейне р.Вятки западного варианта древнеудмуртской общности, расположено в Тужинском районе Кировской области, на правом берегу р.Пижмы, правого притока р.Вятки, в 1 км к СВ от д.Паново. Памятник известен по работам А.А.Спицина, с 1887г. В 1929г. он был осмотрен экспедицией антропологического института МГУ под руководством М.В.Талицкого, в 1956г. - марийской археологической экспедицией, с 1975 по 1986гг. изучался отрядами Камско-Вятской археологической экспедицией под руководством Г.Н. Ключевой, Н.А. Лещинской и Л.Д. Макарова (Лещинская Н.А. 1988. С. 107).

На городище было обнаружено два сооружения и несколько ям хозяйственно-производственного назначения. Сооружения представляли из себя легкие наземные постройки столбовой конструкции типа навесов, они примыкали к сплошной стене идущей вдоль восточного склона городища. В них выявлены скопления прокалов, угольные пятна, ямы заполненные кальцинированными костями, обугленными остатками деревянных конструкций (в одной из них были обнаружены остатки толстостенного, вероятнее всего не бытового, сосуда без дна) и большое количество предметов связанных с черной и цветной металлургией (тигли, льячки, шлаки, кузнечный инструментарий). Производственные помещения примыкающие к оборонительной стене не редкость на средневековых памятниках, например сооружение на городище Шудьякар (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. С. 23) или на Ковровском городище (Макаров Л.Д., 1982. С. 68-72) где производственное помещение тоже находилось в одной из клеток (№ VIII) защитного сооружения - стены. Ямы, определенные как производственные, овальной или подпрямоугольной, с закругленными углами в плане формы, размерами почти 2 x 1,5 м, с наклонными или отвесными с уступчиками стенками. Глубина их доходит до метра. По периметру ям фиксировались столбовые ямки, вероятно от бывших навесов. В заполнении ям были найдены фрагменты льячек, керамика, сырые и обожженные кости животных (могли использоваться при выплавке железа) и шлаки. Помимо, этого на городище было найдено большое количество льячек, тиглей, литейные формы, фрагмент глиняного сопла, железных и медных шлаков иногда округлых с одной стороны, вероятно, повторяющих площадь печи

и ошлакованная обмазка. Все это позволило Н.А.Лещинской интерпретировать городище как производственный центр, обслуживающий близлежащую округу (Лещинская Н.А. 1988. С.107).

Для более полного представления о характере производства на городище были проведены металлографические анализы большой группы ножей найденных на городище. Всего было найдено 55 экз., пригодными для анализа оказалось 27 экз. Все они относятся к категории так называемых хозяйственных ножей. Типологически они не имеют каких-либо особенностей отличающих их от ножей с других памятников Камско-Вятского региона и при описании ножей была использована типология разработанная для предметов этой категории Р.Д.Голдиной и В.А.Кананиным исходя из визуальной оценки состояния изделия (1989, с.79). Еманаевские ножи можно отнести к трем типам: тип I - предметы с резким уступчиком при переходе к черешку со стороны спинки и лезвия, тип III - с обоймой при переходе к черешку ограничивающей рукоятку и тип V - с уступчиком при переходе от лезвия к черешку. Ножи разделены по типам для удобства их описания, хотя по наблюдениям В.И. Завьялова, технологические схемы изготовления прикамских ножей практически не зависят от их формы. Размеры ножей варьируют от 7-8 см до 19-20 см, наиболее часты - 13-17 см. Отношение длинны лезвия к длине черешка составляют 1:1 до 3:1. Ширина лезвия доходит до 2 см, толщина до 0,5см, но в основном равняется - 0,2-0,3 см.

Как уже говорилось для исследования технологии изготовления ножей было отобрано 27 предметов. 19 ножей вошли в I группу, 2 ножа в III и 2 ножа в V группу, 4 ножа сохранились фрагментарно. Для исследования бралось 2/3 или полное сечение лезвия.

Из трех ножей изготовленных по схеме трехслойного пакета два (ан.157 и 169) относятся к I типу, один нож (ан. 155) сохранился фрагментарно. Для изготовления центральной полосы одного из ножей (ан. 155) мастер применил сварку нескольких полос стали и кричного железа, на боковые полосы было использовано кричное железо. В другом ноже (ан. 157) центральная полоса была целиком изготовлена из сырцового стали, на боковые полосы также было использовано кричное железо. При изготовлении третьего ножа (ан. 169) в центре клинка мастер расположил среднеуглеродистую стальную полосу, на боковые полосы он использовал неравномерно науглероженную, сырцовую сталь. Сварочные швы достаточно чистые, что говорит о правильном применении флюсов. Сталь центральной полосы находилась в метастабильном состоянии, то есть этот предмет подвергся термообработке. Для закалки была использована мягкая закалочная среда (теплая вода или масло), в результате чего боковые полосы приняли структуру сорбита с участками феррита, центральная полоса - сорбита. Можно сказать что, все три ножа откованы в классической схеме трехслойного пакета (в центре твердая полоса, по бокам

более мягкий металл). Изготовление ножей по этой схеме подразумевает достаточно высокую квалификацию мастера, но то, что эти ножи составляют только 1/9 от общего количества исследованных ножей, говорит, вероятнее всего, или о начальном освоении этой технологии кузнецами Еманаевского городища, или об их импортном происхождении. Хотя присутствие в железе сульфидов у двух ножей (ан. 155 и 157) свидетельствует скорее об их местном производстве, так как подобная примесь встречается и в других исследованных предметах этого памятника

Все четыре ножа, у которых была зафиксирована технология изготовления из двух полос металла, относятся к I группе. В двух случаях (ан. 156 и 177) обе полосы были стальные, но на острие выходил более качественный металл. Оба эти ножа были закалены, в первом случае (ан. 156) в жесткой закалочной среде, во втором (ан. 177) - в мягкой. Стальные полосы первого ножа приняли структуру мартенсит и мартенсит+троостит, качественная сталь второго ножа приняла структуру сорбита. Лезвия двух других ножей (ан.170 и 179) изготовлены сваркой полос сырцово-стали и кричного железа. На одном из ножей (ан. 179) для анализа дополнительно брался образец с черешка, его изучение показало кричное железо, то есть, стальная полоса наваривалась только на само лезвие и не заходила на черешок. Можно предположить, что даже сырцовая сталь была дорогим продуктом и по возможности ее предпочитали экономить. В трех ножах этой группы, в металле присутствовали сульфиды. Изготовление ножей по подобной технологии, с выходом более качественного металла на острие лезвия, довольно древний и широко распространенный прием. Такие изделия встречаются и на соседних территориях и в более ранние времена.

Четыре ножа было изготовлено в технике пакетированного (многослойного) металла. Для изготовления полотен двух из них (ан. 161 и 164) была применена сварка нескольких полос разнородного феррита, величина зерна от 4 до 7 баллов, что говорит о хорошей обработке и соблюдении температурного режимаковки. Микротвердость изделий 147 и 194 кг/мм² соответственно. В обоих случаях в металле в большом количестве встречаются сульфиды. Один нож (ан. 172) был изготовлен сваркой из чередующихся полос углеродистой стали и кричного железа, на острие была выведена сталь. Нож был подвергнут закалке и сталь приняла структуру сорбита - микротвердостью 283-304 кг/мм². Последний нож этой группы (ан.176) был изготовлен из полос сырцово-стали и углеродистой стали. Но в этом случае мастер допустил ошибку и на острие вышла сырцовая сталь. Как и в предыдущем случае он был закален в мягкой закалочной среде и качественная сталь приняла структуру сорбита. Ее микротвердость - 321 кг/мм². Микротвердость сырцово-стали - 180 кг/мм².

Большая группа ножей изготовлена по наиболее простой технологии: целиком из железа - 9 экз., из стали - 7 экз. Почти все исследованные

железные ножи этой группы изготовлены из хорошо прокованного железа со средней величиной зерно феррита - 4-5 баллов. Микротвердость железа оказалось достаточно высокой - 170-230 кг/мм². Стальные ножи в основном изготовлены из неравномерно науглероженной сырцово-стали полученной непосредственно в сыродутной печи. Количество углерода колеблется от 0,15 до 0,4-0,5%. Микротвердость изделий от 183 до 251 кг/мм². Лишь один нож (ан.166) изготовлен из специально приготовленной среднеуглеродистой стали с содержанием углерода 0,45-0,5%. Микротвердость этого изделия 183 кг/мм². Ножи этой группы, даже в том случае когда сталь могла принять закалку, термообработке не подвергались. И в случае изготовления ножей из железа, и в случае изготовления из стали - в металле в большом количестве присутствуют сульфиды.

Металлографическое исследование ножей происходящих с Еманаевского городища позволило сделать некоторые выводы.

1. Для изготовления ножей, в большинстве случаев, шли хорошо прокованные железо и сталь. Необходимо отметить частое присутствие в металле сульфидов, что, вероятно, является особенностью местных руд. Отмечена достаточно высокая микротвердость железа, скорее всего, свидетельствует о присутствии фосфора, что также отмечается в местных рудах.

2. Несмотря на большой процент присутствия простейших технологий отмечается появление такой сложной технологии как трехслойный пакет.

3. Изготовление ножей из пакетированного металла скорее всего объясняется или стремлением мастера улучшить качество изделия, или добиться нужного объема заготовки.

4. Необходимо отметить и целенаправленное применение термообработки. Практически все изделия способные ее воспринять были закалены. Использовалась мягкая закалка в теплой воде или в масле.

5. Оценивая материалы Еманаевского городища мы видим, что они близки материалам более ранних древнемордовских и древнемарийских памятников V-VII вв. и отличается от материалов помолской культуры VI-IX вв.

Примечания:

1. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989.
2. Лещинская Н.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988.
3. Макаров Л.Д. Отчет об исследованиях на Средней Вятке в пределах Слободского, Котельничского и Даровского района Кировской области, проведенных летом 1981 года. Т.1. Ижевск, 1982.

А.Г.Петренко

ВАРИАНТЫ ФОРМ ЗАХОРОНЕНИЯ ЧАСТЕЙ КОНЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО И ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКОВ

В результате многолетних раскопок двух известнейших раннесредневековых могильников – Больше-Тиганского и Танкеевского, проведенных Халиковой Е.А., Халиковым А.Х. и Казаковым Е.П., был получен не только богатый археологический, но и уникальный остеологический материал, представляющий собой костные остатки животных, которые были нами диагностированы.

Изучение особенностей обрядов древних людей является, несомненно важным, так как анализирует одну из актуальных проблем духовной культуры и этнической истории многих народов, тем более, что те или иные изменения в ритуале дают основания предполагать и возможные появления каких-либо инородных групп людей, либо свидетельствовать о взаимовлиянии культур. Но разнообразия форм остеологических комплексов животных как в монокультурных ритуалах, так и в разноэтничных захоронениях позволяют проследивать ряд важных особенностей, связанных не только с духовной языческой культурой и этносом. Этот материал представляется не менее интересным и в плане уточнения проблем, связанных с историей возникновения и развития некоторых производящих форм хозяйства у населения, оставившего изученные могильники.

Раскопками в 1974, 1975 и 1980 гг. Больше-Тиганского могильника, датированного кон. VIII – перв. полов. IX вв. н.э. (1, с.145), был получен интересный в научном плане археозоологический материал, который после морфологических исследований был нами систематизирован и представлен следующими ритуальными группами:

1-ая группа – бедренная кость лошади и “комплекс коня” (голова, иногда с первым шейным позвонком, четыре ноги, представленные от запястья, заплюсны и ниже, иногда присутствие одной или двух коленных чашечек, редко хвостовые позвонки). Детальный анатомический анализ костных остатков, составляющих “комплекс коня” позволил нам еще раньше, при раскопках Танкеевского могильника в 60-ые годы, высказать мысль о том, что это было ритуальное захоронение коня в шкуре. Только так можно объяснить присутствие в ритуальном комплексе коня наличие коленных чашечек и хвостовых позвонков. Боясь нарушить целостность шкуры при оформлении символа погребального коня целевым способом, приходилось оставлять такие кости, как коленные чашечки, последние хвостовые позвонки и первый шейный

позвонок в шкуре. Поэтому нахождение данных костей в ритуале дало нам основание полагать, что в данном случае это был остеологический комплекс коня, представленный именно в шкуре. Это предположение было далее обосновано археологами и вошло в историческую терминологию как “захоронение головы и 4 ног коня в шкуре”. Располагался этот комплекс справа, либо слева от покойника, вытянуто вдоль могилы так, что череп коня находился ближе к голове человека и был уложен к ней резцовой частью. В другом случае останки коня были положены в левом углу, в ногах умершего. Возраст убитых животных был равен 5-6 годам, а по своим породным данным они были довольно разнообразны. Так, высота их в холке, судя по пересчетам промеров метаподий составляла и 131, и 147 см, позволяя предполагать два исторических типа лошадей как “лесной” и “степной”.

Левые бедренные кости в этих трех погребениях, представляющие собой остатки щедрых даров мясной погребальной пищи покойному, были встречены в головах погребенных с западной ориентацией могильных ям. На участке К-2 был зафиксирован идентичный поминальный комплекс.

2-ая группа – голова и левая бедренная кость коня. Череп находился в правом, либо левом нижнем углу могилы, а бедренные кости, принадлежавшие тем же особям, что и череп, в головах погребенного. Например, с подобным ритуалом в погребении №7 была захоронена девочка 12-14 лет, а погребениях №9 и №10 – мужчины возраста 30-40 и 45-55 лет.

3-я группа – только левые бедренные кости коня в семи погребениях. Располагались они в правом верхнем углу могильных ям с западной ориентацией и принадлежали молодым животным в возрасте до 3-х лет.

4-ая группа – только голова коня в пяти погребениях. Располагался ритуальный комплекс в правом нижнем углу могилы, у ног человека. Причем, в погребении № 20, где была захоронена женщина 25-35 лет, положена голова годовалой лошади, а в погребении № 23 – захоронении богатого мужчины 40-60 лет – голова коня 5 лет.

5-ая группа – редкие находки небольших фрагментов различных костей скелета коня, представляющие собой остатки мясной погребальной пищи.

6-ая группа – кости-украшения, обереги с просверленными отверстиями для подвешивания, встречены в двух погребениях и представлены зубами медведя, волка, позвонками рыб (сома и судака) в связке, пяточные кости бобра, а также нижние челюсти и плечевые кости куницы (погребения № 29 и № 47).

Наблюдения автора за археологическими работами на Танкеевском могильнике, датированного Е.А.Халиковой IX – нач. XI вв. (2, с.64), а также результаты личных остеологических исследований, позволяют говорить о том, что диагностированные костные остатки ритуальных животных представлены здесь следующими группами:

Группа I – в виде погребального или поминального комплекса коня (голова и четыре ноги нижнего отдела скелета конечностей) в шкуре жи-

вотного. Костные остатки лошадей, встреченные непосредственно в самих погребениях, представляют собой “погребальный комплекс коня”, а в вырытых ямах, располагающихся в поверхностных слоях, над захоронениями, либо между ними – “поминальный комплекс коня”. Захоронения совершались в больших (длиной более 260 см) и глубоких (свыше 140 см) могильных ямах западной ориентировки. Исключением представляется непо потревоженное захоронение № 522, где вместо “комплекса коня” в ногах человека был положен комплекс коровы (голова и четыре ноги). “Комплексы коня” располагались у ног погребенного, с ориентацией головы коня резцовой частью к голове человека. В трех погребениях (№№ 202, 733, 758) был зафиксирован череп и две нижние челюсти, оказавшиеся положенными поперек могилы с костями ног под черепом, либо рядом. Все захоронения с конем 1-ой группы имели в большинстве западную ориентировку, за исключением одного. Однако встречаются такие погребения лишь в богатых захоронениях мужчин-воинов, а это около 6% от всех исследованных могил. Индивидуальный возраст погребальных коней этих комплексов был равен в среднем 5-9 годам, являясь свидетельством того, что при погребении мужчины-воина убивали и погребали с ним его личную верховую лошадь, либо коня. Следов кастрации животных не обнаружено. В поминальных комплексах, как правило, были диагностированы остатки от коней других возрастных групп, а именно более старых, старше 10 лет (90%), либо до года (10%). Морфологические исследования черепов и метаподий животных позволяют представить их породные черты (в историческом понимании этого термина). Эти данные свидетельствуют о сходстве Танкеевских лошадей с курганными лошадьми Алтая, с одной стороны (“средний” тип коней Пазырыка), а также с современными аборигенными казахскими, с другой стороны. Но, в обоих случаях, это “степной” тип лошадей со средней высотой в холке 136,8 см ± 0,51, с индексом тонконогости по А.А.Браунеру, соответствующим группе “средненогоих” коней и по классификациям черепов В.О.Громовой – “среднелобые” и “широколобые”, соответствующие тем же “степным” алтайским и аборигенным казахским лошадям.

Группа II – остатки заупокойной мясной погребальной и поминальной пищи, широко представленные на дне могильных ям и представленные в 18% случаев всех изученных языческих захоронений. Они представлены отдельными костями, либо их фрагментами. В большинстве своем это лопатки, тазовые кости и обломки от больших трубчатых костей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. По данным археологов, раскопками 1965 г. были изучены более ранние погребения, и в них-то и были зафиксированы наиболее частые находки этой группы ритуальных остатков. Идентичные находки часты и в насыпях могил, представляя собой следы поминальных тризн. Могильные ямы с остатками пищи имели в своем большинстве западную и менее – восточную ориентацию. В 66% случаев

кости были найдены за головой погребенного, 15% - в ногах, 11% - между бедренными, либо берцовыми костями людей, или сбоку от тела. Сохранность их позволяет говорить о том, что это были остатки вареных кусков мясной ритуальной пищи.

Группа III – как игральные кости, либо – кости-обереги. Амулеты из зубов куницы, лисы, медведя, волка с просверленными отверстиями для подвешивания и располагавшихся возле головы человека. Они чаще встречались в женских и детских погребениях. А в детских погребениях № 677 и № 678 были найдены по 36 бараньих астрагалов разной величины, представлявшие собой, видимо, игральные кости.

Основные принципы погребальной обрядности сохраняются на протяжении многих и многих столетий, несмотря на религиозные, социальные, хозяйственные изменения. И поскольку погребальный обряд принадлежит к числу наиболее устойчивых этнических признаков, подход и сравнительная детализация тех или иных ритуальных комплексов должны быть более тщательными, чем это представлялось нам ранее.

Говоря о параллелях рассматриваемых остеологических ритуальных групп Больше-Тиганского и Танкеевского могильников, следует отметить, что несмотря на то, что, как в одном, так и в другом могильнике, имеющих западную ориентацию и близкие в видовом отношении ритуальные “комплексы коня”, а также месторасположение их по отношению к погребенному, анатомические характеристики этих комплексов групп имеют существенные отличия. Определенные сходства усматриваются при сравнении этих памятников по рассматриваемому признаку с рядом известных в крае средневековых могильников. С одной стороны, ритуальные комплексы с конем в Больше-Тиганском могильнике свидетельствуют о большей этнической многокомпонентности, чем в Танкеевском, а с другой – обнаруживают большее сходство, в плане ритуальной обрядности коня, с таковыми из башкирских курганов, раскопанных Н.А.Мажитовым (Маняк, Сарбаевский, Ново-Биккенский, Ишимбаевский, Лагеревский, Хусаиновский), датированных им VIII-IX вв. н.э. и остеологические комплексы из которых нам удалось диагностировать.

Ритуал захоронения коня в Танкеевском могильнике более близок к таковому, с одной стороны с Больше-Тарханским могильником (VIII-IX вв. н.э.), чем с Больше-Тиганским, а с другой стороны с венгерскими могильниками конца IX-X вв.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда, проект: 00-01-00366а.

Примечания:

1. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник.// СА. № 2, 1975.
2. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели.// Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.

О.Г.Богаткина

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ РАЗМЕРОВ ЖИВОТНЫХ ПО ИХ КОСТНЫМ ФРАГМЕНТАМ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЗООЛОГИИ

Проблема изучения отношений симметрии различных биологических тел, в том числе, для млекопитающих, находится в центре внимания исследований С.В.Петухова (1981). Изучая закономерности симметрии в биологических телах, он пришел к выводу, что в их структуризации не все определено функциональной приспособленностью к условиям внешней среды и кинематическим задачам, но что важное значение имеют принципы кристаллизации животного вещества, физические законы морфогенеза. В более общем случае, эти структуры подчиняются некоторым математическим законам гармонии.

Автор установил, что “трехчленные конечности у разных позвоночных животных оказываются с хорошей степенью точности подобными не только по морфологическому сходству строения (эта гомологичность органов известна), но и по своим вурфовым пропорциям” (2, с.70). Вурфовая пропорция характеризует сложные отношения или вурфы четырех точек прямой:

$$W = \frac{(C-A)(D-B)}{(C-B)(D-A)} \quad (1)$$

В скобках указаны длины отрезков между концевыми расчленяющими точками A, B, C, D трех звеньев каждого блока конечностей (плечо - предплечье - кисть; бедро - голень - стопа).

Нас в большей степени интересовало не столько установленное теоретическое, сколько прикладное (в потенциале) значение выявленных вурфовых пропорций. Инвариантная (устойчивая) закономерность морфологической структуризации в виде вурфовой пропорции, как мы убедились на практике, может найти применение в деле реконструкции размеров биологических тел (как частный случай - в археозоологии).

Материалом для исследования послужила обширная краниологическая коллекция средневекового бобра (*Castor fiber L.*) из городища Иднакар (1). Мы задались целью доказать, что знание вурфовой пропорции, которая должна быть постоянна для данного вида, помогает реконструировать размеры черепа и нижней челюсти (кондилобазальную длину черепа и общую ангулярную длину нижней челюсти).

Для нашего исследования важна мысль С.В.Петухова о параллельном существовании относительно неизменных вурфовых пропорций и аффинных пропорций, через изменение которых организм приспособливается к специальному образу жизни и действий (2, с.60).

Работа В.А.Соловьева (1984), посвященная онтогенетическим корреляциям морфологических признаков черепа речного бобра, позволила обосновать необходимую триаду краниометрических признаков, слагающих вурфовую пропорцию черепа. Существенным моментом данного исследования явилось выделение автором адаптаций общевидового и регионального характера.

Мы сочли возможным соотнести вурфовые и аффинные пропорции следующим образом:

- вурфовые пропорции (устойчивые) должны быть тождественны пропорциям признаков, смежившихся на основе адаптаций общевидового характера. Эта плеяда тесно скоррелирована и устойчива на всех стадиях онтогенеза;

- аффинные пропорции (изменяющиеся) должны быть тождественны пропорциям признаков, сложившихся в свою очередь на основе адаптаций регионального характера как приспособительная реакция организма к разным условиям жизни. Эта плеяда признаков не образует сильные корреляции и не согласована в онтогенезе.

В.А.Соловьев ввел в корреляционную плеяду ряд показателей краниологических признаков бобра, в том числе: кондилобазальную длину, лицевую длину, затылочную длину. Таким образом, в качестве величин, слагающих краниометрическую вурфовую пропорцию бобра и имеющих общевидовое адаптивное значение, можно рассматривать линейные размеры: затылочной длины (x) и лицевой длины, последняя слагается из показателей длины альвеолярного ряда коренных зубов (y) и длины от переднего края альвеолы резца до окципитального края альвеолы ложнокоренного зуба (z).

Для нижней челюсти определены показатели, составляющие вурфовую пропорцию: длина от заднего края альвеолы последнего коренного зуба до углового отростка (x), длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти (y), длина от переднего края альвеолы резца до окципитального края альвеолы ложнокоренного зуба (z) (упрощенно: длина диастемы вместе с резцом). Таким образом, формула (1) принимает вид:

$$W = \frac{(x+y)(y+z)}{y(x+y+z)} \quad (2)$$

Следовательно, путем решения формулы (2) можно вычислить неизвестный член пропорции (x) по формуле:

$$W = \frac{Ay(z+y)}{z-Ay} \quad (3)$$

затылочная длина черепа

$x - [$

длина от M_3 до углового отростка нижней челюсти

$A = \bar{W} - 1$, где \bar{W} - среднее значение вурфа с учетом возрастной группы;

y - длина альвеолярного ряда коренных зубов;

z - длина диастемы вместе с резцом.

С целью изучения вурфовых пропорций был исследован также краниологический материал рецентного бобра (*Castor fiber L.*) из коллекции Зоологического музея МГУ. Измерялись черепа и нижние челюсти бобра из Мордовского государственного заповедника (коллекция М.Н.Бородиной). В результате нашего исследования не обнаружено определенной зависимости значения \bar{W} от пола животного (табл.1).

Таблица 1

Средние значения вурфов (\bar{W}) на черепе бобра (*Castor fiber L.*) из Мордовского заповедника (в скобках указано число измерений)

Возраст	Пол		По всей возрастной группе
	?	?	
сеголетки	1,52 (5)	1,52 (8)	1,52 (13)
1 год	1,55 (4)	1,55(1)	1,55(5)
2 года	1,57(9)	1,56(6)	1,57(15)
3 года	1,55(8)	1,57(1)	1,55(9)
4 года	1,57(5)	1,58(4)	1,57(9)
5 лет	1,56(6)	1,59(3)	1,57(9)
6 лет	1,57(2)	1,57(3)	1,57(5)
9-10 лет	1,56(4)	1,62(2)	1,58(6)
12-19 лет	1,61(2)	1,58(3)	1,59(5)
25 лет	---	1,61(2)	1,61(2)

Как видно из таблицы 1, значения вурфа несколько увеличиваются с возрастом животного. Поэтому мы сочли необходимым установить средние значения вурфа для разных возрастных категорий: сеголеток, полувзрослых и взрослых (табл.2).

Нами была произведена серия вычислений по формуле (3), чтобы показать степень достоверности разницы между действительно измеренным значением (x) и его расчетным значением: по номинальному вурфу и по среднему вурфу (табл.2). Достоверность разницы определялась с помощью критерия Стьюдента t при 1%-ом уровне значимости.

Таблица 2

Достоверность разницы между действительным измеренным значением x и его расчетной величиной по номинальному и среднему вурфу бобра (*Castor fiber L.*)

	Возраст в годах вурфа \bar{W}	Среднее значение	Показатель x (мм)*					
			Действительный	Расчетный		t	t	
				По номинальному \bar{W}	По среднему \bar{W}			
\bar{M}_d	\bar{M}_d	t	\bar{M}_d	t				
Мордовский заповедник	Черепа	Сеголетки	1,52 (1,44-1,57) n=13	<u>35,24</u> 4,36	<u>35,18</u> 4,41	0,04	<u>35,47</u> 3,17	-0,15
		1-3	1,56 (1,48-1,61) n=29	<u>44,13</u> 1,88	<u>44,20</u> 1,81	-0,14	44,81 3,08	-1,02
		4-9	1,57 (1,53-1,65) n=26	<u>48,36</u> 2,33	<u>48,30</u> 2,41	0,09	48,35 3,20	0,01
		> 9	1,59 (1,54-1,65) n=10	<u>50,78</u> 2,96	<u>50,80</u> 2,94	-0,02	51,31 3,72	0,31
	Нижняя челюсть	Сеголетки	1,24 (1,18-1,31) n=14	<u>27,77</u> 5,29	<u>27,86</u> 5,40	-0,05	<u>28,21</u> 2,24	-0,29
		1-3	1,30 (1,27-1,34) n=27	<u>38,15</u> 2,31	<u>38,31</u> 2,25	-0,26	37,03 4,19	1,22
		4-9	1,33 (1,27-1,36) n=22	<u>42,56</u> 1,96	<u>42,68</u> 2,15	-0,19	42,18 5,34	0,31
		> 9	1,32 (1,30-1,35) n=9	<u>43,68</u> 3,27	<u>43,88</u> 3,61	-0,12	43,14 2,37	0,40
Городище Иднакар		Сеголетки	1,25 (1,22-1,29) n=21	<u>35,33</u> 3,59	<u>35,38</u> 3,69	-0,04	<u>34,70</u> 4,00	-0,32
		4-9	1,32 (1,27-1,38) n=52	<u>45,65</u> 4,90	<u>45,13</u> 4,90	0,54	46,80 4,92	-0,16

* Показатель соответствует затылочной длине на черепе и длине от M_3 до углового отростка - на нижней челюсти

В остеологической коллекции бобра Иднакара многие черепа и нижние челюсти были разрушены. Воспользовавшись алгоритмом реконструкции размеров этих костей (3), мы установили кондилобазальную длину черепа и ангулярную длину нижней челюсти (табл.3). Сравнивая значения восстановленной длины нижней челюсти с длиной, измеренной на целых костях, получили, что различия между ними очень малы. Это еще раз подтверждает обоснованность предлагаемого нами алгоритма реконструкции.

Таблица 3

Статистические различия между измеренными и вычисленными значениями краниометрических показателей взрослого бобра (*Castor fiber L.*) из городища Иднакар (числитель - измеренное значение, знаменатель - значение, восстановленное по обломкам костей)

Промеры	n	Показатели			Критерий достоверности различий, t
		M, мм	лимит, мм	d	
Кондилобазальная длина черепа	4	<u>137,25</u>	<u>132,0-146,0</u>	<u>--</u>	--
	22	137,62	128,1-147,6	4,73	
Общая длина нижней челюсти	55	<u>104,51</u>	92,0-117,0	<u>6,30</u>	-0,23
	50	104,78	93,1-117,3	5,59	

Таким образом, предлагаемая формула (3) может служить инструментом для реконструкции размеров животных по их костным фрагментам. Но в более широком плане целесообразно говорить о ее универсальном характере в деле реконструкции структурной целостности самых разных биологических объектов, поскольку сама она основана на общих принципах симметрии морфологической структуризации биологических тел.

Примечания:

1. Богаткина О.Г., 1995. Краниометрические особенности средневековых бобров Прикамья // Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск.
2. Петухов С.В., 1981. Биомеханика, бионика и симметрия. М.
3. Соловьев В.А., 1984. Онтогенетические корреляции морфологических признаков черепа речного бобра (*Castor fiber L.*) на северо-востоке европейской части СССР // Зоологический журнал. Т.63. Вып.4.

Г.Ш.Асылгараева

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С РАСКОПОК БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА И ТОРЕЦКОГО СЕЛИЩА 1998-1999 ГГ.

В 1998 и 1999 гг. продолжались раскопки, проводимые экспедицией КГУ под руководством Валиулиной С.И. на территории Билярского городища и Торецкого селища.

Раскоп 41 Билярского городища дал нам для определения 1340 костных фрагментов от 39 особей домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота, лошади, верблюда и собаки. Все эти кости довольно сильно раздроблены и, несомненно, являются “кухонными” остатками. Среди диагностированного материала преобладают кости мелкого рогатого скота — 889 костей от 29 особей (66,6% и 74,3% соответственно). Кроме обычных домашних животных, на раскопе обнаружены единичные кости верблюда, что в очередной раз подтверждает наличие торговых связей населения города с южными регионами.

Крупный рогатый скот. При диагностике остеологического материала, по мере возможности, определялся и возраст животных, мясо которых использовалось в питании местным населением. Так, большая часть особей крупного рогатого скота на мясо использовалась в возрасте старше 3 лет - 66,7%, остальная часть - 33,3% была забита в 1,5-летнем возрасте. Возраст животных определялся по состоянию зубной системы, степени срастания эпифизов с диафизами. К сожалению, костные остатки довольно сильно разрушены и провести морфометрические исследования для определения половой принадлежности животных и высоты в холке не представилось возможности.

Мелкий рогатый скот. Определено 889 костей от 29 особей животных, большую часть которых 38,5 и 34,6% использовали на мясо в возрасте 1 и 2 лет. Остальные животные - 26,9% от общего количества особей были забиты после достижения ими возраста 3 лет.

Лошадь. С раскопа диагностировано 77 костей от 2 особей старше 3 лет.

Анализируя данные с раскопа, можно сказать, что они лишней раз подтверждают исследования прошлых лет: преобладание крупного и мелкого рогатого скота; малое количество лошадей, мясо которых использовалось в пищу, скорее всего, после выбраковки; отсутствие костей свиньи, связанное с запретом на разведение и употребление в пищу мяса этого животного; немногочисленное присутствие среди остеологи-

ческого материала костей верблюда, как доказательства связей с южными регионами.

Раскопки I Торецкого селища в 1998 году дали нам для определения 821 костный фрагмент от 18 особей животных, среди которых были диагностированы кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, верблюда, а из диких животных - костные фрагменты от 1 особи бобра.

Раскопки 1999 года дали тот же состав животных, за исключением костей верблюда, а среди костного материала нам удалось определить кости собаки. Всего с раскопа определено 1218 костей животных, минимально от 53 особей. Среди остеологического материала были диагностированы отдельные кости человека.

Крупный рогатый скот. Основная масса животных была убита на мясо в возрасте старше 3 лет - 66,7%, остальные 33,3% в 1,5 года.

Мелкий рогатый скот. Как и на городище, кости мелкого рогатого скота по количеству преобладают, но по удельному потреблению, безусловное первенство принадлежит крупному рогатому скоту. Почти 50% животных забито в возрасте 2 лет, 47% - в возрасте 1 года, остальные особи - старше 3 лет (3%).

Лошадь. На Торецком селище, в отличие от Билярского городища мясо лошади гораздо более интенсивно использовалось в пищу: почти 20% от общего количества животных, причем 40% из них были забиты до достижения ими возраста 3 лет, то есть они с самого начала предназначались для мясного питания населения.

Свинья. Кости свиньи оставляют небольшой процент от общего количества животных, но уже то, что они диагностированы на данном селище, говорит о проживании здесь населения, для которых разведение и использование свиньи было обычной нормой. Большая часть свиней была забита на мясо до 2 лет - 66,7%.

Кости собак, обнаруженные среди остеологического материала, не раздроблены, т.е. мясо их не использовалось в пищу.

Таким образом, сравнивая данные с Билярского городища и Торецкого селища, можно сказать, что более интенсивное использование в пищу конины, нежели баранины на Торецком селище связано с тем, что население селищ, вероятно предпочитало "собственное" мясо (конину), чем покупную баранину, которая активно поставлялась на территорию города приходящими с юга караванами.

Видовой состав животных с Билярского городища 1998 г.

раскоп XLI				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	360	27	6	15,4
мелкий рогатый скот	889	66,6	29	74,3
лошадь	77	5,8	2	5,1
верблюд	3	0,2	1	2,6
собака	5	0,4	1	2,6
итого	1334	100	39	100

Видовой состав животных с Торецкого селища.

вид животного	1998 г.				1999 г.	
	раскоп 1		раскоп 1 яма 1		кости	особи
	кости	особи	кости	особи		
крупный рогатый скот	219	3	119	2	582	15
мелкий рогатый скот	239	3	49	2	324	23
лошадь	118	2	39	2	274	8
верблюд			10	1		
свинья	17	1	4	1	11	3
собака					16	2
бобр	4	1			5	2
итого	597	10	221	8	1212	53

Видовой состав животных с раскопок II Билярского селища в 2000 г.
(Всего по раскопу датировано 6645 костей, минимально принадлежащих 94 особям.)

штук 1				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	21	19,3	1	20,0
мелкий рогатый скот	63	57,8	2	40,0
лошадь	21	19,3	1	20,0
собака	4	3,6	1	20,0
итого	109	100	5	100
птица			1	

штык 2				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	223	24,3	2	18,2
мелкий рогатый скот	574	62,6	6	54,5
лошадь	112	12,2	2	18,2
собака	8	0,9	1	9,1
итого	917	100	11	100
птица	5			
рыба	2			
штык 3				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	2	11,1	1	25,0
мелкий рогатый скот	14	77,8	2	50,0
лошадь	2	11,1	1	25,0
итого	18	100	4	100
рыба	1			
сооружение 2				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	60	11,8	1	25,0
мелкий рогатый скот	328	64,6	2	50,0
лошадь	120	23,6	1	25,0
итого	508	100	4	100
птица	2			
рыба	1			
сооружение 3				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	739	25,0	6	23,1
мелкий рогатый скот	1930	65,4	15	57,7
лошадь	267	9,0	3	11,5
верблюд	2	0,1	1	3,85
кошка	14	0,5	1	3,85
итого	2952	100	26	100
птица	19			
рыба	17			
яма 1				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	113	49,8	1	33,3
мелкий рогатый скот	114	50,2	2	66,7
итого	227	100	3	100

яма 2				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	10	32,3	1	50,0
мелкий рогатый скот	21	67,7	2	50,0
итого	31	100	2	100
яма 3				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	46	79,3	1	50,0
мелкий рогатый скот	12	20,4	1	50,0
итого	58	99,7	2	100
яма 4				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	66	41,5	1	25,0
мелкий рогатый скот	80	50,3	2	50,0
лошадь	13	8,2	1	25,0
итого	159	100	4	100
птица	2			
яма 6				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	26	19,7	1	25,0
мелкий рогатый скот	80	60,6	2	50,0
лошадь	26	19,7	1	25,0
итого	132	100	4	100
рыба	1			
яма 8				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	116	13,2	2	18,2
мелкий рогатый скот	765	86,8	9	81,8
итого	881	100	11	100
птица	4			
рыба	5			
яма 9				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	10	3,6	1	16,7
мелкий рогатый скот	254	92,7	4	66,7
лошадь	10	3,6	1	16,7
итого	274	100	6	100

И.М.Нестеренко

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В 1990-е гг.

Республика Татарстан располагает богатейшим историко-культурным наследием. В республике живут народы с разным историческим прошлым и культурными традициями. Сочетание, по крайней мере, трех типов культурных взаимовлияний (тюркского, финно-угорского и славяно-русского), а также двух религий (ислама и христианства) определяет уникальность этих мест, своеобразие культуры, а также культурных и исторических ценностей.

Территория республики, расположенная на месте слияния двух крупнейших рек Восточной Европы - Волги и Камы и их крупных притоков - Белой, Вятки, Свияги, Казанки, Шешмы, Ика, на стыке двух растительных зон - лесной и степной богата разнообразными археологическими памятниками - свидетелями древней и средневековой истории края, татарского народа и его предков. Наряду с этим археологические памятники республики, включающие в себя памятники, оставленные предками многих современных народов Поволжья и Приуралья, особенно марийцев, мордвы, удмуртов и чувашей, важны для изучения более широких вопросов, в том числе вопросов происхождения финно-угорских и тюрко-язычных народов восточной Европы. В республике имеются памятники всех периодов истории человечества - эпохи камня, эпохи раннего металла с периодами энеолита и бронзового века, эпохи железа с периодами раннего железного века и средневековья. Среди них есть и широко известные за пределами республики - Болгарское и Суварское городища, Танкеевский могильник в Спасском районе, Билярское городище и Больше-Тиганский могильник в Алексеевском районе, Ананьинский могильник в Елабужском районе, Именьковское городище в Лаишевском районе, Пьяноборский могильник в Агрызском районе и многие другие.

Отличие археологического наследия от других видов наследия - скрытый его потенциал, неразрывная связь с природным наследием. Будучи полностью или частично скрытыми в земле или воде, они нуждаются в специальных мерах по выявлению и охране. При исследовании археологического наследия традиционными методами (раскопками) нарушаются естественные условия хранения научной информации, а сами недвижимые памятники археологии уничтожаются.

Археологическое наследия сегодня служит основным свидетельством о различных видах деятельности человека в прошлом. Его изучение и пропаганда являются необходимым условием гуманитарного образования и

воспитания. Поэтому необходимо обеспечить охрану и правильное управление этим наследием, чтобы предоставить археологам и другим ученым возможность для его изучения и толкования в интересах и на благо современных и будущих поколений. Охрана данного наследия не может основываться на применении одних только археологических методов. Оно требует использования более широких профессиональных и научных знаний и навыков.

Учитывая, что археологическое наследие имеет важное значение для познания истории человечества, признавая, что перед ним стоит серьезная угроза разрушения вследствие растущего количества крупных программ планирования территорий в 1990 г. ИКОМОС принята "Хартия по охране и управлению археологическим наследием", в 1992 г. Советом Европы "Европейская конвенция об охране археологического наследия".

В 1992 г. Российская Федерация подписала европейскую конвенцию "Государственное финансирование археологических исследований и мероприятий по охране археологического наследия". Опираясь на ее основные положения, поставлена цель - сохранение памятников археологии по возможности в нетронутом виде. Одним из оптимальных вариантов является создание заповедников и заповедных зон, обеспечивающих памятникам археологии их естественное состояние - органическую взаимосвязь с природной средой.

Рассмотрим основные принципы, которыми руководствуются государственные организации республики при охране и управлении археологическим наследием.

Существующая сегодня система контроля за состоянием и использованием археологических ресурсов в Республике Татарстан является составной частью законодательства о сохранении всего историко-культурного наследия и включает: Закон РСФСР "Об охране и использовании памятников истории и культуры" (1978 г.), "Основы законодательства Российской Федерации о культуре" (1992 г.), Законы Республики Татарстан "Об охране и использовании культурных и исторических ценностей" (1996 г.), "О культуре" (1998 г.). В них определены правовые, экономические и организационные основы, порядок охраны и использования культурных и исторических ценностей, закреплено само понятие "памятники археологии". К ним отнесены: городища, валы и другие укрепления, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, эпиграфические объекты, наскальные изображения, клады и комплексы, культовые места, участки исторического и культурного слоя древнейших населенных пунктов.

Кроме вышеуказанных законодательных актов государственные отношения в области охраны и использования памятников археологии регулируют постановление Кабинета Министров Республики Татарстан "О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природ-

ного наследия народов Республики Татарстан” (1992 г.), постановление Кабинета Министров Республики Татарстан “О государственном регулировании отношений в области охраны и использования недвижимых памятников истории и культуры в Республики Татарстан” (1995 г.), которым утверждено Положение о порядке учета, распоряжения и управления недвижимыми памятниками истории и культуры, обеспечения их сохранности, содержания, использования и реставрации, постановление Кабинета Министров Республики Татарстан “Об организации исследований и сохранности памятников археологии на территории Республики Татарстан” (1995 г.), постановление Кабинета Министров Республики Татарстан “Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по обследованию состояния, консервации, реставрации и ремонту памятников истории и культуры в Республике Татарстан” (1996 г.).

Помимо этого вопросы археологического наследия нашли отражение в налоговом, земельном, градостроительном, жилищном, природоохранном и ином законодательстве, в государственных программах приватизации государственного имущества Республики Татарстан, развития культуры и искусства, социального и экономического прогресса, где важная роль была отведена проблемам их изучения и сохранения. Памятники археологии, земли историко-культурного назначения включены в Перечень объектов, не подлежащих приватизации.

Совершенствование законодательной, нормативной правовой базы продолжается, как на федеральном, так и на республиканском уровне. В настоящее время подготовлены и находится на рассмотрении Государственной Думы Российской Федерации “Об охране и использовании памятников истории и культуры”, Государственного Совета Республики Татарстан проект Закон Республики Татарстан “Об административной ответственности за нарушение законодательства об охране и использовании культурных и исторических ценностей”. Последним законопроектом будут установлены: виды административных правонарушений в отношении недвижимых памятников истории и культуры; размеры штрафа налагаемого на юридических лиц, должностных лиц и граждан за деяния, совершенные в отношении недвижимых памятников истории и культуры и порядок его наложения; органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях в области охраны и использования памятников истории и культуры, порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях, административную ответственность за нарушения в области охраны недвижимых памятников истории и культуры, размеры распределения сумм штрафов и их использование.

Государственный контроль за состоянием памятников археологии, согласно действующему на территории Республики Татарстан законодательству осуществляется Министерством культуры Российской Федерации на федеральном уровне, Министерством культуры Республики Татарстан на

республиканском уровне, управлениями (отделами) культуры местных органов государственного управления на местном уровне. При осуществлении строительных, дорожных, мелиоративных и других работ, хозяйственного освоения территорий, при приватизации земельных участков под объектами недвижимости проводится обязательная государственная экспертиза (заключение о наличии ограничений для территорий, имеющих культурную и историческую ценность). К сожалению, в районах, где расположены памятники истории и культуры, историко-культурные территории, нередко не хватает или вообще нет специалистов, способных оценить и описать состояние памятников, отстоять их самобытность при участившихся попытках незаконных земельных отводов и застройки, других нарушений уже существующего законодательства.

Функции научного контроля предоставлены Институту археологии Российской академии наук и Институту истории Академии наук Республики Татарстан, обладающих правом выдачи открытых листов на проведение археологических исследований, которые регистрируются в Министерстве культуры Российской Федерации и Министерстве культуры Республики Татарстан.

К сожалению, в 1993-1995 гг. в нарушение установленного порядка обеспечения сохранности культурных и исторических ценностей исследования археологических объектов в республике велись без разрешения - открытых листов. В настоящее время эта проблема частично отрегулирована. В 1996 г. в соответствии с Законом Республики Татарстан “Об охране и использовании культурных и исторических ценностей” ведение раскопок и разведок памятников археологии допускается только при наличии разрешений (открытых) листов, выдаваемых Академией наук Татарстана. При Институте истории АНТ создан Отдел полевых исследований. Исследователи получают разрешения как в Институте археологии РАН, так и в Институте истории АНТ. Среди исследователей, по-прежнему, остро стоит вопрос - где брать открытый лист? В 1997-1999 гг. местными археологами получено 73 открытых листа на право исследования памятников археологии, в том числе 12 из федерального центра. По-прежнему, нет обмена информацией между Институтом археологии РАН и Институтом истории АНТ, отсутствуют археологические отчеты по местным открытым листам в Москве, по федеральным - в Казани. Не все Открытые листы регистрируются в государственных органах охраны памятников.

Из федерального и республиканского бюджетов выделяются средства на *сохранение* памятников археологии (Министерству культуры Российской Федерации и Министерству культуры Республики Татарстан) и *изучение* - проведение археологических разведок и раскопок (Институту археологии Российской академии наук и Институту истории Академии наук Республики Татарстан). Из республиканского бюджета финансируются археологические исследования, которые проводятся вузами, музеями и дру-

гими государственными учреждениями. Кроме того, в последние годы ведется финансирование археологических раскопок из местных (городских, районных) бюджетов (г.Казань, г.Елабуга, Октябрьский район и другие), а также за счет средств организаций ведущих хозяйственное освоение территорий.

В республике выявлено около 7,0 тысяч объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. На государственной охране находится 1225 (1498) памятников истории и культуры. Из них памятников федерального (общероссийского) значения - 110 (228), республиканского (Республики Татарстан) значения - 871 (977), местного (городского, районного) значения. -244 (60).

Основные виды памятников истории и культуры:

- памятники археологии – 278,
- памятники истории – 204/205,
- памятники градостроительства и архитектуры – 707/946,
- памятники искусства - 16.

Ежегодно археологическими экспедициями Института истории Академии наук Республики Татарстан, Главного управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры, государственных учреждений (вузов, музеев, музеев-заповедников) проводятся археологические исследования (разведки, раскопки) и охранно-спасательные работы.

В 1990-е гг. распределение средств на комплекс мероприятий по выявлению и сохранению памятников археологии происходило по нескольким направлениям: на проведение охранных исследований памятников археологии, находящихся под угрозой разрушения от природных факторов, на музеефикацию и консервацию уникальных памятников археологии, на исследование культурного слоя в зонах строительства и реконструкции объектов, хозяйственного освоения территорий.

Наиболее значительные и широкомасштабные археологические исследования и охранно-спасательные работы были проведены на территории города Казани и Казанского Кремля с целью максимального выявления и музеефикации археологических объектов всех периодов, уточнения даты основания г. Казани, в зонах строительства мостового перехода через р.Кама на территории Рыбно-Слободского и Алексеевского районов.

На территории г. Казани и Казанского Кремля в 1993-1999 гг. заложен 41 раскоп общей площадью более 6 тыс. кв. м. Изучены археологические объекты различных периодов в истории г. Казани, на территории Казанского Кремля зафиксированы остатки раннего культурного слоя, который на основе находок (керамики, орудий труда, оружия, украшений, а также монет) датирован рубежом X-XI вв., вскрыты остатки оборонительных сооружений домонгольского периода. Получен большой фактический материал по различным аспектам материальной и духовной жизни насе-

ления Волжской Болгарии, Золотой Орды, Казанского Ханства и Русского государства.

При проведении охранно-спасательных работ на Мурзихинском II могильнике в Алексеевском районе только в ходе работ 1999 г. (ведутся с 1993 г.) было заложено 4 раскопа общей площадью 1780м², изучено 58 погребений, 1 жертвенный комплекс, 5 стел. Погребения относятся к 4 историческим эпохам: энеолита – середина IV тысячелетия до н.э., бронзы – черкаскульская культура XIII-XII вв. до н.э., перехода от бронзы к раннему железу – маклашевский этап – XI- 1 пол. IX вв. до н.э. и раннего железа – ананьинская культура – сер. IX – VII вв. до н.э.

Результаты археологических исследований на территории Казанского Кремля и г.Казани, Елабуги, Болгарского, Билярского и Иске-Казанского заповедников, Мурзихинского могильника II и других объектов прошли научную опробацию на симпозиумах и конференциях, доведены до сведения научной общественности и получили широкое освещение в средствах массовой информации. На их основании Указов Президента Российской Федерации и Республики Татарстан от 1 сентября 1999 г. приняты решения о праздновании 1000-летия основания города Казани в августе 2005 г.

Долгое время основное внимание государственных органов, ученых и общественности было обращено на охрану отдельных памятников. Сейчас уже многие осознали, что сохранить отдельные памятники вне окружающей среды невозможно. Именно осознание того, что нельзя отрывать культуры от природы, а природу от человека, привело к переосмыслению самого представления о культурном наследии.

Что же сегодня является основным объектом наследия? Это живая уникальная историко-культурная и природная территория. Для “институционализации” уникальных территорий используются старые, уже сложившиеся формы, например, национальные и исторические парки, заповедники, музеи-заповедники, исторические города.

Музеи-заповедники, составляющие группу музеев под открытым небом, нацелены на сохранение не только конкретных объектов, но и процессов, обеспечивающих их жизнедеятельность. Музеи-заповедники являются государственными научно-исследовательскими и научно-просветительскими учреждениями культуры - хранителями памятников истории, культуры и природы. Целью Музея-заповедника является сохранение и использование целостности историко-архитектурного, художественного, ландшафтного и природного комплекса (с позиций не отчуждаемости каждого из его элементов), как объекта музейного показа; выявление, хранение, комплектование, изучение и публичное представление музейных предметов и музейных коллекций, развитие Музея-заповедника как центра традиционной и инновационной культуры.

На базе историко-архитектурных, археологических и природных комплексов памятников в республике созданы и ведут работу по сохранению

культурных и исторических ценностей Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник в Спасском районе (1969 г.), Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (1990 г.), Иске-Казанский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник в Высокогорском районе (1992 г.), Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник в Алексеевском районе (1992 г.), Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник “Казанский Кремль” (1995 г.). Важную роль в их деятельности занимает изучение, охрана и пропаганда археологического наследия. Это лишь незначительная часть археологического наследия, которая передана в управление специальных организаций. Другая часть находится в распоряжении различных субъектов хозяйственной деятельности.

Ведется поиск и новых форм организации такого рода территорий, обладающих правовой защищенностью и особым статусом управления.

В 1999 г. в целях сохранения памятника археологии федерального (общероссийского) значения – территории культурного слоя комплекса “Джукетау” X-XV вв. – остатков одного из основных городов Волжско-Камской Болгарии и Улуса Джучи и его дальнейшего изучения, активизации культурно-просветительной деятельности и повышения культурного образования населения, совершенствования контроля за использованием земель, а также регулирования градостроительной, хозяйственной и иной деятельности организована историко-культурная заповедная территория “Джукетау” в Чистопольском районе. Установлен режимы ее содержания и использования, не допускающий утраты культурного слоя (от резервационного до ограниченного и универсального использования). Контроль за сохранность историко-культурного объекта возложен на администрацию района. Аналогичная историко-культурная заповедная территория в 2000 г. создана в целях сохранения Чаллынского (Тябердинского) городища 12-1556 г. в Рыбно-Слободском районе. В перспективе на базе историко-культурных территорий планируется создание историко-культурных заповедников.

В 2000 г. в Тетюшском районе создан историко-архитектурный и природный парк “Долгая Поляна”. Здесь впервые в республике, да и, пожалуй, в России, при организации особо охраняемой культурной территории произошла координация усилий ученых-проектировщиков, археологов, управленцев различного уровня и местного населения в сфере природопользования, экологии и охраны памятников истории и культуры. Наряду с памятниками природы, выделен ряд археологических объектов (Долгополянские селища I и II, Долгополянские стоянки I-V и Долгополянский могильник).

В 2000 г. планируется создание Государственного комплексного природного заказника “Спасский”, на территории которого расположено око-

ло 100 археологических объектов (городища, селища, стоянки, могильники и т.д.).

Учитывая незначительное количество памятников археологии, находящихся на государственной охране, с 1993 г. проводится работа по их комплексной охране на территории городов и районов. Для учета территорий памятников археологии, как объектов историко-культурного наследия, перевода их в разряд земель историко-культурного назначения и комплексной постановки их на государственную охрану, а также с целью более действенной охраны их исторического культурного слоя от разрушения в ходе различных строительных, мелиоративных, дорожных и иных природообразующих предприятий Главным управлением государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры ведется разработка проектов отвода земель историко-культурного назначения (территория и земли историко-культурного назначения). В настоящее время проведено сплошное исследование (инвентаризация) территорий Азнакаевского, Актанышского, Альметьевского, Бугульминского, Дрожановского, Мамадышского, Менделеевского, Муслумовского, Пестречинского, Сабинского, Сармановского и Тюлячинского районов. Выявлено большое количество памятников, которые не вошли в Археологическую карту Татарстана. Утверждены проекты отвода земель историко-культурного назначения Сабинского и Менделеевского районов. На территории последнего все археологические объекты (21) поставлены на государственную охрану местного (районного) значения. Вокруг памятников установлены информационные знаки.

В конце 1997 года Казанским Советом народных депутатов принят Градостроительный Устав г.Казани, регулирующий отношения на всей территории города Казани в области градостроительного планирования, зонирования, застройки, землепользования, благоустройства, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, рационального природопользования, **сохранения объектов историко-культурного наследия** и охраны окружающей среды в целях обеспечения благоприятных условий проживания населения. Утверждена Карта зон действий ограниченный по условиям охраны археологического слоя с его указанием и зон проведения археологических работ и археологических наблюдений.

Ведется разработка Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Республики Татарстан, одной из задач которой является сохранение территорий объектов историко-культурного и природного наследия. Важное место в ней займут памятники археологии. Именно здесь необходима значительная помощь ученых-археологов.

Несмотря на “значительные” успехи в выявлении археологических объектов положение с их охраной, консервацией использование продолжает оставаться серьезным.

Прежде всего, угроза сохранности археологического наследия диктуется, прежде всего, действием трех факторов: **естественное разрушение, уничтожение в результате хозяйственной деятельности (антропогенное) и целенаправленные грабительские раскопки памятников.** Субъектами хозяйственной деятельности выступают: государственные предприятия, акционерные общества и частные предприятия, физические лица.

В зоне абразионного уступа Нижнекамского и Куйбышевского водохранилищ в зависимости от уровня подъема воды уничтожается до 800 археологических объектов. В случае принятия решения о поднятии уровня Нижнекамского водохранилища будет дополнительно уничтожено до 500 памятников. Ни один другой субъект Федерации не страдает в такой степени от разрушения памятников археологии, как Татарстан. Среди разрушающихся объектов такие всемирно известные, как Танкеевский могильник, Измерский комплекс и другие. Нижнекамская ГЭС ПЭО "Татэнерго" и Куйбышевская ГЭС РАО "ЕЭС России" уклоняются от расходов на финансирование охранно-спасательных мероприятий.

Здесь в середине 1990-х гг. велись работы на археологических объектах, находящихся под угрозой разрушения за счет средств федерального бюджета по программе "Сохранение и развитие культуры и искусства" и республиканского бюджета по "Программе проведения охранно-спасательных археологических работ в зоне абразионного уступа Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ (на период до 2000 года)". Кроме того, Средне-Волжское бассейновое водохозяйственное объединение и Управление эксплуатации берегоукрепительных и других работ должны были предусматривать в проектах необходимые средства на выполнение охранно-спасательных археологических работ, которые так и не были выделены.

Постановлением "О неотложных мерах по улучшению охраны и использования недвижимых культурных и исторических ценностей в Республики Татарстан" Кабинет Министров Республики Татарстан обязал ПЭО "Татэнерго" начиная с 1999 г. предусматривать финансирование охранно-спасательных археологических работ на основных разрушающихся памятниках археологии в зоне абразионного уступа Нижнекамского водохранилища и утвердил перечень, включающий 23 объекта и минимальный объем охранно-спасательных археологических работ.

278 памятников археологии (22 федерального (общероссийского), 235 республиканского (Республики Татарстан) и 21 местного (городского, районного) значения) составляет лишь 2,3 % от общего числа памятников истории и культуры, поставленных на государственную охрану. Количество выявленных археологических объектов значительно больше. Их регистрация и учет ведутся непосредственно специалистами-археологами на местах: создание археологических карт, банков данных, публикация материалов Свода памятников. Обобщение информации о выявленных памятниках занимается Институт истории Академии наук Республики Татар-

стан. Согласно археологическим картам, подготовленным местными археологами и опубликованных в 1980-х - начале 1990-х гг., в Республике Татарстан выявлено **4338** археологических объектов начиная с глубокой древности до 16 в. К сожалению в этих материалах нет указания границ археологических объектов, что затрудняет дальнейшую работу по установлению зон их охраны.

Практически, несмотря на большую работу по выявлению, изучению и пропаганде памятников археологии, с начала 60-х гг. этот вид памятников юридически не включен в перечень объектов, поставленных на государственную охрану. Институт истории АНТ с начала 1990-х гг. устранился от работы по выявлению и паспортизации памятников археологии, от подготовки Свода памятников истории и культуры Республики Татарстан. В рассматриваемый период из 666 памятников истории и культуры, включенных в Государственные охранные реестр, значится лишь 21 археологический объект.

Для памятников основным учетным документом является паспорт с учетной карточкой объекта. Только после составления указанных документов памятник считается "выявленным", т.е. включается в "Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную ценность" и подлежит охране в соответствии с законодательством. В настоящее время работа по паспортизации памятников истории и культуры завершена, но без памятников археологии.

Наблюдается и неравномерность в обследовании районов и изучении культур и эпох. Первоочередного и наиболее тщательного изучения требуют территории северных районов республики и Восточного Закамья. Наиболее перспективны для археологического изыскания районы Восточного Закамья, долины р.Волги и Камы в пределах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ.

В организации изучения и охраны археологического культурного слоя Казанского Кремля и г.Казани, Болгарского, Билярского и Елабужского музея-заповедника и других территорий по мере расширения их хозяйственного освоения увеличиваются и проблемы. Не приняты действенные меры по его сохранению при проведении строительных, дорожных и иных хозяйственных работ. Юридические и физические лица зачастую уклоняются от расходов на охранные археологические исследования, если памятники археологии попадают в зону их деятельности. Имеется ряд проблем, как научных, так производственных, по вопросам музеефикации и консервации уже вскрытых архитектурно-археологических объектов.

Так, в последнее время приоритетным в работе археологов на территории Казанского Кремля стало исследование культурного слоя. В то же время охранные исследования в зонах строительства и реконструкции объектов, начатые в 1993-1995 гг. на территории бывших Юнкерского училища, Артиллерийского (Пушечного) двора и Спассо-Преображенского

монастыря, не были своевременно завершены. Именно, эта направленность, а также несогласованность в планах археологических и строительных работ привели к разрушению культурного слоя на отдельных участках в зонах строительства и реконструкции на территории Казанского Кремля в 1999 г.

Большое количество археологических объектов частично разрушается, а, не редко, и утрачивается полностью при хозяйственном освоении территорий. Правда, в некоторых районах археологические памятники, особенно кладбища, относящиеся к XIII-XVI вв. окружаются бережной заботой. Так, в Альметьевском районе известное Елховское кладбище с надгробиями, относящимися к XVII-XVIII вв. обнесено оградой и охраняется местными органами управления. В Менделеевском районе все памятники археологии снабжены информационными знаками. Но, к сожалению, таких примеров единицы. Большое количество археологических памятников гибнет при проведении дорожного, мелиоративного и иного строительства, интенсивно ведущегося во многих районах. Приведем лишь некоторые примеры.

В г.Казани в зонах обязательного проведения археологических исследований и археологических наблюдений, без согласования проведены работы по строительству зданий АКБ "Девон-Кредит" (ул.К.Маркса), Прокуратуры Республики Татарстан (пл.Свододы), ККЦ "Таиф" (между протокой Булак и ЦУМом). Зафиксированы отдельные разрушения культурного слоя и на территории Казанского Кремля.

В Алексеевском районе на территории Билярского заповедника при строительстве грунтовой дороги использован культурный слой городища.

В Елабужском районе в охранный зоне музея-заповедника на территории Чортового городища ведется строительство индивидуального жилого дома.

В Мамадышском районе карьером частично разрушено Хенсверкинское поселение.

В Рыбно-Слободском районе культурный слой Чаллынского городища XII в.-1556 г. и прилегающих территорий, по-прежнему, подвергается хозяйственному разрушению. В 1999 г. вновь открыт карьер гравия, закрытый в 1993 г.

В Спасском районе карьером для добычи глины разрушено на большой площади Балымерское селище XII в., физическим лицом частично разрушены оборонительные сооружения (вал и ров) Болгарского городища X-XV вв. После вмешательства Министерства культуры и Прокуратуры Республики Татарстан этому факту Прокуратурой Спасского района возбуждено уголовное дело в отношении физического лица.

Все эти примеры показывают, что отношение к памятникам археологии далеко не соответствует общепринятым принципам и нормам сохранения культурного наследия, и требуют дальнейшей работы.

Внимание к сохранению памятников археологии и их музеефикации со стороны местных органов управления, да и археологов научных учреждений недостаточно. Почему-то укоренилось мнение, что это дело лишь управленцев, специалистов-практиков, работающих в этой области охраны памятников истории и культуры. Здесь необходим комплексный подход. Сейчас схема такая: археологи копают и выявляют объект. В лучшем случае, при наличии денежных средств через некоторое время приезжают архитекторы, строители и по возможности музеефицируют объект. В других случаях объект просто начинает разрушаться. И здесь встает проблема специальной организации - музея, музея-заповедника или особо охраняемой историко-культурной территории.

По сравнению со многими регионами России у нас имеется большое число профессиональных археологов, главным образом в г.Казани. Имеющееся оборудование физически изношено и морально устарело. Не применяются высокоэффективные технологии для выявления и фиксации памятников. В тоже время в Казани есть база для освоения новых методов датировки древних вещей. Резко сократилось финансирование на проведение полевых работ за счет средств республиканского бюджета, практически нет финансирования из федерального бюджета. Таким образом, нарушается процесс исследования уже известных памятников и поиск новых археологических объектов. Не хватает средств на публикацию материалов.

Проблема хранения и использования массового археологического материала из раскопок больших объектов не решена. Исключение составляют только те случаи, когда раскопки проводятся нерегулярно или очень небольшими площадями. Неизбежная утрата этого материала постоянно приводит к невозможным потерям информации, которая важна для решения исторических и иногда технологических задач.

Имеющиеся государственные музеи не приспособлены к хранению массового материала, в первую очередь из-за унифицированных регламентированных норм хранения. Ни одна археологическая коллекция не поставлена на государственную охрану. Поэтому необходим тщательный учет всех археологических коллекций, размещенных в академических институтах, вузах и местных музеях. Эта проблема сохранения собственной части наследия, массового археологического материала, на наш взгляд, может быть удовлетворительно решена только в рамках археологического заповедника.

В целом система законодательства, контроля за состоянием и использованием археологических ресурсов во многих аспектах соответствует мировому опыту регулирования в этой сфере.

Постепенно охрана археологического наследия становится составной частью политики использования земель, развития и планирования, а также политики в области культуры, образования и охраны окружающей среды.

В то же время, необходимо повышать общую культуру населения. Если этого не будет, то любые меры – правовые или административные не помогут. Эта работа должна начинаться со школы. Необходима разработка культурных программ, которые разъясняли бы населению значение.

Формирование государственной политики в сфере археологии должно основываться на понимании принципиального различия между сохранением археологического наследия и проведением археологических исследований. При современном уровне методик археологических раскопок изучение памятника означает его разрушение. Проведение массовых раскопок нарушает целостность исторических ландшафтов. Например, в США существует специальная директива “О консервации археологических ресурсов”. Она разделяет наследие на археологические объекты, сохраняемые для будущего поколения, и предназначенные для раскопок в научных целях.

Охрана археологического наследия должна основываться на эффективном сотрудничестве специалистов многих отраслей знаний. Необходимо также содействие органов государственного управления, академических исследователей, частных предприятий и общественности. При сложившемся в республике положении, когда большое количество памятников археологии подвергается естественному разрушению, было бы не плохо сосредоточить основное внимание археологов на исследование в зонах хозяйственного освоения территорий и определить археологические объекты, сохраняемые для будущего поколения.

Кроме того, задачами ближайшего времени в деле сохранения археологического должны явиться:

- * разработка и принятие, в случае необходимости, специальных нормативных правовых актов,
- * обеспечение сохранности археологического культурного слоя при хозяйственном освоении территорий исторической среды исторических населенных пунктов,
- * включение в охранные реестры культурных и исторических ценностей федерального (общероссийского), республиканского (Республики Татарстан), местного (городского, районного) значения вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность,
- * организация охранно-спасательных археологических работ на основных разрушающихся памятниках археологии в зоне абразионного уступа Куйбышевского и Нижнекамского водохранилища,
- * установление в бюджете нарастающей по годам доли затрат на охрану археологических объектов в зонах естественного разрушения археологических объектов и неукоснительное соблюдение ее при формировании бюджета,

- * формирование средств на сохранение памятников археологии в местных бюджетах городов и районов,
- * внедрение современных технологий в области изучения и охраны археологического наследия,
- * создание единой информационно-поисковой системы “Памятники археологии”, типовых форм учетной документации,
- * разработка и принятие “Республиканской целевой комплексной программы сохранения и использования культурного и исторического наследия “Мирас” (“Наследие”) на 2002-2010 гг. и перспективу до 2015 г., местных (городских, районных) комплексных программ по охране и реставрации памятников истории и культуры, где важная роль должна быть уделена сохранению археологических объектов.

Примечания:

1. Археологический фактор в планировочной организации территории. Материалы семинара. – М., 1997.
2. Изучение, охрана, реставрация и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан. Информационный сборник. Вып.1. Законодательные и нормативные правовые акты. – Казань, 1997.
3. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань, 1987.
4. Культурная политика России. История и современность. - М., 1996.
5. Материальная база сферы культуры: отечественный и зарубежный опыт решения управленческих, научных и технических проблем. Акты Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест и Совета Европы о сохранении культурного наследия – Информационный сборник. – Вып.2.-М., 1994.
6. Текущий архив Главного управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры. Нормативные акты государственных органов Российской Федерации и Республики Татарстан о постановке на государственную охрану памятников истории и культуры (1957-1999 гг.).
7. Текущий архив Главного управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры. Предписания о нарушении законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры (1990-1999 гг.).
8. Текущий архив Главного управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры. Проекты зон охраны памятников археологии (территория и земли историко-культурного назначения) (1994-1999).
9. Текущий архив Главного управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры. Планы работ и отчеты о деятельности Управления (1990-1999)
10. Территория. Журнал о культурном и природном наследии. – 1994.-№1.

Г.И.Дроздова

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КЛАДБИЩ И ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Период истории чувашского народа XVI - XVIII вв. слабо освещен в археологическом плане, хотя начало XVI в. принято считать временем формирования чувашской народности, о чем свидетельствует появление этнонима “чуваша” в письменных источниках.

Одним из первых исследователей позднесредневековых кладбищ на территории Чувашии был В.Ф.Смолин (34, с.28) - казанский археолог, исследовавший в 1921 г. кладбище XVI - XVII вв. “Киве-Сава” в Чебоксарском районе Чувашии. В 1926 - 1930 гг. большая работа была проведена Государственной Академией истории материальной культуры под руководством П.П.Ефименко. Им было обследовано несколько поздних средневековых чувашских кладбищ XVI - XVIII вв.: Кукшелидское, Байдеряковское, кладбища у деревень: Каршлых, Полевые Кизильяры, Вагал-Касы (10; 11). В 1949 г. М.С.Акимовой были произведены раскопки в Козловском районе следующих кладбищ: “Тубах Мазар”, “Кереметь-Кады”, “Детского кладбища”, а в 1950 г. ею же было обследовано кладбище у д.Татмыш-Югелево в Чкаловском районе Чувашии с целью получения антропологического материала (1; 2).

В 1960 г. П.Д.Степановым было выявлено кладбище XVII в. в Козловском районе между деревнями Досаево и Кожары, которое в 1956 г. было исследовано Н.В.Трубниковой (37, с.258-259).

Исследование Новоядринского кладбища, расположенного в Ядринском районе было проведено Н.В.Трубниковой и продолжено в 1969, 1971, 1972 гг. И.С.Вайнером и Ю.А.Красновым (34). Кладбище функционировало длительное время около 300-400 лет и датируется XIV-XVIII вв. В 1956 г. Н.В.Трубниковой было исследовано кладбище Палаху, расположенное в Красноармейском районе в 1966, 1970, 1972, 1973 гг. исследование этого археологического памятника было продолжено ведущим археологом Чувашии В.Ф.Каховским. В 1960 г. этим же исследователем были проведены раскопки Икковского кладбища, расположенного в Чебоксарском районе Чувашии (15). В 1966 г. работы на этом памятнике были продолжены. В этом же году П.Н.Старостиным было проведено обследование Верхне-Магазьского кладбища в Чебоксарском районе Чувашии (35). В 1967 г. А.П.Смирновым и В.Ф.Каховским исследовано Таушкрасинское языческое

кладбище, расположенное в Цивильском районе (33). В начале 70-х гг. наблюдается планомерность в исследованиях археологических памятников на территории Чувашии. С 1974 по 1977 г. В.Ф.Каховским и Б.В.Каховским изучено и исследовано четыре крупных кладбища: Толиковское, Бахтигильдинское (Батыревский район), Мартыновское (Козловский район) и Тегешевское (Урмарский район) (17; 18, с.95; 19, с.129; 20, с.). Результаты их исследований позволяют нам выяснить картину погребального языческого обряда чувашского народа. В 1983 - 86 гг. автором статьи были проведены разведочные работы, а также археологические раскопки в Урмарском и Батыревском районах Чувашии. Было выявлено и обследовано восемь языческих кладбищ XVII - XVIII вв.: Старо-Щелканское, Орнарское, Чегедуевское, Старо-Урмарское, Чирш-Сирминское, Мусирминское, Мало-Арабузинское, Ново-Ахпердинское (7, с.129; 8, с.161-173). В 1984 г. под руководством Б.В. Каховского были продолжены исследования Больше-Тоябинского кладбища.

С 1994 - 1997 гг. Г.И.Дроздовой проводились раскопки Больше-Меминского чувашского языческого кладбища XVII-XVIII вв, расположенного в Верхне-Услонском районе Татарии (6).

Археологические работы проведены на 30 кладбищах, нами собрана информация о более 1200 погребениях, из них для статистической обработки могут быть использованы лишь 14 кладбищ.

Погребальный обряд в этнографическом плане привлекал исследователей еще с конца XVIII в. Одним из первых трудов, представляющих нам общее описание погребального ритуала чуваш являются работы Г.Ф.Миллера, И.Г.Георги, в которых авторы отмечают несомненную близость обрядов чуваш и марийцев (6). Конкретное описание погребального обряда чуваш конца XVIII в. содержится в очерке К.С.Мильковича (40). В 1865 г. вышла работа преподавателя Казанского университета Сбоева В. (33), в которой он критикует своих предшественников за некоторые неточности, допущенные при описании погребального ритуала. Заслуживает внимания, прежде своей привязанностью к определенной этнографической группе, описание погребального обряда чуваш, данное первым чувашским этнографом С.М.Михайловым (1972) (28). В 1870 г. выходит работа А.Ф. Риттиха (31). Интересен очерк Н.Каменского, посвященный остаткам язычества в погребальном обряде чуваш (14, с.31). Отличается своей информативностью и сообщением В.К.Магницкого (1881), который сделал попытку проследить погребальный обряд по этнографическим группам и провести аналогии с марийским погребальным обрядом (27). Все вышеперечисленные авторы, в том числе и конца XIX в. (Виноградов Ф., 1897), отмечали сохранение в погребальном обряде чуваш, наряду с особенностями, присущими христианскому обряду, элементы языческого ритуала (5). Ученые начала XX в. продолжали интересоваться погребальным обрядом чуваш (Н.В.Никольский, 1919; Комисаров Г., 1911) (29; с.23). Первым спе-

циальным и целенаправленным исследованием по погребальному обряду чуваш можно считать работу К.П.Прокопьева (1903) (30). Заслуживают внимания и материалы С.И.Руденко (1910) (32). После Октябрьской революции изучение погребального обряда чуваш конкретизируется и направляется не только на описание, но и на анализ, в том числе и сравнительно-исторический. В 1959 г. появилось исследование чувашского этнографа П.В. Денисова “Религиозные верования чуваш”, в котором автор рассматривает языческие верования чуваш, их погребальный обряд, сопоставляет с болгарским обрядом и, наконец, приходит к выводу о том, что языческие верования чуваш имеют непосредственную связь с религиозными представлениями населения Булгарского царства (7). В данной статье мы не затрагиваем вопроса о происхождении чувашского народа, поскольку существует множество теорий на этот счет. Данная тема, требует комплексного разрешения, и мы предпринимая попытку исследовать погребальный обряд с тем, чтобы использовать его как один из источников, помогающих в какой-то степени пролить свет на решение этой сложной проблемы.

В 1969 г. вышла статья Л.А.Иванова, предоставившая нам интересные материалы по надгробным памятникам чуваш (13). Автор находит аналогии чувашского обряда с обрядами угров, хантов. Заслуживает внимания исследование Г.Е.Кудряшова (1961) о религиозных представлениях тюркских и финно-угорских народов, на базе которых, по его мнению, сложилась религия чуваш (26). Результатом многолетней работы авторского коллектива является монография “Чуваши” (1970) (21; 22). Изучению погребального обряда чуваш посвящены ряд статей и диссертация Б.В.Каховского (12, л.72). Исследователь, на основании изучения погребального ритуала чуваш пришел к выводу о близости древнечувашского погребального ритуала с древнеболгарским. Им была высказана мысль о том, что болгарский компонент сыграл определенную роль в этногенезе чувашского народа и ее культуры.

Этим количеством перечисленных памятников и кратким обзором этнографической литературы по исследуемому погребальному обряду можно завершить обзор по территории Чувашии.

Проведение археолого-этнографического сопоставительного анализа чувашского народа дает нам возможность выяснить некоторые аспекты материальной и духовной культуры исследуемого народа. Это отражается прежде всего в находках вещевого инвентаря, обнаруженного при погребенных, среди которых бытовые предметы, орудия труда, а также предметы украшений, детали костюма, монеты. Наиболее часто встречающейся находкой являются железные ножи, причем в некоторых могильниках типа Новоядринского, почти все они имеют обломанные концы лезвий (10). Эта деталь объясняется этнографами: таким образом, умершие не могли навредить оставшимся в живых родственникам. Кроме ножей довольно

частыми находками являются в мужских захоронениях — остатки огнива, в виде кремня и кресала, в женских — иглы, булавки, иногда кочедыки для плетения лаптей. Как объясняют этнографы, орудия труда, которыми пользовался умерший еще при жизни, могли пригодиться ему на “том свете”, т.е. он будет заниматься той же деятельностью, чем занимался при жизни. В ряде случаев в погребениях ряда могильников были зафиксированы находки сельскохозяйственных орудий: косари, обломки серпов, зубила, топоры. Многочисленны, особенно в женских захоронениях, находки украшений. Расположение украшений на костяке обычно соответствовало их функциям. Преобладают украшения костюма, головы, рук и ног. Они составляют основную категорию погребального инвентаря. Богатые украшения характерны для погребений Новоядринского могильника. Характерно наличие во многих захоронениях следов кожаной шапочки-хушпу — головного убора замужних женщин, а также масмака — головного убора с покрывалом (3). В позднесредневековых могильниках частыми находками являются следующие украшения: перстни с растительным и геометрическим орнаментом, иногда с изображением людей или животных, бусы из стекла, бисер, нагрудное украшение сурпан-сакки, близкое к украшениям мордвы, серьги, подвески в виде уплощенных шариков, остатки поясных украшений типа “хюре”, бубенчики, браслеты, накосяники типа “упине”, железные подковки от обуви. Начиная с XVI в. в могилах появляются монеты, причем большинство из них хорошо датируются периодом Ивана IV (1547-1584 гг.), Федора Ивановича (1584-1594 гг.), Бориса Годунова (1598-1605 гг.), Василия Ивановича (1613-1645 гг.), Алексея Михайловича (1645-1676 гг.), Федора Алексеевича (1676-1682 гг.) и более поздних периодов, вплоть до конца XIX в.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что основной формой обряда у чувашского населения является трупоположение в колодах-гробах, в неглубоких ямах, умершие располагались вытянуто на спине, с вытянутыми руками вдоль туловища, головой на запад, в сопровождении орудий труда и украшений, расположенных обычно в порядке ношения.

Во второй половине XVI в. в связи с вхождением нерусских народов Поволжья в состав России правительство принимает ряд мер по обращению язычествующего населения в христианскую религию. В кладбищах XVIII - XIX вв. (Мусирминское) наблюдается проникновение христианских элементов: увеличивается глубина могильных ям, умершие погребались в деревянных гробах с крышками, головой строго на запад, руки на груди, появились медные нательные крестики, но несмотря на все усилия самодержавия и русской православной церкви, основная масса чувашского населения продолжает придерживаться языческих верований.

Дальнейшее изучение погребального обряда чувашского народа, сопоставление с обрядами других финно-угорских и тюркоязычных народов

поможет в какой-то степени решить вопрос об этносе чувашского народа, лучше узнать материальную и духовную культуру этого народа.

Примечание:

1. Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Чувашской АССР / Архив ИА. р-1. № 343.
2. Акимова М.С. Отчет об археологических раскопках в Чувашской АССР в 1950 г. / Архив ИА. р-1. № 462.
3. Алихова А.Е. Материальная культура среднециннской мордвы VIII-IX вв. Саранск, 1969.
4. Вайнер И.С. Отчет о работах 3-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции // Архив ИА. р-1. № 4696.
5. Виноградов Ф. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск, 1897.
6. Георги Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов; яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.
7. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959.
8. Дроздова Г.И. Позднесредневековые могильники Чувашии // АО 1984 г. - М.: Наука, 1986.
9. Дроздова Г.И., Булыгин А.И. Больше-Меминский могильник // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
10. Ефименко П.П. Материалы Средневожской экспедиции 1926 г. / Архив ЛОИА. ф.2. оп.1. ед.хр.239-241, 1926.
11. Ефименко П.П. / Архив ЛОИА. ф.2.оп.1. ед.хр.230, 231, 1927.
12. Зубарев В.М., Краснов Ю.А., Трубникова Н.В. Отчет Чебоксарской археологической экспедиции 1969 г. / Архив ИА. р-1. № 393.
13. Иванов А.А. Языческие надгробия на чувашских погребениях // История, этнография, социология. Ученые записки. - Чебоксары, 1969. - Вып.47.
14. Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань, 1879.
15. Каховский В.Ф. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1960 г. / Архив ИА. р-1, № 2089.
16. Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.
17. Каховский Б.В. Толиковский могильник // История, археология и этнография Чувашской АССР. УЗЧНИИ. Чебоксары, 1975. - Вып.56.
18. Каховский В.Ф., Каховский Б.В. Бахтигильдинский могильник // Исследования по археологии Чувашии. Труды НИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1978. - Вып.80.
19. Каховский Б.В. Раскопки Тегешевского могильника // Исследования по археологии Чувашии. Труды НИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1978. - Вып.80.
20. Каховский Б.В. Исследования Мартыновского могильника // Исследования по археологии Чувашии. Труды НИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1978. - Вып.80.
21. Каховский Б.В. О язычестве волжских булгар (По археологическим данным) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. - Чебоксары, 1983.
22. Каховский Б.В. Дохристианский погребальный обряд чуваш как материал к этногенезу // Болгары и чуваш. Чебоксары, 1984.
23. Краснов Ю.А. Краткий очерк работ Чебоксарской археологической экспедиции 1971 г. / Архив ИА. р-1. - т.1 - № 4398. Краснов Ю.А. Краткий очерк работ Чебоксарской археологической экспедиции в 1972 г. / Архив ИА. р-1, № 4803.
24. Кудряшов Г.Е. Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. Чебоксары, 1961.
25. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры, собранные в некоторых местностях Казанской губернии. Казань, 1881.
26. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972.
27. Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919; Комисаров Г. Чуваша Казанского Заволжья // ИОАИЭ, т.ХХУП, вып.5. Казань, 1911.
28. Прокопьев К.П. Похороны и поминки у чуваш. Казань, 1903.
29. Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870.
30. Руденко С.И. Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. - СПб., 1910. - т.1.
31. Сбоев В. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856.
32. Смирнов А.П., Каховский В.Ф. Археологические работы в Чувашии в 1967 г. / Архив ИА. р-1. 3511.
33. Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашской республике в 1926 г. // ИОАИЭ. Казань, 1927. - Т.ХХХ, вып.4.
34. Старостин П.Н. Отчет о результатах археологической экспедиции на территории Чувашской АССР, проведенной летом 1966 г. Казань / Архив ИЯЛИ. ф.5. оп.2-Н. ед.хр.203. Казань, 1968.
35. Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции в 1956 г. // Ученые записки ЧНИИЯЛИ. - Вып.ХVI. - Чебоксары, 1958.
36. Трубникова Н.В. Отчет о работе 2-го отряда чувашской археологической экспедиции за 1957 г. // Ученые записки. Вып.ХIХ. Чебоксары, 1960. - Вып.ХIХ.
37. Чуваша // Этнографическое исследование. Ч.II. Чебоксары, 1970.
38. Этнографический очерк Мильковича, писателя конца ХУШ в. о чувашах // ИОАИЭ. - Казань, 1906. - Т.25, вып.1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО - Археологические открытия.
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АЭМК - Археология, этнография Марийского края.
ВФУ - Вопросы финно-угроведения.
ИИМК - Институт истории материальной культуры РАН.
ИКОМОС
ИОАИЭ - Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИЯЛИ - Институт языка, литературы, истории.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН России.
МАВГР - Материалы по археологии восточных губерний России.
МАЭ - Музей археологии и этнографии Отдела народов Урала Уфимского научного центра Российской Академии наук.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
МКФУ - Международный конгресс финно-угроведов.
ОАК - Отчеты Археологической комиссии.
РА - Российская археология.
СА - Советская археология.
САИ - Свод археологических источников.
СТ - Советская тюркология.
ТГИМ - Труды Государственного исторического музея.
ТИЭ - Труды Института этнографии.
ТМАЭ - Труды Марийского археологической экспедиции.
ТХАЭЭ - Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции.
ТЮРКСО -
УАЭ - Уральская археологическая экспедиция.
УЗ ПГУ - Ученые записки Пермского государственного университета.
FU - Finno-Ugrica.
SMYA - Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

Поиски и открытия Е.А.Халиковой	3
<i>Р.М.Валеев “Проблемы изучения и сохранения памятников истории и культуры республики Татарстан и татарского народа”</i>	5
<i>С.В. Кузьминых “О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века среднего Поволжья (в связи с работами 70-90-х гг. XX в.)”</i>	14
<i>А.А. Чижевский “Е.а. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры”</i>	30
<i>С.Н.Маратканов “Датировка предметов вооружения из ананьинских могильников средней Камы”</i>	37
<i>П.Н.Старостин “О топографии могильников Именьковской культуры”</i> ...	40
<i>С.Ф.Ермаков, Г.И.Матвеева “Северьяковское селище”</i>	46
<i>Е.П.Казаков “О локализации мадьяр в IX в.”</i>	53
<i>И.Л.Измайлов “К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде волжских булгар”</i>	60
<i>К.А.Руденко “Исследования археологических памятников у с. Балымери в 1996-1998 гг.”</i>	70
<i>С.И.Валиулина “Стеклянные кубки Билярского городища”</i>	78
<i>Н.А.Кокорина “Зооморфные сюжеты корoplastики Волжской Булгарии”</i>	84
<i>И.Ю.Пастушенко “Золотоордынские древности в бассейне р. Сылвы</i>	95
<i>Д.К.Валеева, Д.Д.Хисамова “К вопросу о влиянии искусства волжских булгар на искусство народов Поволжья и Приуралья”</i>	99
<i>Р.Д.Голдина “Вклад Е.А.Халиковой в изучение этнической принадлежности средневековых памятников Южной Удмуртии”</i> ...	105
<i>М.Г.Иванова “Древнеудмуртское городище Иднакар IX - XIII вв.: некоторые итоги и перспективы исследований”</i>	113
<i>А.Ф.Кочкина “Некрополи Муромского городка”</i>	125
<i>Г.М.Давлетшин “Некоторые вопросы исламизации общества Улуса Джучи и Волжская Булгария”</i>	127
<i>И.Р.Газимзянов “Еще раз о могильнике “Бабий Бугор”</i>	132

А.М.Губайдуллин “Некоторые заметки о фортификации Казанского ханства”	138
Л.Д.Макаров “Болгаро-татарские материалы древнерусских памятников Вятской Земли”	143
С.Е.Перевощиков “Железообрабатывающее производство Еманаевского городища”	148
А.Г.Петренко “Варианты форм захоронения частей коня в погребениях Больше-Тиганского и Танкеевского могильников”	152
О.Г.Богаткина “К проблеме реконструкции размеров животных по их костным фрагментам в археологической зоологии”	156
Г.Ш.Асылгараева “Предварительные результаты остеологических исследований с раскопок Билярского городища и Торецкого селища 1998-1999 гг.”	161
И.М.Нестеренко “Охрана памятников археологии в 1990-е гг.”	166
Г.И.Дроздова “К вопросу об истории изучения позднесредневековых кладбищ и погребального обряда чувашского народа”	180
Список сокращений	186